This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

ИЗЪ КНИГЪ
Льва Эдуардовича
БУХГЕЙМЪ.
№ 2651

Slav 4236.1.840

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

О ЛОМОНОСОВѢ

по

НОВЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ.

—

Сочиненіе Н. Лавровскаго.

—

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.

1865.

Digitized by Google

Slav 4236.1.840

Дозволено цензурою. 13 Сентября 1865 года. Харьковъ.

Digitized by Google

Нельзя не выразить признательности академіи наукъ за изданіе двухъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ матеріалы для біографіи Ломоносова [1]. Чѣмъ меньше мы знали о Ломоносовѣ, тѣмъ дороже каждое новое извѣстіе о немъ, каждая новая черта его богатой содержаніемъ жизни. Знали же мы о немъ, дѣйствительно, очень мало: извѣстная коротенькая его біографія, да нѣсколько свѣдѣній, изрѣдка появлявшихся въ печати и разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ — вотъ все, чѣмъ приходилось довольствоваться при обозрѣніи жизни перваго и знаменитаго русскаго ученаго и замѣчательнѣйшаго общественнаго дѣятеля прошлаго вѣка.

Главнымъ же источникомъ для изученія Ломоносова были его произведенія. Они, разумѣется, остаются и теперь и останутся на-всегда съ тѣмъ-же значеніемъ, потому что въ нихъ онъ оста-

---

[1] Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собраны экстра-ординарнымъ академикомъ *Билярскимъ*. Спб. 1865. — Сборникъ матеріаловъ для исторіи императорской академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. Издалъ *А. Куникъ*. Часть I. Спб. 1865.

Digitized by Google

вилъ самый живой, самый духовный свой образъ. Въ томъ и состоитъ великое преимущество сильнаго дарованія, что оно рѣзко, съ самыми яркими чертами своей индивидуальности, отражается не только въ цѣлой совокупности своихъ произведеній, но и въ каждомъ отдѣльно, въ отдѣльныхъ частяхъ каждаго произведенія. Вырвите отдѣльный мотивъ изъ симфоніи Бетговена, явленіе изъ ревизора Гоголя — въ нихъ весь Бетговенъ, весь Гоголь въ данный моментъ ихъ поэтической жизни. Сравненіе это, конечно, общее. Всѣ произведенія такихъ дарованій полны внутренней исторіи ихъ жизни. Въ каждомъ произведеніи Ломоносова отражается его личность; изъ цѣлой совокупности его произведеній выясняется его образъ, колоссальный, цѣльный и живой.

Но этотъ образъ, чисто духовный, хотя и органическій, продуктъ чтенія и изученія самыхъ произведеній Ломоносова, не легко поддается анализу: вы его чувствуете, онъ носится передъ вашимъ воображеніемъ, но онъ ускользаетъ отъ каждой попытки облечь его въ плоть и кровь, разложить его на составляющія его части, опредѣлить взаимныя отношенія этихъ частей и отношенія цѣлаго къ различнымъ областямъ практической дѣятельности, перевести его въ дѣйствительность, создать лице живое со всею многосложностію жизненныхъ отношеній. Для этой операціи вы тотчасъ почувствуете потребность въ иныхъ точкахъ опоры, въ фактахъ дѣйствительной жизни, которые въ свою очередь, разумѣется, не замедлятъ получить яркое освѣщеніе отъ основнаго источника разумѣнія изучаемой личности, отъ ея произведеній. Въ этихъ-то точкахъ опоры для изученія Ломоносова, въ фактахъ дѣйствительной жизни, чувствовался до сихъ поръ величайшій недостатокъ, восполнить который приняли на себя трудъ издатели новыхъ матеріаловъ.

Digitized by Google

Правда, изданные теперь матеріалы обнимаютъ далеко не всю жизнь Ломоносова, ограничиваясь періодомъ времени 1736—1765 годовъ, слѣдовательно не сообщаютъ ничего изъ его жизни на родинѣ и въ московскихъ школахъ: но, съ одной стороны, такова была задача издателей въ настоящемъ случаѣ, съ другой — время заграничной жизни и академической службы Ломоносова есть безспорно важнѣйшее: здѣсь закончилось и получило опредѣленное направленіе его образованіе, здѣсь совершилась и вся его дѣятельность, ученая, учебная, литературная и общественная. На академіи наукъ давно лежала важная обязанность обнародовать хранящіяся въ ея архивахъ оффиціальныя свѣдѣнія объ академической дѣятельности Ломоносова: она исполнила эту обязанность очень кстати, хотя только отчасти и поздно. Можно, конечно, сожалѣть, что недавнее отрадное движеніе по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова не дало будущему его біографу ничего для цѣлыхъ двадцати лѣтъ его жизни, можно опасаться, что за этимъ движеніемъ послѣдуютъ прежній покой и равнодушіе, но и это сожалѣніе и эти опасенія могутъ оказаться преждевременными и напрасными, если академія наукъ смотритъ на изданные теперь матеріалы только какъ на начало трудовъ этого рода.

Другое дѣло — полнота и выборъ матеріаловъ въ предѣлахъ предпринятой задачи. Сохраняя полное уваженіе къ мысли изданія, мы позволимъ себѣ предварительно предложить два замѣчанія, представившіяся послѣ перваго внимательнаго прочтенія матеріаловъ: одно касается именно полноты и выбора послѣднихъ, а другое — примѣчаній къ нимъ. Оба замѣчанія относятся собственно къ сборнику г. Билярскаго, какъ наиболѣе обширному и снабженному примѣчаніями.

Нельзя не замѣтить, что при чтеніи этого сборника иногда

Digitized by Google

бросается въ глаза нѣкоторая поспѣшность, недостатокъ систематическаго и законченнаго изученія архивовъ, въ-слѣдствіе того пропуски, а иногда излишества — качества, которыхъ всего менѣе можно ожидать въ такомъ монументальномъ изданіи. Замѣчаніе это можетъ показаться страннымъ, особенно послѣ увѣренія въ предисловіи о тщательномъ изученіи архивовъ и о знакомствѣ съ ними еще съ сороковыхъ годовъ (стр. 025), тѣмъ не менѣе оно справедливо. Чѣмъ, напр., объяснить *дополненія*, заключающія въ себѣ весьма важные документы, недостатокъ которыхъ нерѣдко давалъ себя чувствовать издателю, какъ не случайностью и неполнотой пересмотра архивовъ? Документы эти сдѣлались извѣстными *по случаю перемѣщенія архива* и такъ поздно, что некогда было заниматься ихъ разборомъ. Такъ, бумаги, слѣдственной коммиссіи (1742 — 1743), составляющія *цѣлую дюжину томовъ*, а также относящіяся къ тяжбѣ конференціи съ Шумахеромъ (1746 — 1747) — остались вовсе не разобранными. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ издателя, что и не кстати было заниматься ихъ разборомъ, *такъ какъ Ломоносовъ въ обоихъ случаяхъ игралъ незначительную, страдательную роль* (Матер. 751). Не смотря на незначительность непосредственнаго участія Ломоносова въ относящихся сюда тяжбахъ, бумаги этого рода, характеризующія внутреннее состояніе академіи, открывающія различные, господствовавшіе въ ней, злоупотребленія и безпорядки, имѣютъ величайшее значеніе для оцѣнки академической его дѣятельности, а также многихъ его оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ донесеній, прямо направленныхъ противъ этихъ злоупотребленій и безпорядковъ. Только при пособіи достаточнаго количества матеріаловъ этого рода, можно надѣяться съ точностью опредѣлить степень правдивости донесеній этого рода. Въ этомъ — сущность дѣла. Отсюда, то есть отъ

Digitized by Google

недостатка относящихся сюда матеріаловъ, происходятъ господствующія до сихъ поръ неясность и сбивчивость представленій о положеніи Ломоносова въ академіи наукъ и объ отношеніяхъ его къ своимъ сослуживцамъ. До сихъ поръ, какъ извѣстно, существуютъ двѣ крайности въ представленіи этого положенія: одни, становясь на сторону недоброхотовъ Ломоносова, видятъ въ его доношеніяхъ придирчивость, запальчивость и задоръ, объясняя эти качества различно; другіе, защищая его, вмѣстѣ съ нимъ видятъ все зло въ злоупотребленіяхъ заправлявшей академіею нѣмецкой партіи. Гдѣ же истина и какъ дойдти до нея? Прямой путь къ ней — ясное и всестороннее пониманіе внутренняго состоянія академіи наукъ въ то время. Только при такомъ пониманіи можно съ непогрѣшимостью опредѣлить положеніе Ломоносова въ академіи, его отношенія по службѣ, а слѣдоват. или доказать честность его стремленій и правдивость его донесеній, или набросить тѣнь на эти стремленія и донесенія. Безъ этого пониманія будущій біографъ Ломоносова едва-ли пойдетъ далеко въ оцѣнкѣ его академической дѣятельности и едва-ли въ состояніи будетъ разсѣять существующія сомнѣнія и уяснить смутныя представленія. Важность же вѣрной оцѣнки академической дѣятельности Ломоносова понятна каждому: здѣсь, въ этой ежедневной дѣятельности, онъ долженъ быть весь на-лицо, и какъ человѣкъ и какъ гражданинъ; здѣсь не могутъ ускользнуть и тѣ мелочи и подробности, которыя такъ важны для полной и живой характеристики. Ошибочно думать, что только тѣ архивные документы относятся къ матеріаламъ для біографіи Ломоносова, въ которыхъ онъ выступаетъ непосредственно въ оффиціальную среду и является въ ней дѣйствующимъ лицомъ. Можетъ случиться, что нѣкоторые изъ такихъ документовъ не прибавятъ ни одной черты для искомой характеристики, между тѣмъ

Digitized by Google

какъ другіе, вовсе не упоминающіе о Ломоносовѣ, окажутся для нея весьма важными. Нельзя не замѣтить, что изданіе г. Билярскаго не свободно отъ такого односторонняго понимѣнія значенія матеріаловъ: въ немъ усердно и заботливо собраны всѣ собственноручныя и несобственноручныя записки съ подписью Ломоносова, между которыми, правду сказать, найдется весьма порядочная доля такихъ, которымъ суждено остаться рѣшительно непроизводительными, напр. о требованіи угольевъ, глины и проч. для химической лабораторіи, о рабочихъ, мелочныхъ расходахъ для нея-же и т. д., а между тѣмъ дюжина томовъ слѣдственнаго дѣла по поводу злоупотребленій и безпорядковъ въ академіи наукъ, противъ которыхъ Ломоносовъ во все время своей академической службы велъ самую ожесточенную войну, была замѣчена только при перемѣщеніи архива и осталась извѣстною читателю только по тремъ строчкамъ «дополненій» къ матеріаламъ. Замѣчаніе это сдѣлано подъ вліяніемъ искренняго сожалѣнія, что г. Билярскій, стряхнувшій наконецъ вѣковую пыль съ драгоцѣнныхъ документовъ, подошедшій къ нимъ близко съ рѣшительнымъ намѣреніемъ разобрать и извлечь ихъ изъ постыдной неизвѣстности, все-таки очень многое и очень важное обрекъ снова неизвѣстности и, кто знаетъ, на долго ли, что онъ не вполнѣ воспользовался тѣмъ исключительнымъ случаемъ, который привелъ его въ архивъ. Сожалѣть о такой неполнотѣ должно тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ не могли стѣснять его экономическія соображенія. Та-же поспѣшность и какая-то случайность въ разборѣ архива замѣтны и въ обнародованіи документовъ по дѣлу объ извѣстной Миллеровой диссертаціи и по нѣкоторымъ другимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что эти послѣдніе документы нашли себѣ мѣсто въ дополненіи ихъ. На стр. 752-й издатель, приведя въ дополненіяхъ же документъ о пору-

Digitized by Google

ченіи Ломоносову наблюденія за изданіемъ Вѣдомостей, замѣчаетъ: «документъ объ освобожденіи его отъ этой должности былъ у меня подъ руками, *но тогда я не могъ имъ воспользоваться, а послѣ не могъ отыскать въ архивѣ*». Оттого онъ и долженъ былъ пустить въ оборотъ слѣд. неопредѣленное выраженіе на отдаленное, вѣроятно, будущее: «Ломоносовъ отправлялъ эту должность при вѣдомостяхъ до 1751 *или* 1752 года, т. е. до полученія чина коллежскаго совѣтника» [1]. На стр. 161-й находится слѣд. замѣчаніе: «обѣщанный Ломоносовымъ проэктъ устройства стекляннаго завода дѣйствительно былъ имъ поданъ: копія этого проэкта имѣется у секретаря комитета правленія академіи наукъ, Н. М. Михайловскаго, но онъ, къ сожалѣнію, *не имѣлъ досуга отыскать его среди множества другихъ документовъ, хранящихся въ его собраніи*» и т. д. Въ нашемъ обозрѣніи можно найдти довольно указаній этого рода.

Можно указать на неполноту Матеріаловъ и въ другомъ отношеніи. Помѣщая напр., на стр. 109 — 110, интересное письмо Ломоносова къ Эйлеру, въ которомъ послѣдній въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ вызываетъ Ломоносова написать сочиненіе *о рожденіи селитры* (de nitri genesi), издатель опускаетъ ту часть письма, которая передаетъ сущность дѣла, и ограничивается замѣткой: «за-тѣмъ слѣдуютъ на 13 страницахъ спеціальныя разсужденія на тему, означенную въ приведенномъ вступленіи письма». Послѣ этого выпуска, въ письмѣ остаются одни извиненія, вѣжливости, которыя, очевидно, не поведутъ къ важнымъ выводамъ. Какъ видно, на эти 13 страницъ Эйлеръ не замедлилъ отвѣтомъ, который имѣетъ понятное значеніе для интересующихся существомъ дѣла. Приводя на 113 стр. письмо Эйлера къ пре-

[1] Впрочемъ, на стр. 150-й время полученія этого чина опредѣляется между 27 февраля и 11 марта 1751 года.

Digitized by Google

зиденту (отъ 24 августа 1748 г.), къ которому былъ приложенъ отвѣтъ Ломоносову, издатель ограничивается слѣд. замѣчаніемъ: «въ академической библіотекѣ между бумагами Ломоносова есть тетрадка изъ осьми страницъ въ осьмушку, въ которой я несомнѣнно узнаю почеркъ Эйлера. Это лишь вторая половина какой-то физико-математической статьи: не есть ли это отвѣтъ Эйлера Ломоносову, о которомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ президенту? Рѣшить это — дѣло спеціалистовъ». Но почему же не напечатаны и письмо Ломоносова вполнѣ, и эти восемь страницъ въ осьмушку отвѣта Эйлера? Они облегчили бы средства спеціалистамъ рѣшить это дѣло и ускорили бы самое рѣшеніе. На стр. 127 издатель снова возвращается къ этой диссертаціи Ломоносова «de nitri genesi» и говоритъ: «между бумагами Ломоносова въ академической библіотекѣ дѣйствительно хранится собственноручная черновая тетрадь доселѣ, кажется, неизвѣстной диссертаціи Ломоносова «De nitro», занимающей 32 стр. мелкаго письма, раздѣленной на 28 параграфовъ, но не конченной». При помѣщеніи на 111-й стр. заглавій руководствъ по физикѣ и химіи, весьма полезно было бы сообщить хотя-бы краткую характеристику этихъ руководствъ и т. д. Когда изданіемъ матеріаловъ для біографіи исторической личности желаютъ дать средства глубже и многостороннѣе понять эту личность и судить о ней, нельзя разрывать различныя направленія ея дѣятельности и сообщать матеріалы для одного направленія, вовсе умалчивая, или отрывочно и случайно сообщая свѣдѣнія о другомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ направленія въ настоящемъ случаѣ, при всей своей спеціальности, сходятся вмѣстѣ въ общемъ научномъ и образовательномъ стремленіи, взаимно себя объясняютъ и характеризуютъ общее историческое значеніе личности. Выводъ объ общемъ историческомъ значеніи Ломоносова долженъ слагаться изъ мно-

Digitized by Google

жества частныхъ выводовъ о значеніи его служебной, образовательной, литературной и научной дѣятельности: отъ матеріаловъ для его біографіи естественно ожидать вниманія ко всѣмъ этимъ выводамъ.

Намъ могутъ сказать: замѣчанія и изслѣдованія Ломоносова по физикѣ и химіи, а равно и относящаяся сюда его ученая корреспонденція, должны найдти себѣ мѣсто въ полномъ собраніи его сочиненій. Но, съ одной стороны, неизвѣстно — скоро ли мы дождемся полнаго собранія сочиненій Ломоносова, а съ другой — относящихся сюда матеріаловъ вовсе не такъ много, чтобы можно было задумываться надъ ихъ помѣщеніемъ.

Намъ могутъ сказать также: издатель, по своимъ занятіямъ, могъ имѣть въ виду только опредѣленное направленіе и отвѣчать за него; не будучи компетентнымъ въ остальныхъ, не могъ принять на себя и отвѣтственности за нихъ. Справедливо! Но свои замѣчанія объ указанномъ пробѣлѣ матеріаловъ мы не думали относить къ г. Билярскому: интересующіеся изданными теперь матеріалами могутъ только благодарить его и г. Куника за весьма значительное расширеніе свѣдѣній о Ломоносовѣ. Послѣднія замѣчанія вызваны тѣмъ обстоятельствомъ, что изданіе матеріаловъ предпринято и совершено академіей наукъ, вызвано недоумѣніемъ — почему въ изданіи не видно участія того академическаго общества, которое могло бы, казалось, считать за честь назвать Ломоносова своимъ ближайшимъ сочленомъ и сотрудникомъ. Недоумѣніе невольно усиливается при мысли о томъ-же безучастіи того-же общества и въ академическомъ торжествѣ по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова. Чѣмъ объяснять это обстоятельство? Непризнаніемъ важности трудовъ Ломоносова въ той степени, которая уполномочивала бы на участіе въ этомъ торжествѣ? Но противъ этого говорятъ не разъ повторявшіеся

Digitized by Google

отзывы такого авторитета, къ которому нельзя питать недовѣрія; противъ того-же могутъ говорить и университеты, признавшіе долгомъ ознаменовать юбилей Ломоносова посильными воспоминаніями о его дѣятельности и посвятившіе большую часть своихъ воспоминаній той его дѣятельности, которая прямо относится къ спеціальностямъ упомянутаго академическаго общества и которую, по ихъ признанію, должно считать важнѣйшею и существенною. Отсюда произошло, что академическое торжество получило особый характеръ, отличный отъ университетскаго: академическое торжество утверждаетъ, что главное значеніе Ломоносова заключается въ его трудахъ по литературѣ и языку, отрицая значеніе его въ той области, по которой онъ носилъ званіе академика и профессора. Такой характеръ напоминаетъ академическія торжества въ воспоминаніе о Ломоносовѣ временъ давно минувшихъ. А между тѣмъ, если вѣрить печатнымъ заявленіямъ университетскихъ спеціалистовъ, слѣдовало бы перенести центръ тяжести историческаго значенія Ломоносова изъ области литературы и языка въ область физики и химіи и утверждать, что репутація Ломоносова по литературѣ и языку, при всей важности относящихся сюда его трудовъ, оставалась до сихъ поръ исключительно господствующею единственно потому, что его время неспособно было оцѣнить его спеціальныя ученыя занятія, а послѣдующее время забыло о нихъ, обратившись къ своимъ западнымъ учителямъ. Во имя самой правды естественно желаніе узнать, на которой же сторонѣ находятся правда.

Вообще нельзя не пожалѣть о такихъ признакахъ поспѣшности и неполноты въ столь важномъ и давно ожидаемомъ изданіи. Имѣя ихъ въ виду, читатель имѣетъ полное право усомниться въ справедливости весьма часто повторяющихся увѣреній, что такихъ-то документовъ, иногда весьма важныхъ, не имѣется въ архивѣ; вѣдь

Digitized by Google

есть же въ Матеріалахъ такія увѣренія, а въ дополненіяхъ — случайно отысканные послѣ документы. Сомнѣніе усиливается, когда не оказывается въ архивѣ особенно важныхъ документовъ, напр. подлинныхъ актовъ, относящихся къ дѣлу о пересмотрѣ академическаго регламента 1754 года (стр. 283), подлинныхъ актовъ коммисіи 1754 года «для отрѣшенія излишествъ отъ академіи» (стр. 262), регламентовъ университета и гимназіи (стр. 420) и др.

Документы, помѣщенные въ Матеріалахъ, нерѣдко сопровождаются примѣчаніями издателя. Такъ-какъ примѣчанія эти главнымъ образомъ касаются обличенія Ломоносовымъ господствовавшихъ въ академіи злоупотребленій и безпорядковъ, его проектовъ о ихъ истребленіи и лучшемъ устройствѣ академіи, и такъ-какъ главный источникъ этихъ злоупотребленій и безпорядковъ, по его мнѣнію, заключался въ ненормальномъ положеніи академической канцеляріи: то мы и позволимъ себѣ въ самомъ началѣ сказать нѣсколько словъ вообще объ отношеніяхъ Ломоносова къ этой канцеляріи, то есть къ заправлявшимъ ею и всею академіею, во все время его академической службы, Шумахеру и Тауберту.

Хотя насъ никогда спеціально не занимали личности Шумахера и Тауберта сами по себѣ, однако и прежде отношенія ихъ къ Ломоносову представлялись намъ съ достаточною для существа дѣла ясностью. Внимательное чтеніе изданныхъ теперь матеріаловъ, правда, уясняетъ взглядъ на нихъ во многихъ подробностяхъ, но нисколько не измѣняетъ его сущности. Эти отношенія мы представляли себѣ и прежде, и представляемъ теперь совершенно просто и безъ всякаго увлеченія и идеализаціи.

На одной сторонѣ мы видимъ русскаго человѣка, единственно собственнымъ трудомъ, съ многочисленными лишеніями, по какому-то высшему наитію выбравшагося изъ простаго народа, изъ

Digitized by Google

крестьянскаго быта, въ сферу науки и общественной дѣятельности, одареннаго могущественнымъ дарованіемъ, глубоко и разносторонне развитымъ современною ему европейскою наукою, столь-же глубоко проникутаго сознаніемъ собственнаго достоинства и своего призванія къ насажденію просвѣщенія въ Россіи, горячаго, вспыльчиваго, пожалуй, заносчиваго и властолюбиваго. Обстоятельнѣе и подробнѣе ознакомившись съ его служебною академическою дѣятельностію, мы можемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ упрекать его въ нетерпѣливости, запальчивости, придирчивости и неуживчивости, но не имѣемъ рѣшительно никакого права заподозривать искренность его широкихъ патріотическихъ стремленій. Если Ломоносовъ самъ часто указываетъ на свои достоинства и заслуги академіи и наукѣ — это нисколько не странно, потому что справедливо, и, конечно, Ломоносовъ живѣе, чѣмъ кто-либо, сознавалъ свои достоинства и свои заслуги, особенно въ виду непрерывныхъ попытокъ унизить его и подчинить себѣ. Если есть доля преувеличенія въ его доношеніяхъ о непорядкахъ въ академіи и ихъ виновникахъ, то это преувеличеніе также совершенно понятно и объясняется тѣмъ разгаромъ страстей, среди котораго эти доношенія писаны, и впечатлѣніемъ тѣхъ многочисленныхъ и нерѣдко мелочныхъ оскорбленій, на которыя, разумѣется, не скупились его противники, вымещая свои собственныя оскорбленія. Если же онъ утверждаетъ, что въ основаніи всѣхъ его доношеній искреннее и пламенное желаніе пользы отечеству, процвѣтаніе въ немъ науки, «чтобы академія изъ сыновъ россійскихъ состояла, чтобы гимназіи и университетъ приведены были въ вожделѣнное теченіе, откуда могутъ произойдти многочисленные Ломоносовы»: то мы не можемъ не вѣрить искренности этихъ увѣреній, потому что они оправдываются всею службою, всю дѣятельностію его, потому что это не одни

Digitized by Google

громкія слова, потому что за этими словами длинный рядъ капитальныхъ трудовъ по разнымъ областямъ знаній, трудовъ, значеніе которыхъ признавали и современники, не отвергнетъ и самое отдаленное потомство. Ломоносовъ имѣлъ своихъ меценатовъ и дорожилъ ими, потому что видѣлъ въ нихъ прежде всего защиту и поддержку своихъ плановъ; отношенія его къ нимъ основаны были на взаимномъ уваженіи и даже привязанности; относительно ихъ онъ держалъ себя съ величайшимъ достоинствомъ и независимостью и никогда не доходилъ до униженія и ласкательства. Изданные теперь матеріалы представляютъ немало новыхъ неопровержимыхъ тому доказательствъ. Оправдываясь однажды предъ Шуваловымъ отъ упрека въ ласкательствѣ, замѣченномъ въ какомъ-то письмѣ его къ императрицѣ, онъ говоритъ, что «въ немъ сама природа ему совсѣмъ почти отказала, и ежели гдѣ нѣкоторое подобіе окажется, то конечно не его вымыслы, но только какихъ-нибудь обстоятельствъ внезапная буря принуждаетъ». Въ 1760 году онъ пишетъ тому-же Шувалову: «по окончаніи сего (т. е. по утвержденіи университетской привилегіи) только хочу искать способа и мѣста, гдѣ-бы чѣмъ рѣже тѣмъ лучше видѣть было персонъ высокородныхъ, которые мнѣ нискою моею природою попрекаютъ, видя меня какъ бѣльмо на глазѣ» (432). Извѣстны его слова изъ другаго письма Шувалову: «не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ» (487). Въ 1764 году, домогаясь слѣдствія надъ Таубертомъ, Ломоносовъ пишетъ президенту: «ежели ваше высокографское сіятельство не соблаговолите сей важной моей долговременной жалобы уважить и привести въ дѣйствіе въ скоромъ времени, *то принужденъ буду принять законную смѣлость непремѣнно*

Digitized by Google

поступить по высокопомянутому Монаршескому указу для избавленія восходящихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ отъ наглаго утѣсненія» (553), т. е. обратиться къ высшимъ властямъ и къ самой императрицѣ. Кто могъ такъ писать, тотъ не могъ ласкательствовать и унижаться; да у Ломоносова было для того слишкомъ много самолюбія и сознанія собственнаго достоинства и значенія. Мы съ намѣреніемъ остановились на этой краткой характеристикѣ Ломоносова и особенно на послѣднемъ обстоятельствѣ, чтобы показать, съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло противодѣйствовавшей ему нѣмецкой партіи. Недаромъ Шумахеръ сознавался, что онъ «великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры», а Таубертъ, въ разговорѣ о произведеніяхъ россійскихъ студентовъ, говорилъ: «развѣ де намъ десять Ломоносовыхъ надобно; и одинъ де намъ въ тягость» (443).

На другой сторонѣ, во главѣ непосредственнаго академическаго управленія, мы видимъ сначала одного, потомъ двоихъ нѣмцевъ — Шумахера и Тауберта, тестя и зятя, людей, неимѣвшихъ никакихъ ученыхъ заслугъ, неознаменовавшихъ себя никакимъ сколько-нибудь замѣчательнымъ трудомъ, въ наукахъ скудныхъ, по выраженію Ломоносова, пробравшихся въ академію случайно — одинъ по протекціи президента — нѣмца Блюментроста, другой по женѣ, людей ловкихъ, съ практическою смѣтливостью и изворотливостью, вкрадчивыхъ, умѣвшихъ разными средствами привлечь на свою сторону людей вліятельныхъ и случайныхъ, силою ихъ вліянія отражавшихъ, по видимому, неотразимые удары Ломоносова, правда, часто колебавшихся въ своей крѣпкой позиціи отъ этихъ ударовъ, но успѣвшихъ удержаться въ ней — одинъ до своей смерти (1761), другой—и по смерти Ломоносова. Захвативши въ свои руки все управленіе академіей, не

Digitized by Google

только по дѣламъ экономическимъ и административнымъ, но и учебнымъ и ученымъ, они весьма естественно желали распространить и утвердить свою власть и надъ всѣмъ академическимъ персоналомъ, и не только надъ чиновниками, но и профессорами, подчинить ихъ строгому канцелярскому порядку и дисциплинѣ, т. е. своей собственной власти. При такой постановкѣ канцеляріи, зависимость и подчиненіе ей профессоровъ казались неизбѣжными, потому что вытекали изъ самаго существа этой постановки, по связи профессорской дѣятельности съ экономіей и администраціей. Но на дорогѣ къ этой цѣли подчиненія всей академіи нѣмецкой канцеляріи стоялъ Ломоносовъ. Для самаго поверхностнаго взгляда, при самомъ легкомъ вниманіи къ характерамъ дѣйствующихъ лицъ, даже вовсе независимо отъ патріотическихъ и національныхъ побужденій, долженъ представляться неизбѣжнымъ жестокій антагонизмъ, борьба на быть или небыть, которая могла кончиться рѣшительнымъ паденіемъ одной стороны и подчиненіемъ ей другой, или рѣшительною перемѣною цѣлой системы академическаго управленія, т. е. совершеннымъ освобожденіемъ ученой и учебной части отъ канцеляріи. О примиреніи или соглашеніи, о среднемъ пути, тутъ невозможно и думать, и предполагать дружелюбныя отношенія, хотя-бы и кратковременныя, неосновательно, потому что въ самомъ основаніи этихъ отношеній лежало непримиримое противорѣчіе, начало борьбы. По соображенію тогдашнихъ порядковъ и понятій и слабости вниманія къ потребностямъ и важности науки и по тому, что враждебная Ломоносову партія не развлекалась наукой, свободно могла располагать своимъ временемъ для своей оборонительной и наступательной борьбы, пользоваться каждою благопріятною минутой, между тѣмъ какъ Ломоносовъ, отвлекаемый многочисленными занятіями, требовавшими цѣлаго человѣка, могъ дѣйствовать

Digitized by Google

только случайно, отдѣльными отпорами и нападеніями, — казалось, легко предвидѣть исходъ борьбы. И однако Ломоносовъ не только сохранилъ свою позицію, но и успѣлъ выдѣлить для себя важнѣйшія учрежденія академіи — университетъ, гимназію и географическій департаментъ, освободить ихъ отъ канцелярской зависимости въ экономическомъ отношеніи; въ послѣдніе же годы своей жизни онъ пріобрѣлъ такое вліяніе и силу, что угрожалъ нѣмецкой партіи рѣшительнымъ торжествомъ и коренною, имъ проектированною, реформою академіи. Было время, конецъ царствованія Елисаветы, когда Ломоносовъ находился, такъ сказать, на-канунѣ полнаго своего торжества, на-канунѣ реформы академіи со званіемъ вице-президента — и только болѣзнь и смерть императрицы и послѣдовавшіе за-тѣмъ перевороты остановили дѣло и разсѣяли задушевные его планы и мечтанія. Такой поворотъ дѣла, конечно, объясняется различными причинами: и вліяніемъ меценатовъ Ломоносова, и дѣйствительными безпорядками въ академіи, и усиливавшимися злоупотребленіями канцеляріи, но прежде всего — личными его качествами, силою его воли и ума, предъ которой невольно должны были уступать его противники и которую не могли не чувствовать надъ собой и тѣ, которые ее не понимали. Эта сила ума и воли, неотразимость доводовъ, ясность представленій, строгая послѣдовательность въ ихъ развитіи, смѣлость, а иногда и рѣзкость въ выраженіи обнаруживаются во всѣхъ изданныхъ теперь оффиціальныхъ бумагахъ Ломоносова. Вы чувствуете, такъ сказать, прикосновеніе его пера къ каждому клочку бумаги и отдѣлите каждую его записку отъ сотни другихъ, хотя-бы она не имѣла никакихъ внѣшнихъ доказательствъ, что принадлежитъ ему.

Такъ представляются положеніе, характеръ и взаимныя отношенія обѣихъ сторонъ, по общему соображенію, основанному на

Digitized by Google

прежнихъ и теперь изданныхъ матеріалахъ. Должно согласиться, что сущность дѣла не измѣнилась, что и естественно: личность Ломоносова такая цѣльная, такъ проникута однимъ духомъ и вся дѣятельность ея—однимъ направленіемъ, что по одному отрывочному о ней извѣстію предугадывается весь ея характеръ и значеніе, какъ по обломку кости цѣлый организмъ. Но чтобы это общее соображеніе въ каждомъ отдѣльномъ столкновеніи сторонъ подтвердить фактически и документально, опредѣлить — кто правъ и кто виноватъ, и вывести, по возможности, вѣрное заключеніе, для этого едва-ли достаточно будетъ изданныхъ теперь матеріаловъ. Прежде всего, разумѣется, audiatur et altera pars, должно собрать и внимательно выслушать показанія Шумахера и Тауберта и ближе и точнѣе ознакомиться съ ихъ личностями, а потомъ, что особенно важно, ближе и точнѣе ознакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ академіи наукъ отъ ея начала до смерти Ломоносова. Для первой цѣли мы не имѣемъ почти ничего, для послѣдней — очень мало. И для той и для другой цѣли необходимо изученіе оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ этой эпохѣ, и академія наукъ сдѣлала бы большую и драгоцѣнную услугу русскому обществу, если-бы приняла на себя трудъ тщательнаго пересмотра своихъ архивовъ и выбора для изданія важнѣйшихъ и наиболѣе характеристическихъ документовъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о сборникѣ г. Билярскаго мы остановимся на нѣкоторыхъ чертахъ жизни и дѣятельности Ломоносова, на-сколько позволяютъ изданные теперь матеріалы.

Digitized by Google

I. ЛОМОНОСОВЪ СТУДЕНТЪ И АДЪЮНКТЪ АКАДЕМІИ

И ЕГО ПРОДЕРЗОСТИ.

Отношенія Ломоносова къ Шумахеру начались, разумѣется, вслѣдъ за появленіемъ его въ академію наукъ. Первый упрекъ его канцеляріи состоитъ въ томъ, что будто бы она замедлила его отправленіе за границу — отъ 19 марта 1736 года, когда объявлено было разрѣшеніе, до 8 сентября, когда они отправились, *употребивши назначенныя для этой цѣли деньги на другія академическія нужды, за недостаткомъ денегъ въ академіи.* Упрекъ этотъ, какъ видно изъ бумагъ въ Сборникѣ г. Куника, не совсѣмъ справедливъ. Высочайшее разрѣшеніе состоялось 7-го марта, изъ Императорскаго кабинета бумага отправлена 13 марта, студентамъ объявлена 19, а росписка чиновника Линдорфа въ полученіи 1200 р.—отъ 26 іюня 1736. (Сбор. *Кун.*, стр. 103 — 106). Только теперь студенты могли быть отправлены, и, неизвѣстно почему, дѣло замедлилось слишкомъ на два мѣсяца; инструкція составлена 17 августа, а письмо президента Корфа, которое должны были вручить студенты Вольфу, написано 18 августа. Непонятный промежутокъ времени отъ 26 іюня до 18 августа не совсѣмъ удобно объяснять каникулярнымъ временемъ: не только для удобства и безопасности путешествія, но и въ учебномъ отношеніи студентамъ полезнѣе было отправиться

Digitized by Google

въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, чтобы выиграть цѣлое полугодіе занятій. Объяснять же эту причину растратой назначенной на поѣздку суммы на другія потребности нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что, при установленной выдачѣ по третямъ (Сб. *Кун.*, стр. 117), на первый разъ требовалось только $^1/_3$ суммы, да и распредѣленіе всей студентской суммы сдѣлано было такъ, что 300 р. оставались въ академической кассѣ на непредвидѣнные расходы (Сб. *Кун.*, стр. 104). Впрочемъ, объ этомъ обстоятельствѣ Ломоносовъ говоритъ въ своей краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи (стр. 153), написанной за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти (въ іюлѣ или августѣ 1764), въ самую горячую пору хлопотъ о реформѣ академіи. Отъ воспоминаній нельзя было ожидать точности, а справляться было некогда, да и Шумахара давно уже въ живыхъ не было.

Изъ времени заграничной жизни Ломоносова сохранилось письмо Ломоносова Шумахеру, объясняющее отношеніе его къ Генкелю и причины, побудившія его преждевременно оставить Фрейбергъ[1]. Это письмо, а равно и относящееся сюда пространное донесеніе Генкеля, отъ 20 іюня н. с., весьма интересны и характеристичны не только для Ломоносова, но и для Генкеля; оба документа важны и по объясненію одного изъ замѣчательныхъ событій изъ жизни Ломоносова. Къ Шумахеру Ломоносовъ относится въ своемъ письмѣ, разумѣется, съ величайшимъ почтеніемъ и самою покорною просьбою не отвергнуть его, бѣдствующаго и преслѣдуемаго; взываетъ даже къ его врожденной добротѣ, умоляетъ освободить его отъ тиранической власти Генкеля и дозволить ему продолжать занятія въ другихъ мѣстахъ Германіи, напр. на

[1] Ломоносовъ съ товарищами прибылъ въ Фрейбергъ 25 іюля 1739 г., на два года; оставилъ Фрейбергъ 17 или 18 мая 1740, слѣдоват. пробылъ въ немъ 10 мѣсяцевъ.

Digitized by Google

Гарцѣ, увѣряя въ будущихъ своихъ успѣхахъ и въ готовности перенести какое угодно наказаніе въ случаѣ уклоненія отъ своихъ обязанностей. Словомъ, письмо проникнуто чувствами во всякомъ случаѣ провинившагося предъ своимъ начальствомъ студента; и должно согласиться, что академическое начальство весьма снисходительно посмотрѣло на исторію Ломоносова съ Генкелемъ, ограничившись только немедленнымъ вызовомъ его изъ-за границы; изъ послѣдующихъ же отношеній его къ академіи не видно никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій этой исторіи. Въ небольшомъ отвѣтномъ письмѣ Генкелю на его пространное донесеніе канцелярія извѣщаетъ его, что она съ особеннымъ неудовольствіемъ узнала о неприличномъ поведеніи Ломоносова, рѣшила вызвать его въ Петербургъ и проситъ Генкеля воздержаться отъ дальнѣйшаго неудовольствія, чтобы не дать повода Ломоносову скрыться гдѣ-нибудь. Равнымъ образомъ въ небольшомъ и совершенно оффиціальномъ письмѣ Шумахера къ Ломоносову, въ отвѣтъ на упомянутое выше его объяснительное письмо (отъ 16 ноября 1740 г.) изъ Марбурга, предписывается только, не медля ни одной минуты по полученіи приказа, отправиться въ путь [1], на что и выслано ему было сто рублей. Въ письмѣ къ Вольфу (отъ 28 февраля 1741 г.) Шумахеръ проситъ его озаботиться отправленіемъ Ломоносова и принять на свой кредитъ его долги, если окажутся, обѣщая немедленную ихъ уплату.

Вообще, при самомъ безпристрастномъ взглядѣ на фрейбергскую исторію Ломоносова, нельзя не замѣтить, что не во всемъ же виноватъ одинъ онъ, что не было недостатка въ возбужденіи и со стороны Генкеля. Всѣ, относящіяся сюда, бумаги Ген-

---

[1] Ew. WohlEdlen werden also keinen Moment versäumen, um derselben (Ordre) nachzukommen. Сб. *Кун.*, 185.

Digitized by Google

келя оставляютъ въ читателѣ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе и позволяютъ если не достовѣрно утверждать, то чувствовать возможность возбужденія. Одно изъ качествъ, приписываемыхъ Генкелю въ письмѣ Ломоносова, можетъ быть, преувеличенныхъ въ-слѣдствіе сильнаго раздраженія (Bosheit, Geiz, Falsch und neidisch Gemüth. Сб. *Кун.* 180), даетъ себя чувствовать и въ требованіи слишкомъ большаго гонорара, и въ безпрестанныхъ просьбахъ о присылкѣ его впередъ, чтобы не потерять процентовъ (Сб. *Кун*, 176), и въ мелочныхъ разсчетахъ издержекъ, составленныхъ съ особенною аккуратностью. Какое различіе въ этомъ отношеніи между донесеніями Генкеля и Вольфа, довольствовавшагося несравненно меньшимъ гонораромъ! (150 р. Сб. *Кун.*, 117). Самое отправленіе студентовъ первоначально въ Марбургъ послѣдовало, какъ видно, по причинѣ неумѣреннаго гонорара, котораго требовалъ себѣ Генкель [1]. Когда академія предложила ему 1000 р. въ годъ (вмѣсто 1200 р., какъ требовалъ Генкель), то онъ охотно согласился и на этотъ гонораръ. По всей вѣроятности, и прибавку полугодія къ пребыванію студентовъ во Фрейбергѣ (Генкель дѣлалъ разсчетъ только на $1^1/_2$ года) должно разсматривать какъ уступку со стороны академіи денежнымъ разсчетамъ Генкеля, которому все-таки приходилось получить больше, чѣмъ сколько онъ требовалъ. Жалоба Ломоносова на задержку принадлежащихъ студентамъ денегъ можетъ

[1] Dermahlen aber gedachter Berg-Physicus Henckel in seinem eingesandten Vorschlag de dato d. 7-ten Maji h. a. et praesent. den 17 ejusd., was zu Fortsetzung derer Studiosorum Studien und ihre Sustentation von ihm gefordert wird, die von Ihro Kayserlichen Majestät allergnädigst accordirte Summa bey weiten übersteiget, Als sollen oben gemeldete Disciples vorerst nach Marpurg in Hessen... ihre Reise dahin antreten etc. Сб. *Кун.*, 103.

Digitized by Google

относиться только къ тому талеру въ мѣсяцъ, который, по чрезвычайно экономическому разсчету академіи, должно было выдавать каждому изъ нихъ на мелочные расходы. На объявленіе же Генкеля по городу, чтобы не вѣрили студентамъ въ долгъ, жаловаться нельзя было, потому что нѣсколько разъ и весьма настоятельно просила о томъ сама академическая канцелярія, только-что расплатившаяся, и не дешево, съ марбургскими долгами [1]. Показанію же Ломоносова о присвоеніи себѣ Генкелемъ части денегъ, слѣдовавшихъ нѣкоторымъ другимъ наставникамъ студентовъ, за что они отказывались отъ своихъ уроковъ, а также показанію, что «богатые слушатели платили ему не болѣе 150 талеровъ» [2], нѣтъ никакого основанія не вѣрить безусловно какъ потому, что и то и другое показаніе вовсе не находится въ противорѣчіи съ характеромъ донесеній самого Генкеля, такъ и потому, что едва-ли Ломоносовъ осмѣлился бы безъ достаточнаго основанія представлять эти обвинительныя показанія канцеляріи, которая имѣла полную возможность ихъ провѣрить. Тѣмъ не менѣе легко себѣ представить раздраженіе нѣмецкаго ученаго, облеченнаго столь обширною властью надъ русскими студентами не только въ учебномъ, но и въ нравственномъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, когда до него дошли разглашенія по

[2] Ew H. ersuche ich, писалъ бар. Корфъ Генкелю отъ 7 іюля 1739 г.,... den Studiosis ganz und gar kein Gelt, ausser den einen zu Hand-Gelt und Kleinigkeiten oberwehnten Maszen monatlich bestandenen Thaler in die Hände zu geben, im übrigen aber aller Orten in der Stadt bekannt zu machen, dasz ihnen von Niemand etwas creditiret werden mag, angesehen im entstehenden Fall die Academie der W. niemals darvon das geringste bezahlen wird. (Сб. *Кун.*, 159).

[3] Когда разглашеніе этого рода дошло до Генкеля, то онъ будто-бы сказалъ: «die Zarin ist reich, kan noch so viel betzahlen». (Сб. *Кун.*, 180).

Digitized by Google

городу въ этомъ смыслѣ со стороны Ломоносова. Академическая канцелярія, сдѣлавши имъ строгій выговоръ за марбургскія продѣлки, оффиціально дала знать о нихъ Генкелю (Сб. *Кун.*, 158) и тѣмъ самымъ вызвала послѣдняго на особую строгость надзора за ними. Тѣмъ естественнѣе раздраженіе Генкеля при первыхъ признакахъ своеволія, и притомъ обращеннаго противъ него самого; а при такомъ раздраженіи и оскорбленіи самолюбія понятны нѣкоторая придирчивость и, можетъ быть, не всегда справедливая взыскательность, производившія также понятное дѣйствіе на горячій и независимый нравъ Ломоносова. Вспышка была неизбѣжна, чѣмъ и въ какомъ бы видѣ она ни обнаружилась.

Нѣтъ нужды долго останавливаться на двухъ извѣстныхъ сценахъ, въ лабораторіи и въ квартирѣ Генкеля, гдѣ произошла эта вспышка. Въ первомъ случаѣ Ломоносовъ отказался отъ назначенной ему, хотя и непріятной, работы, за что, по его словамъ, онъ былъ прогнанъ изъ лабораторіи съ жестокою бранью[1] (Сб. *Кун.* 181), или, по словамъ Генкеля, вышелъ самъ съ яростью и неприличными жестами. Ломоносовъ принесъ повинную и лично, и въ письмѣ, приложенномъ Генкелемъ къ его донесенію въ академію наукъ. Письмо это было написано съ большимъ достоинствомъ и свободою мысли, а потому не понравилось Генкелю[2].

---

[1] Ломоносовъ доносилъ, что Генкель грозилъ ему солдатомъ, а послѣдній писалъ, что онъ только объяснялъ ему, что иначе ничему полезному нельзя научиться, что и солдатъ долженъ нюхать порохъ и т. д.

[2] Письмо написано на прекрасномъ латинскомъ языкѣ, безъ числа. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи помѣстить его здѣсь въ подстрочномъ переводѣ. «Благороднѣйшему и ученѣйшему мужу, Генкелю, горному совѣтнику, М. Ломоносовъ желаетъ здравія! Лѣта, имя и заслуги твои убѣждаютъ меня, что слова мои, сказанныя въ состояніи раздраженія на твои бранныя слова и на

Digitized by Google

Дѣло однако уладилось послѣ приличной головомойки, по собственному выраженію Генкеля. О другой сценѣ, когда Ломоносовъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, съ дерзостью и неприличіемъ требовалъ у Генкеля денегъ и грозилъ жаловаться въ Петербургъ на задержку слѣдующихъ имъ денегъ, не стоитъ и говорить, потому что Ломоносовъ, по собственнымъ словамъ Генкеля, былъ не въ своемъ видѣ (wobey er nur etwas betruncken zu sein mir vorkahm. 172). Генкель самъ пишетъ, что

угрозу отдать меня въ солдаты, ты признаешь за выраженіе не злобнаго моего сердца, а оскорбленной невинности. Мужъ геніальный, знаменитый Вольфъ, не признавалъ меня столь безполезнымъ и ни на что больше не годнымъ какъ только растирать яды. Равнымъ образомъ не были непредусмотрительными и неблагоразумными тѣ, которые рекомендовали меня нашей милостивой Государынѣ. Я вполнѣ знаю, что̀ повелѣно отъ имени Августѣйшей Самодержицы: обязанности свои я исполняю съ строгою точностью, о чемъ ты самъ засвидѣтельствуешь. Но терпѣливо переносить то, что высказалъ ты въ присутствіи графа (вѣроятно гр. Райсъ, одинъ изъ учениковъ Генкеля, платившій ему тоже 150 талеровъ. Сб. *Кун.*, 180) и другихъ товарищей, я не имѣю повелѣнія. Въ лабораторіи я не былъ два дня, такъ-какъ ты съ бранью выгналъ меня оттуда, хотя, повинуясь повелѣнію Всемилостивѣйшей Государыни, я желаю работать. А потому я желаю знать, на-всегда ли ты отказалъ мнѣ въ общеніи и любви и глубоко ли проникъ въ твое сердце гнѣвъ, возникшій изъ пустой причины? Что касается до меня, то я готовъ предать все забвенію и повиноваться врожденному своему характеру. Вотъ что я чувствую и что желалъ сообщить тебѣ. Помня прежнее твое расположеніе, я надѣюсь, что ты забудешь и никогда не будешь упоминать о происшедшемъ между нами, потому что увѣренъ, что ты желаешь имѣть въ своихъ ученикахъ друзей, а не враговъ. Если таково твое расположеніе, то прошу увѣдомить меня» (Сб. *Кун.*, стр. 167).

Digitized by Google

въ этотъ разъ онъ уже не церемонился съ Ломоносовымъ и просто вытолкалъ его въ шею[1]. Ломоносовъ бѣжалъ изъ Фрейберга.

При безпристрастномъ вниманіи къ обѣимъ этимъ сценамъ, къ рѣшительному образу дѣйствій Ломоносова, съ явною опасностію испортить всю свою будущность, уже готовую осуществиться для него, нельзя обвинять во всемъ Ломоносова и — только Ломоносова. Не легко, кажется, приходилось ему у Генкеля, и долго сдерживалъ онъ себя: частыя и безцеремонныя оскорбленія самолюбія, частыя головомойки и поученія 25-лѣтнему студенту, хотя медленно, но сильно дѣйствовали на его горячій и независимый нравъ. Упомянутыя сцены были только непосредственнымъ поводомъ къ неизбѣжному взрыву. Взрывъ произошелъ — и Ломоносовъ вышелъ изъ себя, дѣйствовалъ безсознательно, и мы охотно вѣримъ слишкомъ подробному и носящему на себѣ всѣ признаки крайняго озлобленія и ожесточенія описанію этихъ сценъ въ рапортѣ Генкеля, хотя и убѣждены, что Ломоносовъ въ эти минуты былъ самымъ плохимъ отвѣтчикомъ за свои слова и дѣйствія. Непріятное впечатлѣніе производитъ эта подробность и какое-то злораднсе наслажденіе въ описаніи Генкелемъ двукратной вспышки Ломоносова, съ передачею каждаго дѣйствія, каждаго тѣлодвиженія одинъ разъ вышедшаго изъ себя, а другой — пьянаго человѣка; непріятно поражаетъ полное отсутствіе въ немъ хладнокровія и спокойной обдуманности, не говоримъ уже о снисходительности наставника въ обсужденіи дѣйствій своего ученика, въ оффиціальномъ донесеніи объ этихъ дѣйствіяхъ, въ виду серьезной опасности, угрожавшей ученику.

[1] Замѣчательно, что между общими обвиненіями Ломоносова въ неприличномъ поведеніи упоминается и о подозрительной перепискѣ его съ какою-то женщиной въ Марбургѣ.

Digitized by Google

Весьма краснорѣчиво и знаменательно сопоставленіе этого донесенія съ прекраснымъ, полнымъ достоинства и спокойствія письмомъ Ломоносова къ Генкелю.

Весьма замѣчательно также различіе между донесеніями и письмами Вольфа и тѣми-же документами Генкеля: въ первыхъ вы именно видите то спокойствіе, хладнокровіе и снисходительность, которыхъ напрасно ожидаете въ послѣднихъ. Вольфъ постоянно говоритъ о дѣлѣ, о занятіяхъ и успѣхахъ студентовъ, и замѣчанія его и изрѣдка неудовольствіе также относятся къ сущности дѣла; у Генкеля — матеріальная обстановка дѣла и денежная часть на первомъ планѣ. О долгахъ же студентовъ Вольфъ упоминаетъ впервые въ оффиц. письмѣ только спустя годъ послѣ прибытія ихъ въ Марбургъ (Сб. *Кун.*, 122), а въ письмѣ къ Шумахеру отъ 19 марта 1737 года проситъ его, что бы академическое начальство *какъ-бы motu proprio* сдѣлало имъ внушеніе о необходимости правильнаго хозяйства (Сб. *Кун.*, 124); только въ августѣ 1738 года, когда хозяйственныя дѣла студентовъ слишкомъ запутались и затрудненія при ихъ отъѣздѣ оказались неизбѣжными, Вольфъ говоритъ о долгахъ съ большею точностью и проситъ инструкціи для своихъ дѣйствій. Правда, Генкель оффиціально поставленъ былъ въ болѣе близкія отношенія къ студентамъ въ экономическомъ отношеніи, а потому ему чаще приходилось имѣть дѣло съ ними, но нельзя сомнѣваться, что проказы русскихъ студентовъ сильно надоѣдали и Вольфу, тѣмъ болѣе, что на Марбургъ приходился разгаръ кутежа вырвавшихся въ первый разъ на волю и не знавшихъ жизни молодыхъ людей: во Фрейбергъ явились они уже болѣе опытными, нѣсколько искусившимися въ жизни, а слѣдовательно болѣе сдержанными, съ строгимъ выговоромъ отъ академіи и съ обѣщаніемъ исправленія (Сб. *Кун.*, 160). Но, видно, Вольфъ лучше

Digitized by Google

и человѣчнѣе понималъ студентовъ, понималъ потребность снисходительности и умѣлъ отдѣлять увлеченія молодости отъ сущности дѣла, а потому онъ понялъ и оцѣнилъ дарованія Ломоносова и внушилъ вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ искреннюю любовь къ себѣ, которую Ломоносовъ сохранилъ до конца своей жизни.

При обозрѣніи фрейбергской жизни Ломоносова, нельзя не обратить вниманія на два обстоятельства: на различіе въ донесеніяхъ Вольфа и Генкеля объ ученыхъ занятіяхъ и успѣхахъ въ нихъ русскихъ студентовъ и на оцѣнку занятій съ ними обоихъ нѣмецкихъ ученыхъ въ отзывахъ Ломоносова. Извѣстно, что Вольфъ всегда отличалъ Ломоносова отъ остальныхъ студентовъ и, возлагая на него большія надежды, постоянно отзывался невыгодно о Виноградовѣ какъ въ нравственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніяхъ. Такъ, въ письмѣ отъ 6 августа 1738 г., рекомендуя Ломоносова какъ самаго любознательнаго и способнаго ученика, онъ говоритъ, что, по его мнѣнію, Виноградовъ хуже всѣхъ (стр. 126); въ письмѣ отъ 2 января онъ называетъ Виноградова самымъ лѣнивымъ ученикомъ и въ нравственномъ отношеніи безнадежнымъ (стр. 133), а къ успѣхамъ Ломоносова выражаетъ наибольшее довѣріе; таковы же отзывы его отъ 4 марта, 3 мая и 13 авг. 1739 года. Вольфъ не знаетъ, что дѣлать съ лѣностью, безпорядочною и буйною жизнью Виноградова и предсказываетъ много хлопотъ отъ него Генкелю. Наконецъ тѣ-же одобрительные отзывы объ успѣхахъ Ломоносова и тѣ-же большія надежды на него въ будущемъ выражены и въ свидѣтельствахъ, выданныхъ ему Вольфомъ и Дуизингомъ. Между тѣмъ Генкель, спустя двѣ недѣли послѣ пріѣзда студентовъ во Фрейбергъ, въ письмѣ къ президенту Корфу отъ 10 авг., замѣтивши объ ихъ искреннемъ раскаяніи въ прежнихъ

Digitized by Google

безпорядкахъ, выражаетъ общую увѣренность въ ихъ способности и любознательности, а равно въ довѣріи и уваженіи къ себѣ; спустя слишкомъ четыре мѣсяца, въ донесеніи отъ 24 декабря, распространившись о денежныхъ дѣлахъ, упоминаетъ о томъ, что Виноградовъ началъ входить въ дурное общество, хотя, послѣ сдѣланнаго ему строгаго внушенія, отсталъ отъ него; но не говоритъ ни слова объ успѣхахъ студентовъ въ ихъ новыхъ занятіяхъ. Въ-слѣдъ за-тѣмъ, въ началѣ 1740 года, произошелъ разрывъ Генкеля съ Ломоносовымъ. Только въ концѣ сентября 1740 года, спустя болѣе полугода послѣ отъѣзда Ломоносова изъ Фрейберга, Генкель призналъ нелишнимъ упомянуть о его познаніяхъ. Вотъ этотъ отзывъ, замѣчательный по своей сдержанности: «Въ химіи, металлургіи, особенно въ пробирномъ искусствѣ, въ подземной геометріи, въ познаніи мѣдей, ихъ пластовъ, также земель, камней, солей и воды пріобрѣлъ *достаточныя* основанія и практическія свѣдѣнія; обладаетъ искусствомъ основательно обучать механикѣ, въ которой знатоки почитаютъ его сильнымъ, и къ этому занятію онъ, по видимому, имѣетъ расположеніе, тогда какъ земляная работа приходится ему не по вкусу» (Сб. *Кун.*, стр. 176). Здѣсь-же, похваливши Рейзера, Генкель замѣчаетъ о Виноградовѣ, что онъ нуждается въ понужденіи. Наконецъ, въ послѣднемъ донесеніи отъ 7 іюля 1741 г. (стр. 188—191) онъ вообще отзывается съ похвалой объ успѣхахъ остальныхъ двухъ студентовъ, что они пріобрѣли основательныя познанія по всѣмъ отраслямъ горнаго дѣла, хорошо ихъ поняли и усвоили себѣ, хотя больше распространяется о своемъ усердіи, добросовѣстности и точности въ исполненіи принятыхъ имъ на себя обязанностей. Положеніе русскихъ студентовъ во Фрейбергѣ послѣ Ломоносовской исторіи, по видимому, улучшилось, что̀ Ломоносовъ, въ своей исторіи академической канцеляріи (Матер. 055), объ-

Digitized by Google

ясняетъ ходатайствомъ отца Рейзера объ аккуратной высылкѣ денегъ на ихъ содержаніе, хотя можно съ вѣроятностію заключать, что и самъ Генкель, лишившись одного изъ своихъ учениковъ, а слѣд. и части весьма выгоднаго генорара, сдѣлался менѣе притязательнымъ и взыскательнымъ и болѣе осторожнымъ въ своихъ отзывахъ. Какъ бы то ни было, изъ донесеній Генкеля оказывается, что, съ одной стороны, Ломоносовъ, даровитѣйшій и много обѣщавшій, по мнѣнію Вольфа, ничѣмъ не отличенъ отъ остальныхъ студентовъ, съ другой — лѣнивый и безнадежный Виноградовъ, по мнѣнію того-же Вольфа, получаетъ совершенно одинаковую съ Рейзеромъ аттестацію по всѣмъ частямъ горнаго дѣла. И академія наукъ изъ послѣдняго донесенія, по причинѣ общности и безразличія заключающейся въ немъ аттестаціи, не много могла извлечь для руководства, при назначеніи на службу возвратившихся изъ Фрейберга студентовъ.

Какъ смотрѣть на отзывы Ломоносова объ учебной дѣятельности самого Генкеля, о занятіяхъ его съ русскими студентами: объяснять ли ихъ только пристрастіемъ, въ-слѣдствіе понятнаго раздраженія, только излишнею самоувѣренностью, неумѣреннымъ мнѣніемъ о собственныхъ познаніяхъ, или позволительно видѣть въ нихъ нѣкоторую долю правды. Генкель имѣетъ такую почтенную репутацію въ своей спеціальности, что отзывы Ломоносова не въ состояніи набросить на нее какую бы то ни было тѣнь. Не наше дѣло судить о значеніи Генкеля въ наукѣ, и мы коснулись этого вопроса единственно изъ желанія познакомить читателей съ этими отзывами, какъ не лишними для характеристики Ломоносова вообще — къ добру или къ худу — все равно. Притомъ-же, одно дѣло — репутація ученаго по его спеціальности, его значеніе въ наукѣ, и другое дѣло учебная дѣятельность того-же ученаго, и притомъ въ ея примѣненіи къ частнымъ случаямъ

Digitized by Google

и отношеніямъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Генкель, не принявши на себя труда сравнительно оцѣнить познанія и способности всѣхъ студентовъ, особенно любознательности, самостоятельности взгляда и способности быстро проникать въ сущность дѣла, какими безспорно обладалъ Ломоносовъ, безразлично распредѣлилъ свой двухгодичный курсъ, начавши съ общихъ предварительныхъ занятій. При такомъ распредѣленіи курса, то, что было еще довольно питательною пищей для другихъ, для Ломоносова могло казаться слишкомъ легкимъ и извѣстнымъ и, при обычной смѣлости и свободѣ его сужденія, могло сообщить не совсѣмъ выгодныя понятія о самомъ наставникѣ. Ломоносову даже казалось, что нѣмецкій ученый или намѣренно скрываетъ отъ русскихъ студентовъ существенную и серьезную сторону науки, занимая ихъ общеизвѣстнымъ и общедоступнымъ ея содержаніемъ, или самъ не имѣетъ глубокаго научнаго образованія. При этомъ нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что еще при первой мысли объ отправленіи молодыхъ людей за границу для изученія горнаго дѣла, Генкель, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ барону Корфу отъ 1 февраля 1736 года, предлагая свои услуги, если правительство остановится на Фрейбергѣ, имѣлъ въ виду только годичный или полуторагодичный курсъ, лишь-бы только молодые люди знали по-латыни и немного по-нѣмецки, были разсудительны, любознательны и способны и умѣли сами управлять собой (Сб. *Кун.*, 91—92). При этихъ условіяхъ онъ не только обѣщалъ удовлетворить желанію правительства, то есть научить молодыхъ людей горному дѣлу, но и сообщить имъ способность учить тому-же и другихъ. Между тѣмъ дѣло, по упомянутымъ выше денежнымъ затрудненіямъ, по причинѣ слишкомъ высокаго гонорара, затребованнаго Генкелемъ, приняло нѣсколько иное, безъ сомнѣнія, болѣе раціональное направленіе и болѣе широкіе

Digitized by Google

размѣры: русскіе студенты прежде пробыли слишкомъ два съ половиною года въ Марбургѣ и только тогда явились во Фрейбергъ, слѣд. при условіяхъ, несравненно болѣе благопріятныхъ, чѣмъ тѣ, какія имѣлъ въ виду Генкель въ 1736 году для успѣха своего дѣла. Тѣмъ не менѣе время пребыванія ихъ во Фрейбергѣ не только не было сокращено, но, по тѣмъ-же финансовымъ соображеніямъ, увеличено еще на полгода. Понятно, что, при такомъ благопріятномъ измѣненіи условій, первоначально предположенный курсъ Генкеля долженъ былъ распространиться и, можетъ быть, даже значительно измѣнить свой характеръ; а потому совершенно естественно, что начальныя занятія во Фрейбергѣ, послѣ окончательныхъ въ Марбургѣ, могли казаться Ломоносову слишкомъ легкими, неудовлетворять нетерпѣливой его любознательности и не вполнѣ соотвѣтствовать степени его развитія. Всѣ эти обстоятельства, по нашему мнѣнію, необходимо имѣть въ виду, чтобы съ полнымъ безпристрастіемъ судить о неблагопріятныхъ отзывахъ Ломоносова о Генкелѣ и не смотрѣть на нихъ *только* такъ, какъ смотрѣли у насъ года три тому назадъ на подобные же отзывы о нѣмецкихъ ученыхъ.

Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній, приведемъ изъ извѣстнаго письма Ломоносова, отъ 16 ноября 1740 г., самый отзывъ его объ учебныхъ занятіяхъ Генкеля съ русскими студентами. «Что касается до курса химіи, говоритъ Ломоносовъ, то въ первые четыре мѣсяца онъ окончилъ только ученіе о соляхъ, на что было бы достаточно одного мѣсяца; остальнаго же времени совершенно довольно было бы для всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ, какъ-то: металловъ, полуметалловъ, земель, камней и сѣры. При этомъ наибольшая часть опытовъ, по его неловкости, не удавалась. Такого рода занятія, вмѣстѣ съ его вздорными шутками и пустою болтовней, наполняли половину нашего дня. Кромѣ того, онъ презиралъ всякую

Digitized by Google

разумную философію, и когда я, по его приказанію, излагалъ химическія явленія по началамъ механики и гидростатики, а не по его перипатетическимъ понятіямъ, то онъ приказывалъ мнѣ молчать и обращалъ мои отвѣты, какъ пустыя затѣи, по своей школьной мудрости, въ насмѣшку и поруганіе». Свой самовольный отъѣздъ изъ Фрейберга Ломоносовъ оправдываетъ тѣмъ, что ему тамъ и нечего было ѣсть и нечему учиться, что онъ выучился уже пробирному искусству, окончилъ химію, а у маркшейдера ему приходилось учиться только вытягивать шнуръ, чему можно выучиться и не платя 50 талеровъ. Стараясь уменьшить важность послѣдствій своего отъѣзда въ ученомъ отношеніи, какую могли придавать нѣкоторые, основываясь на ученой репутаціи Генкеля, онъ съ свойственною ему смѣлостью замѣчаетъ: «я не промѣняю на его ученость свои, хотя не большія, но основательныя познанія, и не вижу никакого побужденія считать его своею путеводною звѣздой и единственнымъ источникомъ знанія. Довольно сказать, что самые обыкновенные процессы, находящіеся во всѣхъ химическихъ сочиненіяхъ, онъ держитъ въ секретѣ и сообщаетъ съ большою неохотой какъ что-то таинственное. Горному производству скорѣе можно научиться у штейгера, всю жизнь проводящаго въ рудникахъ, чѣмъ у него; естественной же исторіи нельзя научиться въ кабинетѣ Генкеля изъ его ящичковъ и коробочекъ, а для того слѣдуетъ посѣщать самые рудники и изучать положеніе тѣхъ странъ, свойство горъ и земель и взаимное отношеніе лежащихъ въ нихъ минераловъ» (Сб. *Кун.*, стр. 179—183). Считая излишнимъ всякое дальнѣйшее объясненіе этихъ оправдательныхъ строкъ Ломоносова, во всякомъ случаѣ важныхъ для его характеристики, мы скажемъ только, что, можетъ быть, и имѣлъ нѣкоторыя основанія писать ихъ тотъ, кто ясно понималъ существо изучаемыхъ имъ наукъ, кто

Digitized by Google

черезъ пять лѣтъ читалъ въ академической конференціи свою диссертацію «о причинахъ теплоты и стужи», за которую знаменитый Эйлеръ назвалъ его одареннымъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытія явленій физики и химіи (Матер. 77).

Фрейбергская исторія, по видимому, не имѣла особенно неблагопріятныхъ послѣдствій. Опредѣленіе Ломоносова въ адъюнкты состоялось черезъ полгода, 8 января 1742 года (Мат. 8). Въ своей исторіи академической канцеляріи онъ жалуется на замедленіе производства въ экстраординарные профессоры, вопреки данному при отправленіи за границу обѣщанію и не смотря на то, что онъ «подалъ добрыя свидѣтельства о своихъ успѣхахъ и специмины въ академію, кои отъ собранія весьма одобрены». Дѣйствительно, въ докладѣ барона Корфа въ кабинетъ императрицы, отъ 5 марта 1736 года, сказано: «чтобы возбудить ихъ (студентовъ) прилежаніе, можно бы было увѣрить ихъ, что если они усовершенствуются въ требуемыхъ отъ нихъ познаніяхъ, представятъ для доказательства письменные труды и надлежащіе аттестаты, то, по возвращеніи, ихъ опредѣлятъ экстраординарными профессорами съ окладомъ въ 460 р. и будутъ повышать въ послѣдствіи по ихъ заслугамъ. И это потому, прибавлено въ докладѣ, что замѣчено, что иногда способнѣйшіе субъекты погибаютъ, если видятъ, что, не смотря на ихъ усердіе, прилежаніе и употребленныя на нихъ издержки, ихъ обходятъ въ повышеніи и даже заставляютъ нуждаться въ насущномъ пропитаніи» (Сб. *Кун.*, 93). Въ протоколахъ же академической конференціи 23 авг. 1741 г. записано, что студентъ Ломоносовъ, въ одно время съ тремя другими студентами (Тепловымъ, Рейзеромъ и Виноградовымъ), подалъ два сочиненія *speciminis loco*, подъ слѣд. заглавіями: «Commentatio de instrumento caustico, catoptrico, dioptrico» и «Meditationes physico-chy-

Digitized by Google

micae de convenientia argenti et mercurii principiis philosophiæ »[1]. Выполнивъ весьма аккуратно требованія академіи, Ломоносовъ, очевидно, имѣлъ основанія ожидать и отъ нея такого-же исполненія даннаго обѣщанія. Предполагать противодѣйствіе Шумахера въ этомъ случаѣ нельзя какъ потому, что такой-же участи подверглись всѣ студенты безразлично, такъ и потому, что въ упомянутой резолюціи, подписанной Шумахеромъ, весьма опредѣлительно и безпристрастно сдѣланъ отзывъ о его достоинствахъ и заслугахъ[2]. Да и не было поводовъ Шумахеру къ противодѣйствію: занимая важное мѣсто въ академіи, Шумахеръ смотрѣлъ на Ломоносова какъ на студента, вполнѣ отъ него зависящаго, и, разумѣется, не могъ предвидѣть въ немъ будущаго своего антагониста. Извѣстное намъ оправдательное письмо по поводу фрейбергской исторіи адресовано было на имя Шумахера и написано имъ съ величайшею почтительностью и покорностью; съ тою-же покорностью онъ, безъ сомнѣнія, велъ себя относительно Шумахера и въ первое время по пріѣздѣ изъ-за границы; притомъ-же адъюнктство само по себѣ и не могло представ-

[1] Въ резолюціи на прошеніе Ломоносова объ опредѣленіи въ адъюнкты, подписанной Шумахеромъ 8 января 1742 г., сказано, что эти диссертаціи поданы Ломоносовымъ еще въ іюлѣ, слѣд. спустя мѣсяцъ послѣ пріѣзда изъ-за границы.

[2] «Понеже сей проситель, студентъ Михайло Ломоносовъ, специменъ своей науки еще въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1741 году въ конференцію подалъ, которой отъ всѣхъ профессоровъ оной конференціи такъ опробованъ, что сей специменъ и въ печать произвесть можно; къ томужъ покойной профессоръ Амманъ ево Ломоносова канцеляріи рекомендовалъ; ктомужъ оной Ломоносовъ въ переводахъ съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ на россійской языкъ довольно трудился, а жалованья и мѣста по нынѣ ему не опредѣлено; то...» и т. д. (Матер., стр. 7).

Digitized by Google

ляться опаснымъ Шумахеру. Изъ академическихъ документовъ съ большею вѣроятностью можно заключать о его заботливости въ этомъ дѣлѣ. Замедленіе производства въ адъюнкты скорѣе, кажется, должно объяснять обычною медлительностію и неисправностію канцелярскаго дѣлопроизводства, требовавшаго неизбѣжныхъ напоминаній и понужденій. Ломоносовъ, дѣйствительно, сначала отъ имени всѣхъ своихъ товарищей просилъ академиковъ (11 ноября 1741 г.) обсудить ихъ сочиненія и дать о нихъ отзывъ, чтобъ авторы «тѣмъ основательнѣе могли сдѣлать улучшеніе въ ихъ содержаніи», а въ-слѣдъ за-тѣмъ, въ январѣ слѣдующаго года, подалъ прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «хотя я академію наукъ многократно о опредѣленіи моемъ просилъ, однако оная на мое прошеніе никакого рѣшенія не учинила, и я, въ такомъ оставленіи будучи, принужденъ быть въ печали и огорченіи» (Матер. 7).

Другое дѣло — производство Ломоносова въ профессоры. Здѣсь едва-ли можно видѣть не только содѣйствіе, но и безразличіе дѣйствій Шумахера. Слишкомъ три года прожилъ Ломоносовъ адъюнктомъ на окладѣ въ 360 р. Въ это время произошло довольно такихъ обстоятельствъ, или, говоря языкомъ тогдашнихъ бумагъ, продерзостей Ломоносова, изъ которыхъ Шумахеръ могъ убѣдиться, что производство его въ профессоры не можетъ обѣщать ему спокойствія и что не только его личному положенію въ академіи, но и всей нѣмецкой партіи угрожаетъ отъ него немалая опасность. Эти продерзости должны были окончательно открыть Шумахеру глаза на него и на то положеніе, какое онъ, очевидно, думалъ занять въ академіи наукъ, а также должны были съ совершенною точностію однажды на-всегда опредѣлить отношенія Шумахера, какъ главы нѣмецкой партіи, къ Ломоносову, ставшему во главѣ русской оппозиціи. Послѣ того, при лег-

Digitized by Google

комъ знакомствѣ съ характеромъ той и другой личности, невозможно было и думать о сколько-нибудь продолжительномъ и надежномъ ихъ примиреніи и согласіи. Могли происходить повременамъ непродолжительныя сближенія, когда въ отдѣльныхъ случаяхъ сходились ихъ интересы, но въ основаніи ихъ отношеній и стремленій несомнѣнно лежало прямое и непримиримое противорѣчіе.

Мы не будемъ останавливаться на дѣлѣ о дракѣ, произведенной Ломоносовымъ въ домѣ садовника Штурма (26 сент. 1742 г.), за которое онъ попалъ въ полицію и оттуда при ордерѣ препровожденъ въ академію наукъ, какъ потому, что оно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ его служебной дѣятельности, такъ и потому, что ясно указываетъ на ненормальное его состояніе. Замѣтимъ только, что исторіи этого рода, слѣдствія несчастной его слабости, неизбѣжно должны были разрушительно дѣйствовать на его здоровье [1]. Въ-слѣдъ за-тѣмъ (7 окт. 1742 г.) началось дѣйствіе слѣдственной коммиссіи по «доношенію» совѣтника Нартова, поданному въ сенатъ еще 22 января того-же года, о непорядочныхъ поступкахъ, похищеніи многой казны, «а паче испроверженіи установленія въ наукахъ». Мы уже высказали со-

[1] Врачъ Вильде, призванный для освидѣтельствованія Ломоносова, донесъ академіи наукъ: «а какъ я его спросилъ, чѣмъ онъ неможетъ, то отвѣчалъ онъ мнѣ на сіе, что у него почти всѣ члены болятъ, а особливо чувствуетъ онъ въ грудяхъ ломъ и плюетъ кровью. При томъ же показалъ онъ мнѣ лѣвое колѣно, которое совсѣмъ распухло, такъ что тою ногою ни ступить, ни ходить не можетъ. Еще показалъ онъ мнѣ рубецъ на брюхѣ по лѣвую сторону, про что онъ сказывалъ, что въ томъ мѣстѣ рублено шпагою. Еще видѣлъ я у него на правой рукѣ на ладонѣ рубецъ, и притомъ припухлой и синей глазъ». (Матер. 12—13).

Digitized by Google

жалѣніе, что по крайней мѣрѣ важнѣйшіе, относящіеся сюда, документы, отысканные г. Билярскимъ слишкомъ поздно, не вошли въ его изданіе[1]. Не придавать важности всему этому дѣлу рѣшительно нельзя какъ потому, что это дѣйствительно былъ первый и въ высшей степени замѣчательный протестъ русской партіи, начавшей сознавать свое значеніе, противъ нѣмецкой, такъ и потому, что оно характеризуетъ собою ту среду, въ которую только-что вступилъ Ломоносовъ, раскрываетъ именно тѣ безпорядки, противъ которыхъ онъ ратовалъ во всю послѣдующую свою жизнь. Думать, что Ломоносовъ не принималъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ, относился къ нему безразлично, *страдательно*, какъ думаетъ издатель Матеріаловъ, также нельзя. Время, которое прошло отъ пріѣзда его въ Петербургъ до подачи «доношенія», особенно для его горячей и воспріимчивой головы, было достаточно, чтобы всмотрѣться въ состояніе академіи и усвоить себѣ относительно этого положенія ясный взглядъ и опредѣленное положеніе. Содержаніе же «доношенія» заключаетъ въ себѣ полную программу послѣдующей полемической дѣятельности Ломоносова; къ этому содержанію въ-послѣдствіи присоединяются только особые случаи и тѣ обстоятельства, которыя опредѣляются положеніемъ профессоровъ и ихъ отношеніями къ академической канцеляріи. Можно ли допустить, чтобы Ломоносовъ, который еще во время занятій слѣдственной коммиссіи, въ извѣстной исторіи 26 апрѣля, о которой скажемъ ниже, такъ рѣзко и неприлично высказалъ свой взглядъ на нѣмецкую партію, можно ли допустить,

[1] Нѣкоторые документы, подъ заглавіемъ: «Слѣдственное дѣло о совѣтникѣ академіи наукъ Шумахерѣ», напечатаны еще въ 1860 г. г. Ивановымъ въ Чт. общ. ист. и древн. росс., кн. III отд. V, стр. 64—122; кромѣ того г. В. Ламанскимъ въ Рус. Бесѣдѣ (1860 кн. 12) напечатанъ докладъ слѣдственной коммисіи.

Digitized by Google

чтобы онъ оставался равнодушнымъ зрителемъ этой первой и жестокой битвы русскихъ съ нѣмцами, чтобы онъ относился къ ней страдательно? Еслибы не сохранилось никакихъ указаній объ этомъ дѣлѣ кромѣ перечня обвинительныхъ пунктовъ доношенія, то и тогда, при самомъ легкомъ вниманіи къ составу русской партіи въ академіи (если можно этотъ разнородный составъ назвать партіей), къ доносителямъ въ частности и ко главѣ ихъ, Нартову, человѣку малограмотному [1],—трудно воздержаться отъ предположенія: не написано ли это «доношеніе» Ломоносовымъ? Г. Ламанскій положительно утверждаетъ, что «доношеніе» *большею частію* написано Ломоносовымъ (Чт. и пр., 1865, кн. 1, стр. 37). Въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова» сказано: «на хранящейся въ портфелѣ Ломоносова копіи доноса Нартова на Шумахера въ сенатъ отъ 22 января 1742 года, чьею-то рукою, новѣйшимъ почеркомъ, надписано карандашомъ: «переписанная, черновая же писана рукою Ломоносова» (стр. 751); этой черновой, однако, въ портфелѣ не оказалось. Нѣтъ никакого основанія отвергать значеніе этой послѣдней замѣтки, хотя она писана и позднѣйшею рукой. Если же все доношеніе было *только* переписано рукой Ломоносова, то это одно обстоятельство можетъ служить яснымъ доказательствомъ того интереса, какой соединялъ онъ со всѣмъ этимъ дѣломъ, и того живаго участія, какое онъ въ немъ принималъ. Для чего же было ему переписывать тотъ документъ, содержаніе котораго для него было всегда на-лице въ дѣйствительности и составляло задачу всей его служебной дѣятельности? Болѣе чѣмъ вѣроятно, что эта черновая и была

[1] Который, по словамъ всѣхъ профессоровъ, «въ наукахъ ни малаго искусства не имѣетъ и ни о какихъ, до наукъ касающихся, потребностяхъ разсуждать не можетъ». Чтенія общ. ист. и древн. росс. 1865, кн. 1, стр. 46.

Digitized by Google

оригиналомъ и была составлена самимъ Ломоносовымъ. Всего же болѣе подтверждается это предположеніе самымъ доношеніемъ: не говоря о содержаніи, въ немъ нельзя не видѣть Ломоносовскихъ пріемовъ, оборотовъ, логики, Ломоносовскаго слога. Если же это предположеніе справедливо, то уже конечно нельзя говорить о безучастіи и страдательной роли Ломоносова въ этомъ дѣлѣ, а слѣд. по необходимости придется измѣнить взглядъ на относящуюся къ этому дѣлу дюжину томовъ въ академическомъ архивѣ, оставшуюся не тронутою. Издатель Матеріаловъ основываетъ свое убѣжденіе въ незначительности и страдательномъ характерѣ роли Ломоносова въ этомъ дѣлѣ на показаніи послѣдняго (отъ 1 марта), относительно самовластнаго распоряженія Шумахера академическою конференціей, въ которомъ нѣтъ ничего въ обвиненіе Шумахера, равно какъ и въ показаніяхъ Тредьяковскаго, Теплова и Ададурова на тотъ-же запросъ. Такое показаніе Ломоносова не можетъ служить доказательствомъ его безучастія. Если онъ рѣшился держаться въ сторонѣ и воздерживаться отъ оффиціальнаго вмѣшательства въ дѣло, то онъ, очевидно, и не могъ показывать иначе. Призванный доносителями въ свидѣтели по обвиненію сторожемъ Глуховымъ, что унтеръ-библіотекарь Таубертъ выноситъ къ себѣ на-верхъ изъ канцеляріи разныя письма большими связками, Ломоносовъ отвѣчалъ весьма уклончиво: «означенный сторожъ говорилъ, что Таубертъ, распечатавъ свою каморку, гдѣ онъ отправленіе порученнаго ему дѣла имѣлъ, и носитъ письма, а куда и какія, и связками ль, того де онъ Ломоносовъ не слыхалъ» (Матер., стр. 17). Безъ сомнѣнія, Ломоносовъ имѣлъ свои причины уклониться въ настоящемъ случаѣ отъ прямаго и непосредственнаго вмѣшательства въ дѣло. Прошло только полгода отъ прибытія его въ Петербургъ до подачи доношенія въ сенатъ; въ эти полгода онъ не

Digitized by Google

имѣлъ никакого отношенія къ дѣламъ академической канцеляріи; произведенъ въ адъюнкты въ томъ-же мѣсяцѣ, въ которомъ подано доношеніе: а потому дѣйствительно было бы странно вмѣшаться ему въ такое дѣло, въ которомъ не только осуждается все дѣлопроизводство академической канцеляріи и раскрываются всѣ ея злоупотребленія, но и утверждается общая мысль, что «академія въ такое несостояніе приведена, что никакого плода Россіи не приноситъ, кромѣ единаго противными прежнимъ Петра Великаго учрежденіямъ поступками государственной казнѣ убытка». Участіе такого лица могло только ослабить силу доношенія, а не укрѣпить ее. Тѣмъ болѣе должно было казаться излишнимъ такое участіе, что доношеніе шло отъ лица весьма важнаго въ академической службѣ, равнаго по должности Шумахеру, что, слѣд., въ должномъ вниманіи къ нему нельзя было сомнѣваться. Могли, притомъ, входить соображенія о неопредѣленности и шаткости положенія, о необходимости скорѣе упрочить за собой профессорство, что было бы крайне затруднительно при прямомъ противодѣйствіи Шумахеру. Какъ бы то ни было, Ломоносовъ, хотя и не принималъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе безспорно, что онъ былъ душею оппозиціи, по всей вѣроятности, самъ составилъ доношеніе, и Шумахеръ, какъ практическій человѣкъ, безъ сомнѣнія, понималъ его и не могъ ошибаться въ его отношеніи къ сдѣланному доносу. Можно ли объяснять одною случайностію то, что эта первая съ основанія академіи наукъ русская оппозиція нѣмцамъ организовалась именно спустя полгода по возвращеніи Ломоносова изъ-за границы, и съ такою рѣшительностію вступила въ открытый бой съ ними, въ томъ самомъ мѣсяцѣ, въ которомъ Ломоносовъ произведенъ въ адъюнкты? Могъ ли считать случайностію такое внезапное и необычайное нападеніе на себя самъ Шумахеръ, такъ хорошо знав-

Digitized by Google

шій всѣхъ служившихъ при академіи и такъ ловко заправлявшій ими для своихъ цѣлей!

16-го ноября 1742 года, во время дѣйствій слѣдственной коммиссіи, профессорская конференція, въ которой засѣдалъ Ломоносовъ, не приняла указа канцеляріи и объявила, «чтобы и впредь указовъ къ нимъ не присылать, а писать бы сообщеніемъ или партикулярными письмами отъ г. совѣтника Нартова, въ которыхъ бы г. совѣтникъ при концѣ подписывался своею рукою: «вашего благородія покорный слуга». Понятно, что конференція, пользуясь бѣдой, разразившеюся надъ Шумахеромъ, и вѣроятно и по возбужденію новаго вступившаго въ нее члена, старалась поднять свое значеніе и освободиться отъ тяготѣвшаго надъ нею ига канцеляріи. Чрезъ три дня, Ломоносовъ посланному къ нему на-домъ отъ секретаря канцеляріи служителю, съ приглашеніемъ его въ академію наукъ, сказалъ: «въ академію не идетъ, секретаря Волчкова не слушаетъ».

17 ноября[1] и 31 декабря того-же года изъ конференціи поступили въ слѣдственную коммиссію двѣ жалобы, что Ломоносовъ съ нѣкоторыми другими чиновниками, «подъ видомъ осматриванія печатей съ непозволеннымъ безстыдствомъ обыкновеннаго профессорскаго собранія въ палату входили, да еще и неоднократно, и имъ (профессорамъ) въ отправленіи ихъ дѣла мѣшали и такія учинили своевольства, которыя чести всея императорскія академіи наукъ предосудительны. За послѣднія продерзости конференція, опредѣленіемъ 21 февраля 1743 г., исключила изъ

---

[1] Такъ въ подлинномъ доношеніи профессоровъ въ слѣдственную коммиссію въ маѣ 1743 г. Чт. Общ. и т. д. 1865. кн. 1, стр. 44. Неизвѣстно, почему въ Матеріалахъ вмѣсто этого числа оказывается 3 декабря (стр. 20).

Digitized by Google

своихъ засѣданій Ломоносова впредь до рѣшенія коммиссіи представленныхъ ей жалобъ (Мат. 17—20).

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого отрѣшенія и была безобразная сцена 26 апрѣля того-же года, повлекшая за собою цѣлое слѣдственное дѣло о продерзостяхъ Ломоносова въ конференціи и географическомъ департаментѣ.

Вообще должно сказать, что впечатлѣніе, производимое чтеніемъ относящагося сюда длиннаго слѣдственнаго дѣла, неблагопріятно ни для Ломоносова, ни для противной ему стороны: поступки перваго, какъ крайне неприличные и недостойные ни мѣста, въ которомъ онъ служилъ, ни званія, которое онъ носилъ, никакъ не могутъ быть оправдываемы и могутъ быть только объясняемы его обычною запальчивостію и, по всей вѣроятности, его ненормальнымъ состояніемъ; дѣйствія же противной ему стороны носятъ на себѣ всѣ признаки преувеличенія, придирчивости, и желанія придать важный и кляузный видъ дѣлу, въ сущности пустому, подвергнуть Ломоносова формальному процессу и избавиться отъ него, какъ отъ человѣка безпокойнаго и проникнутаго враждебнымъ направленіемъ. Приведемъ здѣсь сущность этого дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ она выражена противною стороной въ первой половинѣ 5-го пункта доношенія [1]. «Сего 1743 г.

[1] Собственно сохранилось два доношенія—отъ 6 и 11 мая. Въ послѣднемъ нѣтъ первыхъ трехъ пунктовъ о надеждахъ, какія возлагали на Ломоносова профессоры, и о безпорядочномъ его поведеніи до исторіи 26 апрѣля; нѣтъ и пункта 6-го, гдѣ заключается жалоба профессоровъ на отсутствіе президента и на свою беззащитность, на неполученіе ими жалованья, а также на совѣтника Нартова, по случаю запечатанія имъ архива конференціи и присылки для осмотра печатей, между прочими, Ломоносова; нѣтъ и 2-й половины 7-го заключительнаго пункта, въ которой содержится заключеніе относительно жалобъ по предшествующему пункту. Видно,

Digitized by Google

апрѣля 26 дня, предъ полуднемъ, онъ, Ломоносовъ, въ противность всѣмъ честнымъ и разумнымъ поступкамъ, напившись пьянъ, приходилъ съ крайнею наглостію и безчинствомъ въ ту палату, гдѣ профессоры для конференцій засѣдаютъ и въ которой въ то время профессорскаго собранія хотя и не было, однако же находился тамъ при архивѣ конференціи профессоръ Винсгеймъ и при немъ были канцеляристы Мессеръ и Каловъ, да сторожъ Федотъ Лангусъ. При томъ случаѣ оной Ломоносовъ, не поздравивши никого и не скинувъ шляпы (какъ бы ему по учтивству сдѣлать надлежало), мимо ихъ прошелъ въ географическій департаментъ, гдѣ рисуютъ ландкарты, а идучи около профессорскаго стола, ругаясь оному профессору, остановился и весьма неприличнымъ образомъ безчестной и крайне поносной знакъ, самымъ подлымъ и безстыднымъ образомъ, руками противъ нихъ здѣлавъ, пошелъ въ оный географическій департаментъ. Въ томъ департаментѣ, гдѣ онъ шляпы также не скинулъ, поносилъ онъ профессора Винсгейма и всѣхъ прочихъ профессоровъ многими бранными и ругательными словами, называя ихъ плутами и другими скверными словами безчестя, чего и писать стыдно» (Чтен. Общ. и т. д., 1865, кн. 1, стр. 45). Въ заключеніе, профессоры, какъ «обезчещенные предъ всѣмъ свѣтомъ и несчастіе которыхъ стало уже крайнее, требуютъ себѣ знатной сатисфакціи», безъ чего отказываются отъ продолженія своихъ занятій. При

что редакція Чтеній предшествовала редакціи Матеріаловъ и изъ послѣдней нашли нужнымъ исключить указанныя мѣста, какъ ослабляющія главное дѣло о продерзостяхъ Ломоносова. О совѣтникѣ Нартовѣ упомянуто только въ началѣ доношенія, чтобы объяснить опредѣленіе конференціи объ исключеніи Ломоносова. Первая же редакція первоначально предназначена была для подачи на Высочайшее имя.

Digitized by Google

этомъ указывается и на опасность, что (безъ такой сатисфакціи) никто изъ иностранныхъ государствъ впредь на убылыя мѣста пріѣхать не захочетъ»[1]. Впрочемъ, нѣкоторую долю тяжести такого заключенія, кажется, должно приписать и тому обстоятельству, что профессоры, какъ упоминается въ томъ-же доношеніи, за весь истекшій 42 г. и начало 43 г. не получали жалованья. Раздраженіе ихъ усиливалось и вообще недовольствомъ положеніемъ дѣлъ въ академіи, особенно самовластіемъ Шумахера, такъ что исторію 26 апрѣля едва-ли не должно разсматривать какъ непосредственный поводъ къ выраженію этого общаго неудовольствія и раздраженія. «On chercha à concilier les differends et à terminer les querelles (говоритъ нѣмецъ Бакмейстеръ о первыхъ временахъ академіи), mais l'aigreur des ésprits source continuelle de disputes nouvelles, resta et éclata enfin en 1742». (Чтен. Общ. и т. д., 1865, кн. 1, стр. 38). Раздраженіе же Ломоносова противъ Винсгейма было особенно сильно, такъ-какъ онъ, по видимому, наиболѣе настаивалъ на исключеніе его изъ кон-

---

[1] Приложенныя къ этому доношенію показанія отдѣльныхъ лицъ представляются далеко не одинаковыми. Показанія русскихъ студентовъ—Шишкарева, Старкова и Коврина, а также Чадова, отличаются большею умѣренностью и уклончивостію и въ сущности только утверждаютъ, что Ломоносовъ былъ въ шляпѣ, говорилъ что-то съ Винсгеймомъ и Геллертомъ, чего они не слыхали; а адъюнкту Трускоту сказалъ, что его Шумахеръ недостойно произвелъ въ адъюнкты. Вообще сопоставленіе показаній нѣмцевъ и русскихъ весьма замѣчательно и назидательно: въ послѣднихъ замѣтна понятная совѣстливость людей, насильно притянутыхъ къ кляузному дѣлу и чувствовавшихъ всю неловкость своего положенія, между тѣмъ какъ первые съ особенною любовью останавливаются на каждомъ бранномъ словѣ Ломоносова и на каждомъ его тѣлодвиженіи.

Digitized by Google

ференціи и такъ-какъ чрезъ него объявлено было и опредѣленіе послѣдней.

Чтобы правильно и вполнѣ безпристрастно судить о степени вины Ломоносова въ настоящемъ случаѣ, необходимо также имѣть въ виду большое различіе въ нравахъ и понятіяхъ о приличіи, господствовавшихъ въ то время и господствующихъ теперь. Изданные теперь документы представляютъ довольно примѣровъ крайне неприличнаго поведенія присутствующихъ въ самыхъ оффиціальныхъ засѣданіяхъ, что конечно важнѣе. Ломоносовъ, въ своей исторіи академической канцеляріи, приводитъ также нѣсколько случаевъ, напр. о дракѣ, происшедшей въ профессорской конференціи между профессорами Вейтбрехтомъ и Юнкеромъ, причемъ послѣдній ударилъ перваго палкою и разшибъ зеркало (053 стр.); о поведеніи, также во время засѣданія, Миллера, который многихъ профессоровъ ругалъ и безчестилъ словесно и письменно, на иныхъ замахивался въ собраніи палкою и билъ ею по столу конференцскому (069) и т. д. Необходимо принимать всѣ эти обстоятельства въ соображеніе, чтобы правильно смотрѣть на доношеніе, подписанное 10 нѣмцами, о Ломоносовѣ, накричавшемъ и обругавшемъ профессоровъ неприличными словами во время, свободное отъ оффиціальныхъ занятій. Все дѣло въ томъ, что въ однихъ случаяхъ скандалы обходились безъ донесеній и протоколовъ, оканчивались миролюбиво, когда они совершались на сторонѣ иностраннаго большинства, сильно проникнутаго сознаніемъ единства направленія и интересовъ, а въ другихъ случаяхъ каждое выраженіе и дѣйствіе, выходящія изъ предѣловъ приличія, съ особеннымъ усердіемъ записывались въ протоколы и донесенія, когда они исходили отъ лица, стоявшаго одиноко и относившагося враждебно къ интересамъ большинства. Есть много поводовъ думать (и мы ниже укажемъ на нѣкоторые случаи), что против-

Digitized by Google

ники Ломоносова нерѣдко пользовались его горячностью и намѣренно возбуждали его вспышки. Мы, конечно, не думаемъ оправдывать Ломоносова, или ослаблять его виновность въ поступкахъ этого рода; но думаемъ, что необходимо имѣть въ виду ту среду, въ которой онъ дѣйствовалъ и одиночность его положенія въ этой средѣ: съ одной стороны, однородность направленія и интересовъ большинства, имѣвшаго полную возможность заправлять оффиціальными дѣлами и дѣйствительно ими заправлявшаго, съ другой — изолированность положенія, облегчавшая всевозможныя нападенія.

Слѣдственная коммиссія, въ засѣданіи 27 мая, опредѣлила допросить Ломоносова, а до окончанія слѣдствія объ этомъ дѣлѣ держать его подъ карауломъ. По относящимся сюда протоколамъ коммиссіи, составленнымъ, очевидно, въ духѣ доношенія, оказывается, что Ломоносовъ въ слѣдующій день на допросѣ велъ себя также неприлично, предъ присутствіемъ кричалъ неучтиво и смѣялся, на допросы не отвѣчалъ какъ потому, что онъ подчиненъ академіи, а не коммиссіи, такъ и потому, что это дѣло судное. Не смотря на то, 13 іюля состоялся всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ не забыта и фрейбергская исторія и исторія съ садовникомъ Штурмомъ, не забытъ и Нартовъ, какъ человѣкъ неученый и съ нуждою подписывающій свое имя по-русски, и въ которомъ Ломоносовъ, на основаніи приведенныхъ статей уложенія и морскаго устава, присужденъ къ лишенію живота, или по-крайней-мѣрѣ къ наказанію на тѣлѣ и лишенію состоянія.

Докладъ этотъ представляетъ полное торжество нѣмецкой партіи. Судьба Ломоносова, казалось, была рѣшена. Важно было это время, слѣдующіе 5 мѣсяцевъ (отъ 12 августа до 18 января), и для Ломоносова лично, и для исторіи академіи, и для русской

Digitized by Google

науки. Противники его сдѣлали съ своей стороны все, чтобъ окончательно отдѣлаться отъ Ломоносова; члены коммиссіи, подъ очевиднымъ вліяніемъ враждебной стороны, составили докладъ, въ который вошли всѣ прежнія его продерзости и который не позволялъ сомнѣваться въ утвержденіи сдѣланнаго ими приговора; Ломоносовъ во все это время содержался подъ строгимъ арестомъ и не имѣлъ никакой возможности не только отвратить угрожавшую ему опасность, но и облегчить строгость рѣшенія [1]. Все, казалось, устроено было такъ, что Ломоносовъ, на 30 году своей жизни [1], въ виду готовыхъ осуществиться блестящихъ надеждъ, долженъ былъ сдѣлаться жертвою увлеченій своей молодости, своего горячаго нрава и далеко не равной борьбы. Что катастрофа Ломоносова была усердно и дружно подготовлена профессорами, подписавшими доносъ, это совершенно естественно. Могутъ возбудить нѣкоторыя сомнѣнія холодность и жестокость приговора со стороны членовъ коммиссіи, отсутствіе всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ (а у Ломоносова они были). Но члены коммиссіи назначены

---

[1] Изъ-подъ ареста онъ проситъ о выдачѣ жалованья, о выдачѣ микроскоповъ для оптическихъ, физическихъ и ботаническихъ обсервацій, ньютоновой физики и универсальной ариѳметики, что и исполнено; объ устройствѣ лабораторіи (уже во 2-й разъ), въ чемъ отказано, по неимѣнію денегъ и по неутвержденію штата; проситъ объ освобожденіи изъ-подъ ареста, такъ-какъ отъ того «не только искренняя его ревность къ наукамъ въ упадокъ приходитъ, но и время напрасно тратится, въ которое онъ могъ бы другихъ ученіемъ пользовать»: въ этой просьбѣ также отказано (Мат. 46—49).

[2] Всего вѣрнѣе принять за основаніе, при опредѣленіи года рожденіи Ломоносова, оффиціальное свидѣтельство, находящееся въ докладѣ призидента академіи наукъ, барона Корфа, объ отправленіи за границу троихъ студентовъ, отъ 5 марта 1736 г.; здѣсь ему показано 22 года. (Сборн. *Куника*, стр. 92).

Digitized by Google

были разобрать дѣло по доносу Нартова. Достаточно припомнить радикальный характеръ этого доноса, подрывавшаго самыя основанія существовавшаго порядка въ академіи, отрицавшаго всякое значеніе и пользу для Россіи этого учрежденія при такомъ порядкѣ, раскрывавшаго такія злоупотребленія, устраненіе которыхъ возможно было только подъ условіемъ рѣшительной и полной реформы, — достаточно припомнить такой характеръ доноса, чтобы понять тотъ взглядъ на дѣло и тотъ образъ дѣйствій, какой усвоили себѣ члены коммисіи, чтобы понять, почему имъ легче, покойнѣе и безопаснѣе было склониться въ пользу академическаго statu quo, слѣдов. въ пользу обвиняемой стороны, сдѣлавши, конечно, послѣдней приличное конфиденціальное внушеніе. Улучшеніе же или даже преобразованіе академіи, если оно оказывалось нужнымъ, могло совершиться и послѣ, постепенно, по иниціативѣ свыше, безъ скандала. Такой образъ дѣйствій легче и покойнѣе, потому что онъ освобождалъ отъ трудной и непріятной обязанности разслѣдовать дѣло по всѣмъ пунктамъ доношенія, т. е. весь существовавшій академическій порядокъ. По изданнымъ теперь документамъ можно, кажется, смѣло заключать о рѣшительной небрежности членовъ коммиссіи въ производствѣ слѣдствія. А какой дурной и соблазнительный примѣръ для подчиненныхъ, если-бы коммиссія приняла сторону обвинителей! Злоупотребленія и безпорядки, въ родѣ академическихъ, въ то время далеко были не единичнымъ и исключительнымъ явленіемъ. Присоедините сюда ловкость, изворотливость, вкрадчивость, знаніе людей и умѣнье дѣйствовать на нихъ обвиняемаго лица и недостатки тѣхъ-же качествъ въ главномъ обвинителѣ — и результаты доношенія будутъ совершенно ясны. Если же коммиссія усвоила себѣ именно такой взглядъ на свое главное дѣло, то тотъ-же взглядъ естественно долженъ былъ отра-

Digitized by Google

зиться и на дѣлѣ Ломоносова, потому что въ немъ рѣзко высказался тотъ-же духъ своеволія и безначалія, какой породилъ и доношеніе. Подавляя этотъ духъ въ послѣднемъ, она тѣмъ болѣе должна была подавить его въ первомъ, что онъ такъ безцеремонно обнаружился на глазахъ самой коммиссіи, во время самаго дѣлопроизводства. Вникать же въ личность подсудимаго, въ его заслуги и надежды — члены коммиссіи не могли, сочувственно и снисходительно относиться въ его возрасту и къ тому состоянію, въ какомъ онъ находился въ минуту совершенія своихъ продерзостей, — не хотѣли. Какъ бы то ни было, жестокій приговоръ былъ произнесенъ — и, конечно, члены коммиссіи менѣе всего сомнѣвались въ скоромъ и точномъ его утвержденіи.

Тѣмъ отраднѣе состоявшійся 18 января 1744 года указъ сената, чѣмъ онъ неожиданнѣе. Вотъ подлинныя слова указа: «онаго адъюнкта Ломоносова для ево довольнаго обученія отъ наказанія свободить, а во объявленныхъ, учиненныхъ имъ, продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощенія; а что онъ такія непристойныя поступки учинилъ въ коммиссіи и въ конференціи, яко въ судебныхъ мѣстахъ, за то давать ему, Ломоносову, жалованья въ годъ по нынѣшнему ево окладу половинное» (Мат., 52).

Чѣмъ объяснить этотъ указъ? Для объясненія его, недостаточно одного манифеста, появившагося около этого времени, а необходимо принять въ соображеніе и другія обстоятельства. Покровителей и защитниковъ, сильныхъ своимъ вліяніемъ при дворѣ, какіе были въ-послѣдствіи, въ это время у Ломоносова не было. Главный покровитель его, И. И. Шуваловъ, въ изданныхъ теперь документахъ упоминается въ связи съ именемъ Ломоносова въ первый разъ въ ноябрѣ 1749 года, по поводу надѣлавшей въ академіи много шуму исторіи о непропечатаніи въ газетахъ отчества Шувалова, пожалованнаго въ каммеръ-юнкеры

Digitized by Google

(Мат., 136 — 137); имя другаго покровителя Ломоносова, Воронцова, въ той-же связи встрѣчается только въ іюнѣ 1745 года, по поводу посвященія ему Ломоносовымъ переведенной съ латинскаго языка сокращенной экспериментальной физики (стр. 64). Ученыя его заслуги по физикѣ и химіи едва-ли могли имѣть вліяніе на такой оборотъ дѣла какъ потому, что онѣ еще не были на-столько видны, такъ и потому, что надлежащая оцѣнка ихъ была не по силамъ тогдашняго нашего общества. Вообще, соображая обстоятельства, вызвавшія благопріятный исходъ дѣла, мы едва-ли сдѣлаемъ большую ошибку, если объяснимъ его, во-первыхъ, болѣе безпристрастнымъ взглядомъ на дѣло въ высшей инстанціи и вниманіемъ къ упомянутымъ выше смягчающимъ обстоятельствамъ, а во-вторыхъ, что всего вѣроятнѣе, его литературною репутаціей, какъ болѣе доступною для оцѣнки. По самому характеру своему, исторія Ломоносова была такого рода, что она могла возбудить снисходительный взглядъ именно въ то время, когда русское общество, освободившееся, со вступленіемъ на престолъ Елисаветы, отъ ненавистнаго нѣмецкаго ига, стало дышать свободнѣе, сознавать свою силу и значеніе. Всеобщая радость, съ весьма рѣзкимъ отношеніемъ къ прежнему времени, открыто высказывалась тогда даже съ церковной каѳедры. Ломоносовская исторія, при такомъ положеніи дѣлъ, естественно, должна была представляться отголоскомъ этого прежняго ненавистнаго времени, по отношенію къ противникамъ Ломоносова, и вполнѣ согласовалась съ общимъ направленіемъ умовъ, по отношенію къ поведенію Ломоносова, не смотря на все неприличіе формы, въ какой оно выразилось. Образъ дѣйствій членовъ коммиссіи, подписавшихъ докладъ, можетъ быть объясняемъ только приведенными выше соображеніями, т. е. ихъ небрежностью, съ одной стороны, и ловкостью Шумахера — съ другой. Три-четыре

Digitized by Google

года тому назадъ, гибель Ломоносова была бы неизбѣжна и даже не нуждалась бы въ той оффиціальной обстановкѣ, о которой такъ усердно позаботилась враждебная ему партія. Къ тому же должно присоединить извѣстность академическихъ безпорядковъ, слухъ о которыхъ доходилъ до двора, дѣйствительно замѣтныя въ бумагахъ по этому дѣлу пристрастіе, натяжку, придирчивость, желаніе во что бы то ни стало избавиться отъ безпокойнаго и мутившаго воду русскаго человѣка и наконецъ извѣстность этого русскаго человѣка, его литературную репутацію. Если-бы Ломоносовъ былъ человѣкъ неизвѣстный и мелкій, то дѣло его еще могло бы ускользнуть отъ вниманія, и приговоръ, слѣдуя обычному канцелярскому теченію дѣлъ, могъ бы получить утвержденіе. Но имя Ломоносова уже въ то время не могло не остановить на себѣ вниманія и не заставить вникнуть въ сущность дѣла. Преданіе о впечатлѣніи, произведенномъ его извѣстною одою, было еще свѣжо; репутація перваго поэта того времени была за нимъ утверждена непоколебимо. Такое имя даже тогда не такъ легко было выставить на позоръ и легкомысленно принести въ жертву хотя-бы и дюжинѣ нѣмецкихъ именъ, подписанныхъ подъ достопамятнымъ доносомъ. Нельзя не обратить вниманія еще на одно обстоятельство, которое могло имѣть вліяніе на поворотъ дѣла въ пользу Ломоносова. Обстоятельство это — расположеніе самой императрицы, пѣвцомъ которой послѣ является Ломоносовъ, къ литературѣ и даже собственнымъ литературнымъ занятіямъ. Расположеніе это, какъ всегда бываетъ, не замедлило, разумѣется, распространиться въ придворной средѣ, а слѣдовательно не замедлило отмѣтить имя, стоявшее во главѣ тогдашняго маленькаго литературнаго кружка. Изъ исторіи русскаго театра извѣстно расположеніе императрицы къ драматическимъ представленіямъ, заботливость ея объ устройствѣ театра,

Digitized by Google

о приготовленіи актеровъ и вниманіе къ драматическимъ писателямъ. Извѣстно, что это расположеніе она обнаружила, еще будучи великою княгинею, за-долго до вступленія на престолъ[1]. Послѣ удачнаго представленія «Хорева» въ 1750 году, въ ней естественно родилось желаніе видѣть еще нѣсколько русскихъ трагедій, въ-слѣдствіе чего, въ сентябрѣ того-же года, послѣдовалъ именной указъ Ломоносову и Тредьяковскому сочинить по трагедіи; работа у обоихъ шла такъ быстро, что Ломоносовъ 3 ноября требуетъ отъ канцеляріи покупки матеріаловъ для переплета «Тамиры и Селима», а Тредьяковскій, въ началѣ декабря, хлопочетъ о заглавномъ листѣ къ своей трагедіи (Мат. 145—146). Въ сентябрѣ слѣдующаго года послѣдовалъ именной указъ о напечатаніи трагедіи «Демофонтъ», которая и печаталась день и ночь. Извѣстно также, что императрица впослѣдствіи выразила Ломоносову желаніе видѣть россійскую исторію, его штилемъ написанную. Въ это время, о которомъ идетъ рѣчь, была написана Ломоносовымъ реторика и посвящена великому князю. Шумахеръ, въ февралѣ 1744 г., *получивъ ее изъ Москвы*, гдѣ тогда находился дворъ, съ письмомъ отъ Штелина, внесъ въ конференцію для обсужденія прежде напечатанія.

Черезъ полгода, іюля 15, состоялся Высочайшій указъ о производствѣ Ломоносову полнаго оклада. Такъ кончилась эта исторія Ломоносова съ нѣмцами, угрожавшая ему весьма важными послѣдствіями, потерею всей его карьеры. Не на такой исходъ, конечно, разсчитано было доношеніе; но, видно, во многомъ измѣнилось время, когда одинокій русскій человѣкъ, и при томъ все-таки виновный, могъ устоять противъ дружной коалиціи нѣмцевъ. Все дѣло въ томъ, что не существовала уже преж-

[1] Русск. Архивъ, 1865, № 3, стр. 330 и 331.

Digitized by Google

няя связь, исчезла прежняя взаимность интересовъ между высшей и низшей сферой. Послѣ этой исторіи, враждебная Ломоносову сторона должна была убѣдиться, что не такъ легко отдѣлаться отъ этого докучливаго и безпокойнаго человѣка, что для того недостаточно одного скандала, хотя-бы и облеченнаго въ строгую форму юридическаго процесса, заботливо обставленнаго обвинительными пунктами и длиннымъ рядомъ показаній свидѣтелей, что требовалась большая осторожность и умѣренность въ образѣ дѣйствій въ отношеніи къ нему. Что такое убѣжденіе и было усвоено въ значительной степени и съ надлежащимъ благоразуміемъ, доказательствомъ служитъ оставшаяся безъ послѣдствій новая продерзость Ломоносова, совершенная имъ спустя нѣсколько дней послѣ объявленія ему милостиваго рѣшенія въ январѣ и состоявшая въ томъ, что онъ ударилъ переводчика Голубцова шандаломъ въ лице, «отчего воспослѣдовалъ у него въ глазу ломъ, а на лицѣ отъ удару язва» (Матер. 53). На относящемся сюда рапортѣ въ академическую канцелярію надписано: «переводчику Голубцову въ своей обидѣ съ адъюнктомъ Ломоносовымъ вѣдаться судомъ, а сіе сообщить къ прежнему о Ломоносовѣ дѣлу».

Этою послѣднею исторіей и заключается довольно длинный рядъ продерзостей Ломоносова, слѣдствій увлеченія его молодости, составляющихъ продолженіе его безпорядочной студентской жизни, въ ея переходѣ къ степенному и обдуманному образу жизни зрѣлаго возраста. Наибольшая часть ихъ была слѣдствіемъ невоздержности, несчастной слабости, усвоенной имъ въ обществѣ нѣмецкихъ студентовъ. Эта несчастная слабость, къ сожалѣнію, оставила слишкомъ глубокіе слѣды въ горячей и легко увлекавшейся въ крайности натурѣ Ломоносова, и едва-ли не была причиной его преждевременной смерти. Во всякомъ случаѣ не под-

Digitized by Google

лежитъ сомнѣнію, что съ 1744 г. начинается новый періодъ жизни Ломоносова, періодъ зрѣлаго возраста, отличающійся большею сознательностью, обдуманностью и основательностью взгляда и большею степенностію и умѣренностію въ образѣ дѣйствій. На рубежѣ этихъ двухъ періодовъ находится первый его капитальный ученый трудъ, его диссертація *о теплотѣ и стужѣ*, прочитанная имъ въ профессорской конференціи 25 января 1745 года.

Digitized by Google

2. ЛОМОНОСОВЪ ПРОФЕССОРЪ ХИМІИ.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ нами исторій, скандаловъ и продерзостей Ломоносова, заключившихъ собою его юношескую, тревожную жизнь, кажется, рѣшительно не можетъ быть мѣста никакимъ сомнѣніямъ и недоразумѣніямъ относительно той точки зрѣнія, того положенія и образа дѣйствій, какіе естественно долженъ былъ усвоить себѣ по отношенію къ нему Шумахеръ. Онъ неизбѣжно долженъ былъ видѣть въ немъ самаго энергическаго и самаго ожесточеннаго своего будущаго противника; какъ представитель нѣмецкаго и канцелярскаго элементовъ, онъ не могъ не предвидѣть, что будущее отношеніе его къ Ломоносову должны быть основаны на началахъ вражды, неминуемой и жестокой борьбы, вслѣдствіе непримиримаго противорѣчія интересовъ. Нужно предположить слишкомъ много близорукости и тупости въ Шумахерѣ, чтобы допустить иной взглядъ на Ломоносова и иныя отношенія къ нему. Не такимъ представлялся Шумахеръ и прежде, далеко не такимъ представляется онъ и теперь, по вновь изданнымъ документамъ. Какъ бы ни расходились частные интересы академиковъ-нѣмцевъ, они все-таки должны были сильно тяготѣть другъ къ другу, съ одной стороны, по національному чувству, съ другой — по общности основныхъ интересовъ: какъ

Digitized by Google

скоро вопросъ касался этихъ основныхъ интересовъ, естественно возбуждалось и національное чувство, а потому они должны были представлять собою крѣпко сплоченную коалицію. Что такое пониманіе отношеній между этими двумя личностями, изъ развитія которыхъ слагается главное содержаніе исторіи академіи наукъ въ теченіе двадцати лѣтъ, а со включеніемъ сюда совершенно однородныхъ отношеній къ зятю Шумахера, Тауберту, въ теченіе цѣлой четверти вѣка, что такое пониманіе отношеній есть единственно вѣрное, — краснорѣчивымъ доказательствомъ служитъ вся служебная академическая дѣятельность Ломоносова.

Все это необходимо имѣть въ виду, при объясненіи производства Ломоносова въ профессоры химіи. Указъ объ этомъ производствѣ подписанъ императрицей 25 іюля 1745 г. Изданные теперь документы, относящіеся сюда, весьма любопытны. Дѣло это происходило такъ. Въ апрѣлѣ Ломоносовъ самъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе о производствѣ въ профессоры; прошеніе это, вмѣстѣ съ прошеніемъ другаго адъюнкта, Крузе, внесено въ профессорскую конференцію Шумахеромъ 3 мая. По обсужденіи прошеній въ этомъ засѣданіи, опредѣлено предложить обоимъ кандидатамъ написать по диссертаціи на избранныя ими самими темы, хотя конференція нисколько не сомнѣвалась въ ихъ познаніяхъ и способности. Въ чрезвычайномъ засѣданіи 14 іюня Ломоносовъ уже читалъ свою диссертацію: «*De tinctura metallorum*». Какъ по этой диссертаціи, одобренной всѣми академиками, такъ и по прежнимъ трудамъ Ломоносова, въ засѣданіи 22 іюня, Ломоносовъ признанъ былъ достойнымъ производства въ профессоры, причемъ Гмелинъ, желавшій возвратиться въ отечество, уступалъ ему каѳедру химіи. Замѣчательно, что Делиль, *по причинѣ своей астрономической спеціальности*, отказался отъ голоса по дѣлу о производствѣ Ломоносова, хотя такой образъ

Digitized by Google

дѣйствій и не былъ одобренъ остальными академиками. Нельзя не обратить особеннаго вниманія на то, что въ обоихъ засѣданіяхъ конференціи по дѣлу Ломоносова, 17 и 22 іюня, не было Шумахера, не смотря на особое приглашеніе каждый разъ со стороны конференціи; очевидно какое-то намѣренное устраненіе себя отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Профессоръ Винсгеймъ, въ упомянутомъ выше письмѣ своемъ, которымъ сопровождалось сообщеніе рѣшенія конференціи въ канцелярію, съ особенною настойчивостью, два раза, указываетъ на это обстоятельство: «понеже вашего высокоблагородія присутствіе во многихъ сряду бывшихъ собраніяхъ не случилось, то всѣ профессоры объ адъюнктѣ Ломоносовѣ и студентѣ Крашенинниковѣ, давъ резолюцію, въ протоколъ записали, которую ваше высокоблагородіе изъ нижеслѣдующаго усмотрѣть можете» (Матер. стр. 64). Рѣшеніе конференціи, 28 іюня, сообщено было, при письмѣ Винсгейма на имя Шумахера, въ канцелярію, для представленія въ сенатъ, вмѣстѣ съ представленіемъ оклада Ломоносову въ 500 руб., какъ *младшему профессору*. Замѣчательно также, что Ломоносовъ немедленно-же испросилъ копію съ рѣшенія его дѣла въ конференціи. Доношеніе изъ канцеляріи въ сенатъ послѣдовало только 19 іюля, слѣдовательно нѣсколько замедлилось, сколько можно судить по общему ходу тогдашняго дѣлопроизводства. Въ этомъ представленіи не упоминается объ опредѣленіи конференціей Ломоносову низшаго профессорскаго оклада въ 500 руб., а просто указывается на существующіе въ академіи профессорскіе и адъюнктскіе оклады.

Въ это время, когда дѣло уже вышло изъ академіи и приближалось къ концу, спустя пять дней послѣ представленія доношенія въ сенатъ, 23 іюля, совершенно неожиданно послѣдовалъ въ академію наукъ изъ кабинета императрицы запросъ слѣ-

Digitized by Google

дующаго содержанія: «Обрѣтающіеся при той академіи секретарь Тредьяковскій и адъюнктъ Ломоносовъ въ профессоры произведены ли, когда и по чьимъ атестатамъ и конфирмаціямъ» (Мат. стр. 66). Канцелярія отвѣчала на этотъ запросъ на другой-же день, что о производствѣ Тредьяковскаго ничего неизвѣстно[1], а о Ломоносовѣ послѣдовало въ сенатъ доношеніе 19 іюля. Наконецъ, 25 іюля послѣдовало Высочайшее утвержденіе, а 7 августа указъ сената. Такимъ образомъ все дѣло о производствѣ Ломоносова въ профессоры совершилось въ четыре мѣсяца.

Въ этомъ дѣлѣ невольно обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя обстоятельства. Какъ должно смотрѣть на упорное уклоненіе Шумахера отъ засѣданій по этому дѣлу? Что это не была случайность, а совершенно намѣренное дѣйствіе, въ этомъ сомнѣваться никакъ нельзя, и достаточнымъ тому доказательствомъ могутъ служить приведенныя выше мѣста изъ письма Винсгейма. Не хотѣлъ ли Шумахеръ задержать производство, разсчитывая слишкомъ много на свое вліяніе на профессоровъ и полагая своимъ отсутствіемъ затруднить дѣйствія профессоровъ, а слѣдовательно и самое рѣшеніе дѣла? То желаніе профессоровъ, чтобы Шумахеръ былъ въ засѣданіяхъ, и тѣ особенныя и неоднократныя приглашенія его въ засѣданія, наконецъ двукратное указаніе на это желаніе и приглашеніе, отзывающееся извиненіемъ, дѣйствительно даютъ поводъ предполагать, что затрудненія, опасенія и колебанія между профессорами существовали. Что эти колебанія окончились почти единогласнымъ рѣшеніемъ въ пользу Ломоносова — это другое дѣло. Какъ

[1] Опредѣлительнѣе сказано въ другой черновой: «секретарь Третьяковскій отъ конференціи академіи наукъ въ профессоры не удостоенъ, и объ опредѣленіи его въ сей чинъ пр. сенату отъ акад. канцеляріи представленія не было».

Digitized by Google

бы то ни было, соображая общій характеръ отношеній между Шумахеромъ и Ломоносовымъ и въ частности весь ходъ дѣла о производствѣ послѣдняго и сохраняя въ то-же время полное безпристрастіе, мы рѣшительно позволяемъ себѣ видѣть въ упорномъ уклоненіи Шумахера отъ засѣданій хотя косвенное, но вполнѣ преднамѣренное и разсчитанное противодѣйствіе производству. При такомъ только взглядѣ, можетъ быть понятно это уклоненіе и удовлетворительно объяснено; при такомъ только взглядѣ, Шумахеръ остается вѣрнымъ самому себѣ и дѣйствія его могутъ представляться послѣдовательными. А что Шумахеръ всегда оставался вѣренъ самому себѣ, своимъ основнымъ убѣжденіямъ, и что дѣйствія его всегда отличались послѣдовательностію, это доказываетъ вся его служебная академическая дѣятельность. И въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, съ нашей точки зрѣнія, его можно обвинять на-столько же, на-сколько можно обвинять общее направленіе его служебной дѣятельности.

Можно бы было предложить и другое объясненіе того-же уклоненія, объясненіе необходимостію производства Ломоносова въ профессоры, указанною свыше, о чемъ скажемъ послѣ. Но такое объясненіе, съ одной стороны, нуждается въ болѣе опредѣлительныхъ и точныхъ основаніяхъ, чѣмъ какія заключаются въ изданныхъ теперь матеріалахъ, съ другой — оно можетъ представляться не вполнѣ согласнымъ съ тѣмъ понятіемъ о характерѣ Шумахера и его образѣ дѣйствій, какое невольно извлекается изъ всей совокупности существующихъ о немъ свѣдѣній. Если эта неизбѣжная необходимость дѣйствительно существовала, то, въ виду ея, Шумахеру, какъ человѣку ловкому и практическому, всего естественнѣе было явиться съ полною готовностію и усердіемъ содѣйствующимъ производству Ломоносова. Такой образъ дѣйствій могъ быть основанъ на двойномъ разсчетѣ: расположить въ свою

Digitized by Google

пользу тѣхъ, отъ кого исходило указаніе на эту необходимость, или по-крайней-мѣрѣ ослабить ихъ подозрѣніе въ недоброжелательствѣ Ломоносову, и привлечь, хоть на-время, на свою сторону новую свѣжую силу. Даже въ томъ случаѣ, если-бы послѣдній разсчетъ оказался невѣрнымъ, онъ выигрывалъ уже тѣмъ, что значительно парализировалъ бы силу послѣдующихъ обвиненій Ломоносова и ослаблялъ бы довѣріе къ нимъ.

Какъ бы мы ни объясняли во всякомъ случаѣ уклончивое поведеніе Шумахера въ производствѣ Ломоносова въ профессоры, а также и поведеніе профессорской конференціи, изъявившей такую единодушную готовность, за исключеніемъ Делиля, дѣйствовать въ пользу этого производства, не стѣсняясь даже видимо разсчитаннымъ отсутствіемъ Шумахера, все-таки и то и другое представляется нѣсколько загадочнымъ. Поведеніе перваго мы старались объяснить съ своей точки зрѣнія. Что же касается до единодушной готовности профессоровъ, то, при всемъ желаніи видѣть въ ней исключительно безпристрастный образъ дѣйствій, исходящій изъ признанія дѣйствительныхъ достоинствъ Ломоносова, по соображеніи общей слабости человѣческой, нельзя несогласиться, что самое время производства должно было крайне затруднять эту безпристрастную и спокойную оцѣнку. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ только, что послѣ рѣшенія дѣла объ апрѣльскомъ скандалѣ, вызвавшемъ доношеніе, подписанное всѣми членами конференціи, прошелъ съ небольшимъ годъ, слѣдовательно такой срокъ времени, который совершенно недостаточенъ для измѣненія прежнихъ отношеній въ обратную сторону; припомнимъ также, что самый исходъ дѣла былъ такого свойства, что вовсе не согласовался съ разсчетами ни профессоровъ, ни Шумахера, ни слѣдственной коммиссіи. Однимъ словомъ, необходимо, кажется, въ объясненіе поведенія и профессоровъ и

Digitized by Google

Шумахера допустить что-то такое, чего невидно прямо изъ изданныхъ теперь документовъ и что однако въ значительной степени опредѣляло и направляло и то и другое поведеніе.

Нельзя не видѣть слѣда этого *чего-то* въ приведенномъ выше запросѣ изъ кабинета императрицы отъ 23 іюля 1745 г. Какъ понимать этотъ запросъ, что вызвало его и съ какою цѣлью онъ былъ сдѣланъ? Очевидно, этотъ запросъ вовсе не находится въ связи съ академическимъ дѣлопроизводствомъ о возведеніи Ломоносова въ профессоры, какъ послѣдовавшій только спустя четыре дня послѣ представленія изъ канцеляріи въ сенатъ рѣшенія конференціи, какъ требующій отвѣта на вопросъ, только-что рѣшенный академіей, и какъ заключающій въ себѣ указаніе на новое дѣло о возвышеніи въ профессоры Тредьяковскаго, о чемъ въ академіи и рѣчи не было. Вообще, изъ первой половины запроса должно заключать, что Тредьяковскій, потерявшій надежду получить профессорство обычнымъ и правильнымъ путемъ, чрезъ конференцію и канцелярію, опираясь на покровительство М. И. Воронцова, рѣшился обойдти академію и обратиться прямо въ сенатъ. Доношеніе его, какъ видно, подано въ маѣ, потому что изъ общаго указа сената о немъ, Ломоносовѣ и Крашенинниковѣ, отъ 7 августа, оказывается, что 6 іюня состоялось опредѣленіе «о бытіи ему, Тредьяковскому, профессоромъ какъ россійскія такъ и латинскія элоквенціи», и о докладѣ о томъ императрицѣ. Опредѣленіе это основывалось и на аттестатѣ, выданномъ Тредьяковскому святѣйшимъ синодомъ. Дѣло это, рѣшенное благопріятно въ сенатѣ, должно было появиться въ кабинетѣ императрицы на Высочайшее утвержденіе никакъ не позже половины іюня, слѣдовательно именно въ то время, когда въ первый разъ происходило въ профессорской конференціи сужденіе о производствѣ Ломоносова въ профессоры

Digitized by Google

(засѣданіе 17 іюня). Такъ объясняется первая половина запроса о Тредьяковскомъ. Мы не будемъ останавливаться на интересномъ производствѣ послѣдняго и позволимъ себѣ только выразить сожалѣніе, что Матеріалы не предлагаютъ по этому дѣлу никакого объясненія.

Но какимъ образомъ попалъ въ запросъ и Ломоносовъ, о производствѣ котораго только-что рѣшено было законнымъ и правильнымъ путемъ въ академіи, о чемъ однако кабинетъ императрицы не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ свѣдѣній? Что Ломоносовъ, подобно Тредьяковскому, не обходилъ академіи и не обращался за профессорствомъ прямо въ сенатъ, это видно изъ того-же указа сената отъ 7 августа, въ которомъ упоминается о немъ только по поводу доношенія академической канцеляріи о производствѣ его въ профессоры. Весьма естественно предположить, что въ кабинетѣ, какъ-скоро зашла рѣчь о Тредьяковскомъ, нашлись люди, которые, можетъ быть, безъ всякаго непосредственнаго дѣйствія на нихъ, обратили вниманіе на Ломоносова и, конечно, не встрѣтили никакого затрудненія внести его имя въ докладъ о Тредьяковскомъ, а слѣдовательно и въ предварительный запросъ въ академію.

Въ академіи, разумѣется, отлично знали объ усиліяхъ Тредьяковскаго получить профессорство, внимательно слѣдили за его дѣломъ въ сенатѣ, знали объ исходѣ его тамъ, а слѣдовательно не могли сомнѣваться и объ окончательномъ его рѣшеніи. По видимому, Ломоносовъ началъ свое домогательство профессорства и подалъ свое прошеніе одновременно съ началомъ того-же домогательства, только другимъ путемъ, со стороны Тредьяковскаго. Могъ онъ начать его самъ, безъ всякихъ постороннихъ внушеній, могли побудить его къ тому и нѣкоторые изъ профессоровъ, хорошо, конечно, понимавшихъ

Digitized by Google

достоинства того и другаго лица. Въ виду безцеремонныхъ дѣйствій Тредьяковскаго и въ сознаніи рѣшительнаго превосходства достоинствъ и заслугъ Ломоносова, эти послѣднія возбужденія совершенно естественны. Дальнѣйшій же ходъ дѣла Тредьяковскаго не могъ не имѣть вліянія на судьбу прошенія Ломоносова. Академія должна была ясно видѣть, что если уже Тредьяковскому удалось, помимо ея, добиться профессорства, то тѣмъ легче было сдѣлать то-же самое Ломоносову. Въ то-же время, ко времени обсужденія прошенія Ломоносова въ конференціи, въ половинѣ іюня, могла сдѣлаться извѣстною въ академіи и мысль, возникшая въ кабинетѣ, присоединить и Ломоносова къ докладу о Тредьяковскомъ. Медлить и колебаться нельзя было; противодѣйствовать — безполезно. Собственная, хотя и поздняя, иниціатива академіи, въ отношеніи къ Ломоносову, была рѣшительно необходима, чтобы хотя сколько-нибудь парализировать все болѣе и болѣе распространявшееся мнѣніе о самовластіи въ ней нѣмцевъ, о притѣсненіи ими русскихъ и объ упорномъ устраненіи послѣднихъ отъ высшихъ академическихъ должностей. Тредьяковскій, въ своемъ доношеніи, по всей вѣроятности, не преминулъ подробно объяснить свое положеніе и причины, побудившія его обратиться прямо въ сенатъ. Необходимо было соблюсти по-крайней-мѣрѣ внѣшній видъ относительно производства Ломоносова, хотя-бы для охраненія достоинства учрежденія, а больше всего для огражденія отъ нареканій, особенно когда становилось до очевидности ясно, что дѣло могло обойдтись и безъ академіи. Какъ нужно было спѣшить послѣдней въ этомъ дѣлѣ, видно изъ того, что запросъ кабинета явился въ академическую канцелярію только спустя четыре дня послѣ передачи дѣла въ сенатъ. Такъ объясняется, по нашему мнѣнію, поведеніе профессорской конференціи въ производствѣ Ломоносова; такъ объясняется и

Digitized by Google

поведеніе Шумахера, въ виду неожиданной необходимости дѣйствовать въ пользу Ломоносова, его глухое и осторожное противодѣйствіе, выразившееся упорнымъ устраненіемъ себя отъ прямаго участія въ этомъ дѣлѣ, можетъ быть, еще въ надеждѣ парализировать тѣмъ рѣшимость конференціи.

Объясняя такимъ образомъ интересныя подробности производства Ломоносова въ профессоры химіи, мы желали только уяснить себѣ этотъ фактъ, дать себѣ отчетъ въ немъ, слѣдуя неуклонно за документами и позволяя себѣ только такія поясненія и предположенія, которыя невольно приходятъ въ голову, при самомъ простомъ соображеніи содержанія этихъ документовъ и взаимномъ ихъ сопоставленіи. Представляющіеся здѣсь выводы непосредственно и необходимо исходятъ изъ обсужденія относящихся сюда оффиціальныхъ актовъ. Вотъ эти выводы: 1) Ломоносовъ подалъ свое прошеніе, вызванный необычнымъ и вовсе не коллегіальнымъ искательствомъ профессуры со стороны Тредьяковскаго; 2) дѣло о Тредьяковскомъ въ высшей инстанціи, пока неизвѣстно какъ и почему, вошло въ связь съ Ломоносовымъ и утвержденіе обоихъ въ профессорствѣ, помимо академіи, было очевидно; 3) благопріятный оборотъ домогательства Тредьяковскаго и явная возможность утвержденія Ломоносова тѣмъ-же путемъ имѣли рѣшительное вліяніе на скорое и вполнѣ благопріятное окончаніе дѣла послѣдняго въ конференціи; 4) Шумахеръ долженъ былъ ограничиться глухимъ противодѣйствіемъ, повинуясь единственно силѣ случайно и неожиданно сложившихся обстоятельствъ; 5) такимъ образомъ производство Ломоносова хотя произошло обычнымъ коллегіальнымъ путемъ, однако подъ очевиднымъ давленіемъ этихъ случайныхъ обстоятельствъ, безъ которыхъ, вѣроятно, не быть бы ему профессоромъ химіи въ 1745 году.

Digitized by Google

Имѣя въ виду эти выводы, легко объяснить себѣ и другія обстоятельства, относящіяся также къ производству Ломоносова, хотя уже и состоявшемуся въ академіи. Извѣстно было и прежде, что Ломоносовъ обвинялъ Шумахера въ отсылкѣ его диссертацій къ Эйлеру *въ надеждѣ получить отъ него дурной отзывъ*. Это обвиненіе повторяетъ онъ неоднократно и весьма положительно. Такъ, въ сохранившемся черновомъ письмѣ къ Эйлеру отъ 1765 года, Ломоносовъ говоритъ прямо: «Какъ скоро конференція избрала меня въ профессоры и аттестовала, и покойная императрица утвердила, Шумахеръ послалъ въ вашему высокоблагородію мои уже аппробованныя диссертаціи, въ надеждѣ получить отъ васъ дурной отзывъ; но вы поступили тогда какъ честный человѣкъ» (Матер. стр. 68). Подробнѣе говоритъ онъ объ этомъ дѣлѣ въ своей краткой исторіи академической канцеляріи. Мы должны привести здѣсь это мѣсто. «Будучи произведенъ по апробаціи всего академическаго собранія и по имянному указу блаженной памяти государыни имп. Е. П., за подписаніемъ собственныя руки, получилъ двора повелѣніе и сумму на лабораторію изъ канцеляріи отъ строенія по представленію барона Черкасова. Для отнятія сего всего умыслилъ совѣтникъ Шумахеръ и ассесора Теплова пригласилъ, чтобы мои апробованныя уже диссертаціи въ общемъ академическомъ собраніи послать въ Берлинъ къ профессору Эйлеру, конечно, съ тѣмъ чтобъ ихъ онъ охулилъ, а пріѣхавшему тогда изъ Голландіи доктору Бургаву меньшему было сказано, что онъ при томъ и химическую профессію приметъ съ прибавочнымъ жалованьемъ. И Бургавъ уже нетаясь говорилъ, что онъ для печей въ химическую лабораторію выпишетъ глину изъ Голландіи. Между тѣмъ Ломоносовъ, сіе о Бургавѣ услышавъ, доложилъ барону Черкасову, и потому выдача денегъ на лабораторію пріостановлена.

Digitized by Google

Такъ же и Бургавъ увѣдавъ, что ему химическую профессію поручаютъ Ломоносову въ обиду, отъ того отказался. Сверхъ сего ассесоръ Тепловъ Ломоносову тайно показавъ аттестатъ Эйлеровъ о его диссертаціяхъ, великими похвалами преисполненной, объявилъ, что де Шумахеръ хотѣлъ его опредѣлить къ переводамъ, а отъ профессорства отлучить; однако де ему неудалось. А какъ Ломоносовъ выпросилъ Эйлеровъ аттестатъ, то прислана къ нему тотчасъ отъ Теплова цедулка, чтобы аттестатъ отослать не укоснительно назадъ, и никому, а особливо Шумахеру, не показывать. Въ такомъ былъ онъ у Шумахера подобострастіи» (Матер. стр. 064 — 065). Вообще таково было твердое и рѣшительное убѣжденіе Ломоносова, недопускавшее нималѣйшаго колебанія, никакихъ недоразумѣній. Чтобы усомниться въ справедливости этого убѣжденія, необходимо имѣть столь-же твердыя и рѣшительныя доказательства.

Между тѣмъ издатель Матеріаловъ своими замѣчаніями видимо старается подорвать довѣріе къ этому убѣжденію и увѣрить читателя въ благопріятныхъ отношеніяхъ, въ отсутствіи всякаго недоброжелательства Шумахера къ Ломоносову въ настоящемъ случаѣ. Замѣчаніе это, по нашему мнѣнію, не достигаетъ своей цѣли, и обвиненіе по прежнему сохранитъ полную свою силу по-крайней-мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не откроются положительныя доказательства въ оправданіе Шумахера. Въ самомъ фактѣ, въ отношеніи его къ Ломоносову, нѣтъ никакой особенной важности, а потому и отстаивать его во что бы то ни стало не можетъ быть особенныхъ побужденій. Отчего же и не допустить, что Ломоносовъ ошибался въ своемъ заключеніи, основываясь на невѣрныхъ данныхъ и на неточныхъ соображеніяхъ объ этихъ данныхъ? Отношенія его къ Шумахеру такъ ясны и, особенно со времени его профессорства, развиваются такъ быстро, что, для опредѣленія ихъ, два-три

Digitized by Google

лишнихъ факта ничего не значатъ. Нельзя допустить только одного, что это обвиненіе — чистая клевета со стороны Ломоносова, какъ потому, что такое заключеніе находилось бы въ прямомъ противорѣчіи съ существенными чертами его характера, такъ и потому, что эта клевета, слишкомъ наглая и открытая, легко могла бы быть опровергнута; она и лишняя, такъ-какъ въ отношеніяхъ между Шумахеромъ и Ломоносовымъ не могло быть недостатка въ самыхъ положительныхъ доказательствахъ взаимнаго недоброжелательства. Но, отвергая безусловно клевету, мы не видимъ пока никакихъ поводовъ утверждать ошибочность заключеній. Ошибочность эту можно бы было допустить для перваго времени, когда, въ порывахъ сильнаго раздраженія, извѣстія и слухи принимаются обыкновенно слишкомъ легко и поверхностно, безъ надлежащей провѣрки; но допускать ее спустя двадцать лѣтъ послѣ совершенія факта — по меньшей мѣрѣ затруднительно. Мы не будемъ останавливаться на письмѣ къ Эйлеру, гдѣ клевета не только не могла доставить Ломоносову никакой практической пользы, особенно по времени, когда оно написано, но и могла прямо компрометировать его въ глазахъ уважаемаго имъ ученаго, которому, конечно, не трудно было угодить намѣренію Шумахера. Но на какомъ основаніи мы будемъ отвергать положительныя показанія Ломоносова въ его исторіи академической канцеляріи? Издатель Матеріаловъ утверждаетъ, что *подозрѣнія Ломоносова на-счетъ недоброжелательства Шумахера не подтверждаются*. Откуда же выводится это заключеніе? «Странно, говоритъ онъ, что Шумахеръ, желая повредить Ломоносову, послалъ его диссертаціи къ Эйлеру только тогда, когда дурной его отзывъ не могъ уже измѣнить положенія дѣла, утвержденнаго императрицей. Желая повредить Ломоносову, Шумахеръ могъ бы отправить диссертаціи по меньшей мѣрѣ во второй полови-

Digitized by Google

нѣ іюня и даже раньше. Сверхъ того, при рѣшительномъ недоброжелательствѣ къ Ломоносову, Шумахеръ долженъ бы былъ скрыть похвальный отзывъ Эйлера: а онъ сообщилъ его Теплову, отъ котораго всего скорѣе могъ узнать о его содержаніи президентъ академіи» (Матер. стр. 69). Но мы видѣли положеніе Шумахера и его образъ дѣйствій во время производства Ломоносова въ профессоры. Остановить это производство онъ рѣшительно не могъ и по-неволѣ долженъ былъ ограничиться глухимъ противодѣйствіемъ, а потому о такомъ намѣреніи его — повредить производству дурнымъ отзывомъ Эйлера не могло быть и рѣчи. Самъ Ломоносовъ нигдѣ не указываетъ на такое именно намѣреніе Шумахера; онъ прямо и положительно утверждаетъ: «какъ скоро конференція избрала меня въ профессоры и аттестовала, и покойная императрица утвердила, Шумахеръ послалъ...» и т. д. Что же за цѣль была въ такомъ несвоевременномъ и запоздаломъ дѣйствіи? Цѣль эта столь-же прямо и положительно высказана Ломоносовымъ въ исторіи академической канцеляріи: «*для отнятія сего всего* (т. е. профессорства и лабораторіи) умыслилъ совѣтникъ Шумахеръ...» и т. д. Дѣло о производствѣ было кончено и шло такъ, что Шумахеръ долженъ былъ молчать и соглашаться; но онъ не терялъ надежды въ будущемъ, не смотря на совершившійся фактъ, оттѣснить Ломоносова отъ профессуры и отъ академическихъ дѣлъ и тотчасъ-же, весьма осторожно и скрытно, въ соучастіи съ Тепловымъ, предпринялъ сильное нападеніе. Пунктомъ нападенія избрана была ученая репутація Ломоносова, а орудіемъ — знаменитый Эйлеръ, какъ безапелляціонный судья. Въ случаѣ полученія дурнаго или даже сомнительнаго отзыва, Шумахеръ, видно, не предвидѣлъ затрудненія заподозрить компетентность приговора конференціи, *отлучить Ломоносова отъ профессорства и опредѣлить къ переводамъ.* Такимъ

Digitized by Google

образомъ усилія заподозрить недоброжелательство Шумахера доказательствомъ запоздалости отсылки диссертацій Ломоносова къ Эйлеру должны были оставлены какъ совершенно излишнія и произвольно надуманныя. Впрочемъ, если-бы Шумахеръ послалъ диссертаціи и въ половинѣ іюня — а онъ могъ ихъ послать только въ то время, когда можно было вѣрно предвидѣть рѣшеніе конференціи, т. е. послѣ засѣданія 17 іюня, — то и тогда посылка оказалась бы запоздалою: дѣло шло очень быстро и побужденія спѣшить были весьма основательныя. А потому онъ рѣшился выждать окончаніе дѣла, чтобы послѣ, подорвавши ученую репутацію Ломоносова, доказать некомпетентность, а слѣдовательно недѣйствительность рѣшенія академіи. Можетъ быть, Ломоносовъ и преувеличивалъ значеніе отсылки диссертаціи, полагая ея цѣль въ отлученіи его отъ профессорства, или вовсе *въ его уничтоженіи* (стр. 77): для Шумахера и вообще было весьма важно имѣть въ рукахъ неопровержимое доказательство незначительности ученыхъ достоинствъ Ломоносова, которыми онъ такъ гордился и возвышался въ общемъ мнѣніи и, опираясь на которыя, онъ дѣйствовалъ такъ рѣшительно въ академіи. Да и какая-же, въ противномъ случаѣ, могла быть цѣль отсылки диссертацій? Въ изданныхъ теперь документахъ есть, дѣйствительно, нѣсколько случаевъ обращенія нашихъ академиковъ къ знаменитымъ европейскимъ ученымъ и академіямъ, когда возникали между ними споры и недоразумѣнія по ученымъ вопросамъ: въ дѣлѣ же о производствѣ Ломоносова не было никакихъ споровъ и недоразумѣній; заслуги его и достоинство быть профессоромъ признаны единогласно всѣми профессорами, за исключеніемъ Делиля, отказавшагося подать свой голосъ. Дѣло было вполнѣ безспорное и не нуждалось ни въ какой провѣркѣ. Если-бы еще диссертаціи отосланы были именно въ половинѣ іюня, до рѣшенія конференціи,

Digitized by Google

съ цѣлію получить предварительное мнѣніе знаменитаго ученаго, для большей прочности и вѣрности собственнаго рѣшенія, то такое дѣйствіе со стороны академиковъ хотя, можетъ быть, и заслужило бы упрекъ въ ихъ несостоятельности и въ неувѣренности въ собственныхъ убѣжденіяхъ, однако въ то-же время могло бы быть объясняемо желаніемъ вѣрнѣе оградить ученые интересы и репутацію учрежденія. Отсылку же ихъ въ августѣ или сентябрѣ едва-ли можно объяснять интересами академіи наукъ: въ ней должно видѣть единственно личныя побужденія, личные интересы Шумахера. Неужели въ самомъ дѣлѣ Шумахеръ, увѣренный въ ученыхъ достоинствахъ диссертацій, хотѣлъ блистательнымъ отзывомъ Эйлера неоспоримо подтвердить эти достоинства и доказать всѣмъ солидность ученой репутаціи Ломоносова? Предполагать такую цѣль отсылки едва-ли согласится и издатель Матеріаловъ. Притомъ же, тогда, конечно, слѣдовало бы Шумахеру немедленно предъявить конференціи этотъ отзывъ и оффиціально донести президенту. А какъ поступилъ онъ? Что онъ не предъявилъ его конференціи, такъ-какъ объ немъ вовсе не упоминается въ протоколахъ послѣдней, и не донесъ оффиціально президенту, такъ-какъ не сохранилось въ академическихъ архивахъ никакихъ слѣдовъ этого донесенія, что онъ, слѣдовательно, не провелъ этого отзыва законнымъ и оффиціальнымъ путемъ — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. А какъ-скоро ни того ни другаго не было сдѣлано, то мы не имѣемъ рѣшительно никакого основанія и права недовѣрять показаніямъ Ломоносова, утверждающаго прямо и положительно, что диссертаціи, при соучастіи Теплова, отосланы были Шумахеромъ злоумышленно, что Тепловъ, отношенія котораго къ Ломоносову легко и скоро могли измѣниться, *тайно* показалъ ему Эйлеровъ аттестатъ, что *когда Ломоносовъ вы-*

Digitized by Google

просилъ себѣ у Теплова этотъ аттестатъ, то тотчасъ прислана была отъ него цедулка съ требованіемъ возвратить его назадъ неукоснительно и никому, а особливо Шумахеру, непоказывать. Такія подробности не выдумываются, особенно по истеченіи столь продолжительнаго времени по смерти обвиняемаго лица. Извѣстное мѣсто въ письмѣ Ломоносова къ Теплову, отъ 28 января 1761 года, на которое указалъ издателю г. Вельтманъ[1], по нашему мнѣнію, служитъ прекраснымъ доказательствомъ правдивости и искренности показаній Ломоносова. Могъ ли онъ приводить на-память Теплову клевету своего собственнаго издѣлія, да еще въ письмѣ, которое все проникнуто самымъ искреннимъ чувствомъ?.. Вообще, для того чтобы ослабить довѣріе къ такимъ показаніямъ и утверждать доброжелательство Шумахера въ настоящемъ случаѣ, необходимы рѣшительныя и документальныя противопоказанія, и можно сказать съ полною увѣренностію, что такихъ противопоказаній и быть не можетъ.

Для такой цѣли во всякомъ случаѣ окажется совершенно несостоятельнымъ тотъ указъ академической конференціи, состоявшійся 25 февраля 1746 года, въ которомъ заключается весьма благопріятный отзывъ о заслугахъ Ломоносова. Хотя этотъ указъ съ своей точки зрѣнія мы понимаемъ нѣсколько иначе, чѣмъ издатель Матеріаловъ, приведенный имъ въ немалое смущеніе и, для объясненія его, заподозрившій справедливость показаній Ломоносова относительно недоброжелательства къ нему Шумахера, выразившагося, между прочимъ, въ отсылкѣ диссертацій къ Эйлеру: тѣмъ не менѣе онъ представляетъ самъ по себѣ весьма

[1] Вспомните, съ другой стороны, всѣ его споры съ Шумахеромъ, пишетъ Ломоносовъ, между тѣмъ письмо о моемъ уничтоженіи къ Эйлеру, и отвѣтъ, что вы мнѣ сообщили. Матер. стр. 502.

Digitized by Google

замѣчательное и интересное явленіе, какъ вышедшій изъ канцеляріи, находившейся въ полномъ распоряженіи того-же Шумахера. Считаемъ необходимымъ привести здѣсь этотъ любопытный документъ. «Понеже хотя онъ Ломоносовъ въ Францію, Англію и Голландію не ѣздилъ, однако въ оной нѣмецкой землѣ будучи чрезъ немалое бытіе такое отмѣнное искуство получилъ, что не только отъ А. Н. въ адъюнкты, но по имянному ея И. В-а прошлаго 1745 году указу профессоромъ химіи всемилостивѣйше пожалованъ, за такіе реченнаго Л-ва предъ прочими товарищи ево ревностныя труды и особливую ево предъ ними къ пользѣ государственной дѣйствительно полученную науку и за разные въ бытность здѣсь въ Россіи къ пользѣ и чести академіи оказанные услуги, означенную, въ бытность ево въ Марбургѣ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ для наукъ въ разные годы происшедшую недодачу 380 руб. $10^1/_2$ коп. выдать изъ книжной лавки достальныя, что надлежитъ, книгами жъ» (Матер. стр. 80).

Указъ этотъ вызванъ былъ прошеніемъ Ломоносова, отъ 15 февраля того-же года, о выдачѣ ему недоданныхъ денегъ изъ общей суммы, Высочайше назначенной для заграничной его командировки. Весьма интересно сравненіе разсчетовъ этой недодачи въ прошеніи Ломоносова, въ канцелярской справкѣ и въ приведенномъ указѣ. Ломоносовъ ведетъ разсчетъ съ 15 мая 1736 года[1] по 1 января 1742 г. (т. е. до утвержденія въ адъюнк-

[1] Т. е. со времени отъѣзда изъ Россіи, по словамъ Ломоносова, хотя онъ отправился 8 сентября. Собственно разсчетъ, кажется, слѣдовало вести *съ 7 марта*, т. е. со дня состоявшагося Высочайшаго утвержденія объ отправленіи его за границу. См. Сб. *Кун.*, стр. 106; указъ объ этомъ Верховнаго кабинета, отъ 13 марта, тамъ-же, стр. 103.

Digitized by Google

ты; собственно 8 янв.). За все это время, по его разсчету, *считая по 400 руб. въ годъ*, какъ и было Высочайше утверждено, приходилось 2185 р. 20½ к. Получилъ же онъ въ разные сроки 1894 р. 81 к.; оставалось получить 290 р. 39½ коп. По канцелярской справкѣ онъ получилъ всего 1870 р. 80 к.; а за все время, считая съ 4 іюня по 1 января 1742 г. по 300 руб. въ годъ, слѣдовало получить 1671 р. 66⅔ к., такъ-что Ломоносовъ забралъ лишку 199 р. 14⅓ к. Въ приведенномъ же указѣ академическая канцелярія, въ отвѣтъ на прошеніе Ломоносова, насчитываетъ недоданныхъ ему денегъ 388 р. 10 к., изъ которыхъ забрано имъ изъ книжной лавки книгами, потребными къ его наукѣ, до 300 руб., а потому разрѣшаетъ доплатить ему книгами же остальные 80 — 90 рублей. Различіе въ первыхъ двухъ разсчетахъ произошло, очевидно, отъ различія принятаго тѣмъ и другимъ годоваго оклада (первымъ 400 р., а вторымъ 300); различіе же въ недоданной суммѣ (на 97 руб. 70½ к.), по счету Ломоносова и по указу, произошло, по всей вѣроятности, отъ различія сроковъ, съ которыхъ производился тотъ и другой разсчетъ[1]. Такимъ образомъ оказывается, что и Ломоносовымъ и академическимъ начальствомъ, т. е. Шумахеромъ, въ основаніе разсчета принятъ одинъ и тотъ-же годовой окладъ, т. е. въ 400 рублей. Нельзя было оказать больше любезности и снисходительности. Сдѣлано было все, о чемъ просилъ Ломоносовъ, даже больше: поправлена ошибка въ срокѣ.

Между тѣмъ, принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства, относящіяся къ поѣздкѣ за границу Ломоносова, канцеля-

[1] Упомянутая разность на 90 р. 70 к., которою превышается разсчетъ указа сравнительно съ разсчетомъ Ломоносова, составляетъ почти трех-мѣсячное жалованье изъ 400-рублеваго оклада, а потому можно полагать, что въ указѣ счетъ принятъ отъ 7 марта.

Digitized by Google

рія имѣла полное и законное право повести разсчетъ совсѣмъ иначе. Почему, напр., веденъ разсчетъ по годовому окладу въ 400 руб.? При отъѣздѣ молодыхъ людей за границу, состоялось опредѣленіе, утвержденное президентомъ, выдавать въ годъ каждому студенту по 300 р., оставляя въ кассѣ остальные 100 р. на поѣздки, послѣ обученія, по Англіи, Голландіи и Франціи. Ломоносовъ, какъ извѣстно, вовсе не былъ въ означенныхъ странахъ, для которыхъ только и назначено сбереженіе во 100 руб., самовольно уѣхалъ изъ Фрейберга и далеко прежде назначеннаго срока явился въ С.-Петербургъ (8 іюня 1741 г.), а потому академія имѣла полное право считать его жалованье только по день выѣзда изъ Фрейберга, т. е. по 17 или 18 мая. Она этого не сдѣлала. Еще снисходительнѣе разсчетъ въ 400 руб. на время пребыванія ихъ во Фрейбергѣ. Марбургскія проділки недешево обошлись академіи, заплачено было не мало долговъ, а потому принята была, утвержденная также президентомъ, мѣра, имѣющая свое оправданіе въ дисциплинарномъ отношеніи, уменьшившая ихъ прежній годовой окладъ (300 р.) на половину: академія имѣла также полное право ввести въ свой разсчетъ этотъ уменьшенный окладъ за всѣ десять мѣсяцевъ пребыванія Ломоносова во Фрейбергѣ. Она и этого не сдѣлала. Наконецъ, еще страннѣе то обстоятельство, что академія сохранила 400-рублевый окладъ Ломоносову не только на цѣлый годъ его самовольнаго блужданія по Германія и столь-же самовольнаго пребыванія въ Марбургѣ, послѣ отъѣзда изъ Фрейберга, но и по возвращенія его въ С.-Петербургъ, до опредѣленія въ адъюнкты, слѣдовательно въ продолженіе семи мѣсяцевъ; такъ-что Ломоносовъ, какъ самовольно возвратившійся изъ-за границы студентъ, получалъ большій окладъ жалованья, чѣмъ какъ адъюнктъ академіи, окладъ котораго 360 р.

Digitized by Google

А марбургскіе долги? Весьма замѣчательно, что въ изданныхъ теперь оффиціальныхъ документахъ не сохранилось указаній на какія бы то ни было неблагопріятныя послѣдствія долговъ Ломоносова. Общая цифра долговъ, по донесенію Вольфа къ президенту и Шумахеру отъ 2 января 1739 г., восходила до 1371 талера, и на долю Ломоносова приходилось 437 талеровъ; 20 марта уже отправлено было на уплату этихъ долговъ 1400 р., вмѣстѣ съ выговоромъ студентамъ. Между тѣмъ уже въ письмѣ Вольфа, отъ 22 апрѣля, общая сумма долговъ восходитъ до 1619 тал., и на долю Ломоносова приходится 593 тал., хотя и этотъ счетъ, полагаетъ Вольфъ, далеко неполный. Наконецъ, въ письмѣ отъ 21 іюля, общая цифра *1936 тал., на долю Ломоносова 613 тал.* Уплата этихъ долговъ, послѣ сдѣланныхъ кредиторами уступокъ, обошлась въ *1795 т. 22 кр.* (Сб. *Кун.*, 133—155), на долю Ломоносова пришлось 567 т. 61 кр. (Матер., стр. 3).

Вообще, если принять во вниманіе всѣ приведенныя обстоятельства, нельзя несогласиться, что академія имѣла полное право не только дать отрицательный отвѣтъ на прошеніе Ломоносова, но и подвергнуть его, хотя и поздно, вычету, на который и указывалось въ канцелярской справкѣ. И однако она вполнѣ удовлетворила это прошеніе. Можно вполнѣ согласиться съ тѣмъ, что всѣ профессоры (за исключеніемъ Гольдбаха, подавшаго отдѣльное мнѣніе о необходимости представить о марбургскихъ безпорядкахъ императрицѣ), и съ ними Шумахеръ, съ благородною снисходительностію посмотрѣли на естественныя увлеченія юности въ первый разъ выпущенныхъ на волю молодыхъ людей, зная хорошо вообще безпорядочную тогдашнюю жизнь нѣмецкихъ студентовъ, можно согласиться, что поведеніе и долги студентовъ были прикрыты этою снисходительностью и не имѣли вреднаго вліянія на ихъ послѣдующую судьбу: но нельзя, кажется, не чувствовать за-

Digitized by Google

трудненія въ объясненіи той-же снисходительности къ прошенію Ломоносова, содержаніе котораго, какъ показано выше, нельзя назвать справедливымъ, и которое притомъ подано, спустя почти пять лѣтъ по возвращеніи его изъ-за границы. Затрудненіе увеличится, если припомнить, съ какою разсчетливостію, иногда придирчивостію, поступала, въ отношеніи къ Ломоносову, канцелярія въ другихъ случаяхъ, хотя-бы, напр., въ дѣлѣ по устройству лабораторіи.

Не должно ли объяснять всю эту обязательность и снисходительность указа 25 февраля запутанностью въ счетахъ, неправильностью расходованія суммы студентовъ, если не злоупотребленіями въ этомъ расходованіи. Нѣтъ ничего удивительнаго въ такомъ предположеніи, если принять во вниманіе полновластіе Шумахера въ канцеляріи, ревниво охраняемое имъ отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а слѣдовательно и весьма понятную безотчетность въ распоряженіяхъ. Что слѣдствіемъ этого полновластія были дѣйствительно важныя злоупотребленія Шумахера въ расходованіи академической суммы—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, если допустить хотя малую долю относящихся сюда обвиненій Ломоносова въ-послѣдствіи. А что злоупотребленія этого рода были въ полномъ разгарѣ во время пребыванія студентовъ за границей, служитъ, между прочимъ, краснорѣчивымъ доказательствомъ извѣстное намъ «доношеніе» Нартова и компаніи. Какую небрежность въ денежныхъ дѣлахъ допускалъ Шумахеръ, можно видѣть изъ показаній въ донесеніи Нартова о веденіи расходныхъ книгъ; небрежность эта подвергала даже явной опасности лица, непосредственно завѣдывавшія этими книгами. Онъ требовалъ денегъ у послѣднихъ по словеснымъ приказаніямъ, или по бумажкамъ, *принуждая расходчиковъ съ угрозами.* «И расходчики, сказано въ доношеніи, необходимо для себя принуждены

Digitized by Google

по тѣмъ бумажкамъ, запискамъ и роспискамъ, домогаться, чтобъ только къ собранію той издержанной суммы для счету указовъ къ закрѣпѣ написать, а закрѣпить уже за непорядкомъ того года не успѣвали. Изъ тѣхъ расходчиковъ, яко человѣкъ, чрезъ годичное время что-либо забудетъ, а когда бумажку, или записку, какимъ случаемъ утратитъ, и отъ такихъ необстоятельствъ принуждены быть и они не въ состояніи и впасть въ великой недочетъ, изъ которыхъ коммисаръ Верещагинъ за то въ солдаты написанъ, а расходчикъ Петръ Соколовъ. отъ мнѣнія скоропостижною смертію умре. Хотяжъ тѣ указы чрезъ годъ и куплены бывали, однако не въ то время, въ которомъ выдача произведена, но послѣ, и въ журналъ записываны послѣдними числами. И такъ журналы и книги ихъ расходные въ академіи безъ всякаго порядка находятся» (Чтен. общ. и т. д. 1865 г. кн. 1, стр. 41). Доношеніе обвиняетъ Шумахера въ неправильныхъ расходахъ и недоимкахъ по академіи и по книжной лавкѣ, въ неоконченныхъ счетахъ, всего на очень значительную для того времени сумму въ 27179 рублей. Нѣтъ сомнѣнія, что эти показанія, говоря вообще, вѣрны, и видѣть въ нихъ одну клевету никакъ нельзя, потому что эта клевета немедленно же могла быть обличена и повлечь за собою тяжкое наказаніе доносителей. Отдѣльныхъ случаевъ злоупотребленій и крайней небрежности въ веденіи дѣлъ Шумахеромъ можно бы было привести не мало изъ изданныхъ теперь Матеріаловъ. Если же такъ шли денежныя дѣла вообще, то само собою разумѣется, что расходованіе студентской суммы не составляло въ этомъ отношеніи исключенія. Неправильность расходованія, какъ видно, началась немедленно при полученіи перваго годоваго назначенія въ іюнѣ (1200 р.), отъ чего весьма естественно могло произойдти замедленіе въ отправленіи за границу студентовъ. Отъ чего въ самомъ дѣлѣ студенты выѣхали

Digitized by Google

изъ С.-Петербурга только 8 сентября, въ самое опасное время для морскаго пути, когда вся сумма на цѣлый годъ сполна была получена еще въ іюнѣ? При всей неохотѣ основывать подобныя обвиненія на показаніяхъ Ломоносова, соображая общій ходъ академической администраціи, мы должны привести относящееся сюда мѣсто изъ его исторіи академической канцеляріи: «19 марта объявлено студентамъ Ломоносову и Виноградову, что они отправляются по именному указу въ Германію для обученія натуральной исторіи. И съ того времени взяты на отпускъ опредѣленные изъ статсъ-конторы на содержаніе ихъ съ третьимъ тысячу двести рублей на годъ, кои тогда же и употреблены на другія академическія нужды, за недостаткомъ денегъ въ академіи. А отправляющіеся вышеписанные студенты и съ ними Густавъ Рейзеръ, бывшаго тогда бергъ-коллегіи совѣтника Рейзера сынъ, принуждены были ожидать своего отправленія до осени, въ коемъ пути будучи четыре недѣли на морѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ едва не потонули» (Матер., стр. 053). Жалобы на несвоевременную высылку денегъ продолжались постоянно, и Ломоносовъ, нисколько не задумываясь, въ своемъ прошеніи въ канцелярію, указываетъ на эту несвоевременность, какъ на фактъ, хорошо ей извѣстный: «Опредѣленные триста рублевъ въ годъ на мое содержаніе въ Германіи не могли быть довольны, пишетъ онъ, для того что, за позною пересылкою денегъ изъ канцеляріи А. Н., принужденъ я былъ по большой части жить въ долгъ и такъ за вещи до моего ученія и содержанія потребныя платить много больше, нежели когдабъ я оныя покупалъ за наличныя деньги, отъ чего имѣю и по нынѣ въ Германіи незаплаченныя долги» (Матер., стр. 79). Еще замѣчательнѣе то, привидимое Ломоносовымъ, обстоятельство, что академія продолжала получать всю сумму сполна не только по возвращеніи Ломоносова въ С.-Пе-

Digitized by Google

тербургъ, но и послѣ опредѣленія его адъюнктомъ, со штатнымъ окладомъ въ 360 рублей. «Примѣчанія и смѣху достойно, говоритъ онъ, что когда Ломоносовъ уже давно въ отечество возвратился и былъ по штату въ академіи адъюнктомъ физическаго класса на жалованьѣ академическомъ по 360 рублевъ, академическая канцелярія на всякій годъ требовала и получала изъ статсъ-конторы на содержаніе его по четыреста рублевъ напередъ, и было яко бы два Ломоносовыхъ, одинъ въ Россіи, другой въ Германіи» (Матер., стр. 056). Невѣрить этому показанію, доводимому до свѣдѣнія президента, нельзя, какъ такому, которое могло бы быть тотчасъ-же опровергнуто оффиціальными документами.

Всѣ эти обстоятельства, общія и частныя, по нашему убѣжденію, весьма знаменательны, для объясненія интереснаго указа академической канцеляріи отъ 25 февраля, составляющаго едва-ли не исключительное явленіе въ отношеніи къ Ломоносову. Дѣйствительно, весьма серьезная опасность и весьма непріятныя послѣдствія, угрожавшія Шумахеру, въ-слѣдствіе не труднаго раскрытія безпорядочности въ расходованіи студентской суммы, могли быть сами по себѣ совершенно достаточнымъ для него побужденіемъ немедленно, безпрекословно и вполнѣ удовлетворить запоздалому и во всякомъ случаѣ едва-ли законному требованію Ломоносова. Послѣднее могло быть и вызвано полною увѣренностію въ удовлетвореніи. Но такъ-какъ это удовлетвореніе явно обнаруживаетъ особенную снисходительность со стороны канцеляріи, то въ оффиціальномъ смыслѣ эту снисходительность должно было основать на особенно сильныхъ побужденіяхъ, и такими побужденіями естественно должны были явиться успѣхи Ломоносова въ наукахъ, его ученыя заслуги. Эти ученыя заслуги весьма опредѣлительно и выражены въ указѣ.

Предлагая свои соображенія о значеніи февральскаго указа

Digitized by Google

академической канцеляріи, считаемъ лишнимъ доказывать, что они не что иное, какъ опытъ объясненія этого указа. Для того, чтобы этому опыту сдѣлаться историческимъ фактомъ, потребуется еще не мало оффиціальныхъ документовъ, относящихся вообще къ исторіи академической канцеляріи. Мы хотѣли только сказать, что, безъ важныхъ и положительныхъ доказательствъ, на этотъ указъ нельзя смотрѣть такъ, какъ посмотрѣлъ на него издатель Матеріаловъ. Нельзя при этомъ не пожалѣть, что и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, замѣтна поспѣшность и недостатокъ вниманія къ издаваемымъ матеріаламъ, отъ чего происходятъ ихъ отрывочность и недостатокъ документальной обстановки въ отдѣльныхъ случаяхъ. Такъ, напр. при сообщеніи извѣстій о долгахъ Ломоносова и приведеніи общихъ и частныхъ ихъ итоговъ, какъ бы, кажется, не удѣлить нѣсколько строкъ на извѣстіе о дальнѣйшемъ расходованіи студентской суммы на остальныхъ двоихъ студентовъ, уже послѣ отдѣленія отъ нихъ Ломоносова, какъ бы не привести общаго итога расходовъ на нихъ. Эти свѣдѣнія, которыя заняли бы не много мѣста, весьма важны для общихъ выводовъ объ академическихъ порядкахъ въ этомъ отношеніи.

Другое интересное обстоятельство, относящееся къ производству Ломоносова въ профессоры, есть протестъ Делиля. Протестъ этотъ тѣмъ замѣчательнѣе, что въ дѣлѣ объ извѣстныхъ читателю апрѣльскихъ продерзостяхъ Ломоносова Делиль былъ единственнымъ членомъ конференціи, неподписавшимъ достопамятное доношеніе въ коммиссію (Матер. стр. 37). Отношенія, конечно, могли измѣниться съ тѣхъ поръ. По тому отрывочному извѣстію объ этомъ протестѣ, какое находится въ Матеріалахъ, никакъ нельзя достаточно уяснить себѣ его значеніе, и должно только пожалѣть, если въ академическихъ архивахъ сохранились какія-либо свѣденія объ этомъ обстоятельствѣ, не вошедшія въ Обор-

Digitized by Google

никъ матеріаловъ. Понять этотъ протестъ можно только при достаточномъ знаніи личнаго характера Делиля и при точномъ опредѣленіи взаимныхъ отношеній между нимъ и Шумахеромъ во время самаго производства Ломоносова въ профессоры.

И такъ, Ломоносовъ — профессоръ химіи, самостоятельный членъ профессорской конференціи, съ вліяніемъ на академическія дѣла, на-сколько они касались конференціи. Вмѣстѣ съ Тредьяковскимъ, 12 августа, Ломоносовъ введенъ былъ въ профессорское собраніе, при чемъ первый произнесъ рѣчь о краснорѣчіи, на которую отвѣчалъ Вейтбрехтъ. То были первые русскіе академики, первые русскіе профессоры въ собственномъ смыслѣ этого слова, вооруженные европейскою наукой, каждый по своей спеціальности.

Не касаясь здѣсь оцѣнки относительныхъ ихъ достоинствъ, мы замѣтимъ только, что производство ихъ въ это званіе далеко не одинаково: Ломоносовъ получилъ профессуру законнымъ коллегіальнымъ путемъ, съ единодушнымъ признаніемъ его ученыхъ заслугъ, дававшихъ ему несомнѣнное право на это званіе. Если и было постороннее вліяніе на это признаніе, то, съ одной стороны, оно не исходило отъ Ломоносова, а съ другой — могло только ускорить признаніе, замедляемое также сторонними побужденіями. По отношенію къ Ломоносову, можно съ увѣренностію утверждать, что не было и не могло быть никакого сомнѣнія и колебанія въ признаніи его дѣйствительныхъ правъ на профессуру. Другое дѣло — Тредьяковскій. Профессорская коллегія и не входила въ сужденіе о его производствѣ; производство совершилось помимо коллегіи, сверху, путемъ необычнымъ. Должно полагать, что Тредьяковскій и рѣшился выступить на этотъ путь, потерявши всякую надежду на производство коллегіальнымъ порядкомъ.

Въ-слѣдъ за-тѣмъ начинается энергическая дѣятельность Ло-

Digitized by Google

моносова въ академіи — ученая, учебная и административная. Сначала она ограничивалась одною профессорскою конференціей, а потомъ, мало-по-малу, распространялась на канцелярію, университетъ и гимназію, существовавшіе при академіи. Не имѣя въ виду въ настоящемъ случаѣ полнаго обозрѣнія всей многосторонней дѣятельности Ломоносова, я намѣренъ обратить вниманіе главнымъ образомъ на заботы его о регламентаціи академіи наукъ и состоявшихъ при ней институтовъ и указать на его отношенія къ заправлявшей тогда академическими дѣлами нѣмецкой партіи.

Первымъ его дѣломъ было, разумѣется, возобновить прежнія, постоянно неудававшіяся, попытки устроить химическую лабораторію. Вообще чтеніе относящихся сюда документовъ производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе. Сколько нужно было усилій, хлопотъ, сколько нужно было преодолѣть препятствій и интригъ для устройства, сто лѣтъ тому назадъ, при академіи наукъ такого учрежденія, безъ котораго немыслимы серьезныя занятія химіей! Впечатлѣніе тѣмъ непріятнѣе, что здѣсь идетъ дѣло не о какихъ-нибудь служебныхъ преимуществахъ, не о матеріальныхъ или личныхъ выгодахъ, а исключительно объ интересахъ науки. Подъ такимъ впечатлѣніемъ, невольно вѣрится словамъ Ломоносова, что «Шумахеръ дѣлалъ все для удержанія и укрѣпленія своего самовластія; о приращеніи наукъ и чтеніи лекцій не имѣя ни малаго попеченія, что ему было опасно происхожденіе въ наукахъ и произвожденіе въ профессоры природныхъ россіянъ, отъ которыхъ онъ уменьшенія своей силы больше опасался; того ради ученіе и содержаніе россійскихъ студентовъ было въ такой небрежности, по которому ясно оказывалось, что не было у него намѣренія ихъ допустить къ совершенству ученія» (стр. 443). Вѣра же въ эти слова раскрываетъ всю безотрадность и безнадежность тогдашняго состоянія академіи наукъ; эта

Digitized by Google

вѣра убѣждаетъ, что дѣйствительно не было тогда *Божьяго благоволенія* къ этому насажденію Петра В. Недостатокъ въ деньгахъ, въ настоящемъ случаѣ, никакъ не можетъ служить оправданіемъ. Даже при полной невозможности какого бы то ни было сбереженія, необходимо ходатайствованіе особой суммы для этой цѣли. Между тѣмъ, на прошеніе Ломоносова объ устройствѣ химической лабораторіи, поданное въ іюнѣ 1743 г., положена слѣдующая краткая резолюція: «адъюнкту Ломоносову *отказать*, потому что, за неимѣніемъ при академіи денегъ и за неподтвержденіемъ штата, по сему ево доношенію ничего сдѣлать неможно» (45). Въ третій разъ Ломоносовъ вошелъ въ академію съ прошеніемъ объ устройствѣ лабораторіи еще въ апрѣлѣ 1745 г., но до конца сентября не видно никакого движенія по этому дѣлу. Наконецъ, по запросу Ломоносова, какъ члена профессорской конференціи, канцелярія, по видимому, весьма не охотно принимается за него. Представленные имъ проектъ и планъ поручено разсмотрѣть Винсгейму и обсудить въ конференціи. Интересно мнѣніе Винсгейма (2 ноября): замѣтивъ, что просьба Ломоносова писана еще въ мартѣ, онъ говоритъ, что не могъ представить ее на разсмотрѣніе конференціи, «для того что г. профессоръ давно уже о томъ предложилъ профессорскому собранію, и *о томъ учинена уже резолюція*» (Матер. 73). Тѣмъ не менѣе, въ декабрѣ, канцелярія вошла, наконецъ, въ сенатъ съ доношеніемъ объ устройствѣ лабораторіи. Дѣло все-таки тянулось весьма медленно. Только 29 іюля 1748 года состоялись торги на постройку лабораторіи за 1344 руб.; въ половинѣ октября лабораторія была готова. По всему видно, что канцелярія совершенно равнодушно, если не враждебно, относилась къ этому дѣлу, и только самыя настойчивыя и непрерывныя усилія Ломоносова могли привести его къ доброму концу. Если таковъ былъ кан-

Digitized by Google

целярскій взглядъ на дѣло столь безусловной и наглядной необходимости, то что же сказать объ охраненіи канцеляріей ученыхъ интересовъ вообще, а особенно когда для того требовались денежныя издержки? Факты этого рода важны не только сами по себѣ, но и потому, что они своею совокупностью подтверждаютъ правдивость многократныхъ обличеній академическихъ безпорядковъ и злоупотребленій, которыя Ломоносовъ не переставалъ смѣло предъявлять до конца своей жизни.

Въ то-же время, когда поднято было дѣло о лабораторіи, присланъ былъ изъ сената указъ, которымъ, между прочимъ, предписывалось Ломоносову «на русскомъ діалектѣ читать лекціи». Изъ документовъ вовсе не видно, что̀ вызвало этотъ замѣчательный указъ сената; равнымъ образомъ не видно, чтобы послѣдовало со стороны канцеляріи немедленное распоряженіе. Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о публичныхъ лекціяхъ по физикѣ, которыя Ломоносовъ читалъ лѣтомъ слѣдующаго года. Это былъ первый опытъ у насъ публичныхъ лекцій на русскомъ языкѣ, такъ-что отъ Ломоносова мы должны вести начало и популярнаго, общедоступнаго, изложенія науки въ формѣ публичныхъ лекцій. Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что до этого опыта читались въ академіи наукъ публичныя лекціи не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ. Не встрѣтило ли какого-нибудь затрудненія предварительное предложеніе этого опыта въ академіи наукъ?... Во всякомъ случаѣ весьма интересенъ этотъ неожиданный и непонятный изъ оффиціальныхъ документовъ приказъ сената читать Ломоносову лекціи. Очевидно, не возможно допустить въ этомъ случаѣ иниціативы сената [1]. Съ октября

[1] А что не было въ этомъ дѣлѣ и академической иниціативы, доказывается тѣмъ, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ ея въ оффиціальныхъ академическихъ бумагахъ.

Digitized by Google

до конца марта слѣдующаго года, ничего не слышно объ этихъ лекціяхъ, можетъ быть и потому, что зимнее время находили не совсѣмъ для того удобнымъ. 21 марта Ломоносовъ проситъ для своихъ лекцій физическихъ инструментовъ, находившихся въ завѣдываніи Рихмана. Въ томъ-же засѣданіи состоялось опредѣленіе профессорской конференціи *просить Рихмана, чтобы онъ одновременно съ Ломоносовымъ открылъ также курсъ публичныхъ лекцій по экспериментальной физикѣ на латинскомъ языкѣ*, на что и согласился Рихманъ, избравши для того механику. Въ іюнѣ, по желанію президента, отложено чтеніе лекцій до его возвращенія въ С.-Петербургъ, при чемъ назначены часы лекцій (по пятницамъ отъ 3 — 5) и разосланы составленныя Ломоносовымъ программы и приглашенія ко двору, въ кадетскій корпусъ и въ присутственныя мѣста. 1-го іюля Ломоносовъ заявляетъ конференціи, что онъ откладываетъ чтеніе лекцій до пріѣзда президента — и за-тѣмъ въ Матеріалахъ вовсе не упоминается объ этихъ лекціяхъ, хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что онѣ были, особенно когда ими такъ интересовался самъ президентъ [1].

Въ это-же время начинается весьма энергическая дѣятельность Ломоносова, обращенная на устройство находившихся при академіи наукъ гимназіи и университета. Оба эти института вовсе не выполняли своего назначенія и находились въ жалкомъ положеніи и крайнемъ запущеніи. Воспитанниковъ почти не было, лекцій также, и вообще академики-нѣмцы съ большою небрежностью относились къ учебнымъ занятіямъ. Было всего до этого времени только два набора воспитанниковъ: въ 1733 году, когда выбраны были 12 учениковъ изъ московской спасской школы и

[1] Неизвѣстно, почему г. Билярскій полагаетъ, что лекціи состоялись, въ томъ-же 1746 г. 20 іюня; съ этимъ мнѣніемъ несовсѣмъ согласно заявленіе Ломоносова отъ 1 іюля.

Digitized by Google

лучшіе отправлены въ камчатскую экспедицію (изъ нихъ вышелъ только Крашенинниковъ, «прочіе стали негодными, будучи безъ всякаго призрѣнія»), и въ 1736 году, когда выбрано тоже 12 учениковъ и тоже изъ московской спасской школы; изъ нихъ Ломоносовъ и Виноградовъ отправлены за границу [1]. Лучшаго состоянія отъ этихъ институтовъ и ждать было нельзя, при томъ взглядѣ, какой господствовалъ между нѣмцами на учебныя занятія. О Миллерѣ Ломоносовъ положительно утверждаетъ, что онъ 30 лѣтъ не читалъ лекцій (Матер., стр. 490, 499). Интересны условія, какія предложилъ въ 1753 году Эпинусъ для чтенія лекцій [2]. Объ этихъ

[1] «Оставшіеся принуждены были не малое время терпѣть крайнюю нужду и не имѣть долгое время въ наукахъ наставленія. За тѣмъ просили въ правительствующемъ сенатѣ, и библіотекарю Шумахеру учиненъ былъ сильной выговоръ. Послѣ того лекціи начались студентамъ и деньги кормовые въ маломъ числѣ выдавались. По окончаніи лекцій, нѣкоторые опредѣлены въ переводчики, прочіе остались студентами, и по большей части безъ призрѣнія и добраго смотрѣнія, будучи въ уничтоженіи, отъ унынія и отчаянія пустились въ подлость и тѣмъ потеряны». (Матер., стр. 438).

[2] Понеже я по своему званію дѣлать того необязанъ, ибо по академическому регламенту университетъ долженъ имѣть особливаго профессора физики, да и за сей трудъ не получаю жалованья, то думаю, что за принятіе на себя сего труда дозволены будутъ мнѣ слѣдующія кондиціи: 1) чтобъ упражняться мнѣ въ семъ трудѣ до тѣхъ поръ, пока я похочу и всегдабъ вольно было мнѣ отказаться отъ онаго, когда я пожелаю; чтобъ труды, собственно до академіи принадлежащія, къ которымъ я обязанъ, дозволено было, яко важнѣйшіе и мнѣ пріятнѣйшіе, предпочитать всегда онымъ упражненіямъ; равномѣрно былобъ невозбранно стараться мнѣ при томъ и о слабомъ своемъ здоровьѣ; 2) дать мнѣ такихъ студентовъ, о которыхъ заподлинно извѣстно, что мой трудъ, при наставленіи ихъ, не тщетенъ будетъ; 3) дано бъ было мнѣ на волю назначить

Digitized by Google

условіяхъ Ломоносовъ въ-послѣдствіи выразился такъ: «довольно извѣстно, какія отговорки подалъ письменно профессоръ Эпинусъ, чтобы не читать физическихъ экспериментальныхъ лекцій студентамъ. Я о томъ представлялъ; однако ему упущено: нынѣжъ въ кадетскомъ корпусѣ за то принялся. Называлъ тогда скучною работою читать студентамъ физическія лекціи, какъ видно по наущенію, чтобы университету здѣлать въ исправленіи препятствіе. А нынѣ не токмо воробья уморить антліею, но и реэстръ держать кадетскимъ въ классы приходамъ и выходамъ нескучно томужъ Эпинусу» (Матер., стр. 494). Пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ Враунъ, о которомъ Ломоносовъ всегда отзывается весьма сочувственно именно за его постоянное и добросовѣстное выполненіе учебныхъ обязанностей, и еще Гмелинъ, который, по словамъ Ломоносова, не смотря на запрещеніе Миллера, читалъ лекціи студентамъ, во время камчатской экспедиціи (Матер., стр. 060). Въ такомъ взглядѣ на университетъ и соотвѣтственномъ ему образѣ дѣйствій академиковъ Ломоносовъ, съ своей точки зрѣнія, естественно видѣлъ прямое противодѣйствіе «наставленію, содержанію и произведенію учащихся россіянъ», намѣреніе держать въ постоянной опекѣ и эксплуатировать россійскую академію. «Шумахеръ вѣдалъ, гово-

способное къ симъ лекціямъ время; и напослѣдокъ 4) чтобъ студенты ходили ко мнѣ на домъ, ибо невозможно отъ меня требовать, чтобъ я для весьма непріятнаго мнѣ труда тратилъ деньги, чтобъ я держалъ для того одного лошадей и коляску, или бъ въ ненастливую погоду ходилъ въ аудиторію. Ежели сіи кондиціи заблаго приняты будутъ, то я готовъ принять на себя помянутыя лекціи; въ противномъ же случаѣ представлено бъ было о семъ его высокографскому сіятельству господину президенту, и объявлена бъ была мнѣ послѣ резолюція на то его сіятельства (Матер., стр. 388—389).

Digitized by Google

ритъ Ломоносовъ, что профессоры, читая россійскимъ молодымъ людямъ лекціи, а особливо дѣтямъ людей знатныхъ, придти могутъ въ знакомство въ господскихъ домахъ, а чрезъ то сыщутъ себѣ патроновъ, которымъ они состояніе свое и академическое показать могутъ; того ради чтеніе надлежащихъ лекцій весьма началось позно, было рѣдко, и краткое время безъ окончанія продолжалось» (Матер., стр. 443). Когда въ 1758 году разсматривали въ академіи сочиненные Ломоносовымъ регламенты для университета и гимназіи, Таубертъ, зять Шумахера, вполнѣ раздѣлявшій его убѣжденія, «твердилъ и другимъ внушалъ: «куда де столько студентовъ и гимназистовъ? Куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ» (080). Извѣстно пламенное желаніе Ломоносова видѣть академію, «изъ россійскихъ сыновъ состоящую»: въ правильномъ и согласномъ съ назначеніемъ устройствѣ университета и гимназіи онъ естественно долженъ былъ видѣть единственное и вѣрное средство для достиженія цѣли, единственное спасеніе. А потому совершенно понятна та упорная и горячая дѣятельность, какую обнаруживалъ Ломоносовъ для устройства обоихъ учебныхъ заведеній, какъ скоро добился того, что они поручены были его управленію.

Еще въ мартѣ 1746 г., слѣдовательно спустя полгода послѣ опредѣленія его профессоромъ, онъ письменно предложилъ конференціи испросить чрезъ сенатъ большее число воспитанниковъ изъ невской и новгородской семинарій. Предложеніе это онъ повторилъ въ засѣданіи 28 апрѣля, присоединивъ сюда и гимназію. Конференція опредѣлила истребовать изъ канцеляріи планъ устройства академической семинаріи, составленный еще въ президентство барона Корфа. Дѣло о высылкѣ семинаристовъ въ академію, по видимому, шло очень медленно, потому что только чрезъ два года упоминается объ экзаменѣ присланныхъ изъ Мо-

Digitized by Google

сквы и Новгорода 19 студентовъ (изъ которыхъ 17 оказали въ гуманіорахъ и школьной философіи успѣхъ достаточный для посѣщенія академическихъ лекцій) и 6 изъ невской семинаріи (Матер., стр. 100). Всего вѣроятнѣе, что на предложеніе Ломоносова 1746 года вовсе не было обращено вниманія, и распоряженіе канцеляріи о высылкѣ семинаристовъ, состоявшееся только спустя два года (9 февр. 1748 г.), сдѣлано было *въ исполненіе 37 пункта новаго академическаго устава* [1] (утвержд. 24 іюля 1747 г.). Самъ Ломоносовъ, въ исторіи академической канцеляріи, прямо говоритъ, что *для исполненія хотя на время по стату* истребованы изъ синодальныхъ семинарій изъ Москвы, Новгорода и невской около 30 человѣкъ школьниковъ за тѣмъ, что своихъ при академіи воспитанниковъ не было» (Матер. стр. 063).

Вообще должно сказать, что новый академическій уставъ 1747 года, составленный по убѣжденіямъ Шумахера и уполномочивавшій его на полнѣйшее самовластіе, долженъ былъ сильно задерживать порывы Ломоносова и связывать ему руки. Въ настоящемъ случаѣ, по уставу, число всѣхъ студентовъ академическаго университета ограничено 30-ю, а гимназистовъ 20-ю. Какъ смотрѣлъ Ломоносовъ на такой ограниченный штатъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: «Студентовъ положено 30 человѣкъ. Весьма мало, по великому жалованью Ея Величества. Въ нѣмецкой землѣ, въ столь многихъ университетахъ, многіе наполнены до 4 тысячъ. Самые малые до 80 студентовъ; и хо-

[1] «Надлежитъ выбрать изъ училищъ россійскихъ, гдѣ президентъ за лучше усмотритъ, тридцать учениковъ способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ, и оныхъ опредѣлить при академіи, давъ имъ жалованіе и квартиру такую, чтобы они всѣ могли быть въ одномъ домѣ». Полн. собр. зак. т. XII, стр. 735.

Digitized by Google

тя по большой части учатся на своемъ коштѣ, однако и въ самыхъ посредственныхъ содержатся на жалованьѣ больше нежели здѣсь». Такъ-же не удовлетворяется онъ и гимназическимъ штатомъ и приводитъ при этомъ весьма интересныя соображенія, справедливость которыхъ нельзя не признать[1]. Ясно, что онъ имѣлъ

[1] «Школьники въ гимназіи не по пропорціи студентовъ положены. Сочинитель не имѣлъ никакого понятія о человѣческомъ родѣ, незналъ: 1) что молодыхъ больше умираютъ нежели старыхъ, такъ что едва сороковой человѣкъ до тридцати лѣтъ доживаетъ, для чего школьниковъ много больше надобно, нежели студентовъ; 2) не разсудилъ того, что не всякой школьникъ въ студенты годенъ, по разности понятія и прилѣжанія; 3) хотя иной остроуменъ, да по разнымъ обстоятельствамъ далѣе произойдти не можетъ. По всему сему должно было положить больше школьниковъ, нежели студентовъ. Однако въ штатѣ положено студентовъ 30, школьниковъ 20 человѣкъ. Ежели сочинитель думалъ о безжалованныхъ школьникахъ; то долженъ былъ думать и о безжалованныхъ студентахъ, а жалованные должны имѣть всегда свою между собою пропорцію. Другія европейскія государства наполнены людьми учеными всякаго званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетахъ учиться, кто бы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился; а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды. Здѣсь въ россійскомъ государствѣ ученыхъ людей мало; дворянамъ, для безпорядку ранговъ, нѣтъ ободренія; въ подушный окладъ положеннымъ запрещено въ академіи учиться. Можетъ быть, сочинитель думалъ, что россійскому государству великая тягость, ежели оно сорокъ алтынъ въ годъ потеряетъ для полученія ученаго россіянина. Да пускай хотябы и сорока алтынъ жаль было, а не жалѣть бы 1800 рублей, чтобы иноземца выписать; однако чѣмъ тѣ виноваты, которыя, состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ? И для чего выключены всѣ глухо, не различивъ хорошихъ людей посадскихъ отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ»! (Матер., стр. 448).

Digitized by Google

въ виду университетъ въ большихъ размѣрахъ и еще въ большихъ—гимназію, что доказывается и составленнымъ имъ въ-послѣдствіи университетскимъ и гимназическимъ регламентами; между тѣмъ какъ канцелярія, или Шумахеръ, терпѣли оба учрежденія только потому, что не были въ состояніи исключить ихъ вовсе изъ академіи, такъ-какъ они входили въ основаніе проекта Петра Великаго. Дѣйствовать же прямо противъ только-что утвержденнаго устава и штата не было рѣшительно никакой возможности; и хотя послѣднею статьею этого устава предоставлено было президенту право, въ особенно важныхъ случаяхъ, дѣлать прибавленія или измѣненія, но эта статья, очевидно, составлена была для Шумахера, и Ломоносовъ разсчитывать на нее не могъ. Ему оставалось только дѣйствовать подъ-рукою, медленно и постепенно, располагая въ свою пользу людей и подготовляя средства.

Между тѣмъ тотъ-же новый уставъ возлагалъ на академію обязанность немедленно же озаботиться составленіемъ подробныхъ регламентовъ для академическихъ институтовъ, разумѣется, при точномъ руководствѣ основною мыслію устава. Академія наукъ не могла медлить выполненіемъ этого Высочайшаго повелѣнія. Дѣйствительно, по изданнымъ теперь документамъ, уже въ слѣдующемъ году замѣтна дѣятельность по составленію регламентовъ. Съ сентября 1748 года историческое собраніе занимается разсмотрѣніемъ университетскаго регламента. Регламентъ этотъ, по порученію академической канцеляріи, составленъ былъ Миллеромъ, ею исправленъ и въ этомъ видѣ переданъ на разсмотрѣніе историческаго собранія. 7 сентября опредѣлено сообщить его каждому члену на-домъ, для предварительнаго прочтенія, и къ первому, по мѣсту жительства, посланъ къ Ломоносову (Матер., стр. 113). Весьма интересно знать, какъ отнесся Ломоносовъ къ этой работѣ академіи и въ чемъ обнаружилась его дѣятельность?

Digitized by Google

Въ Сборникѣ матеріаловъ напечатаны только двѣ краткихъ записки его, изъ которыхъ одна (отъ 12 октября) на имя Тредьяковскаго (секретаря историческаго собранія). Необходимо привести ихъ вполнѣ. «Вы изволили мнѣ объявить словесно, пишетъ Ломоносовъ Тредьяковскому, что въ собраніи требуютъ отъ меня мнѣнія о университетскомъ регламентѣ. То оное кратко объявляю и думаю, что въ университетѣ неотмѣнно должно быть тремъ факультетамъ: юридическому, медицинскому и философскому (богословской оставляю синодальнымъ училищамъ), въ которыхъ бы производились въ магистры, лиценціаты и докторы; а ректору при немъ не быть особливому, но все то знать эфору или надзирателю, что въ взнесенномъ въ историческое собраніе регламентѣ на ректора положено; ибо ректоръ въ университетѣ бываетъ главный командиръ, а здѣсь онъ только будетъ имѣть одно имя. Не худо, чтобы университетъ и академія имѣли по примѣру иностранныхъ какія-нибудь вольности, а особливо чтобъ они свобождены были отъ полицейскихъ должностей» (Матер., стр. 115). Въ декабрѣ онъ сдѣлалъ слѣд. прибавленіе къ этому мнѣнію: «студентовъ раздѣлить на три класса: перваго класса студенты ходятъ на всѣ лекціи, чтобы имѣть понятіе о всѣхъ наукахъ, и чтобы всякъ могъ видѣть, къ какой кто наукѣ больше способенъ и охоту имѣетъ. Втораго класса студенты ходить должны на лекціи только того класса, въ которомъ ихъ наука. Третьяго класса студенты тѣ, которые опредѣлены уже къ одному профессору и упражняются въ одной наукѣ. Симъ послѣднимъ должно по моему мнѣнію опредѣлить рангъ армейскаго прапорщика; а производить ихъ въ временные переводчики въ порутчической рангъ, а изъ нихъ въ адъюнкты» (Стр. 119).

Вотъ и все, въ чемъ выразилось участіе Ломоносова по этому дѣлу. Онъ не посѣщалъ, по болѣзни, засѣданій историческаго

Digitized by Google

собранія, которыя продолжались еще въ декабрѣ [1]. Между тѣмъ, кромѣ Миллерова проекта, былъ представленъ проектъ Крузіусомъ, принятый собраніемъ лучше Миллерова; было и мнѣніе Тредьяковскаго. О результатѣ же обсужденія двухъ записокъ Ломоносова, въ представленіи историческаго собранія въ канцелярію, сказано: «что до письма, то въ немъ апробовано все, кромѣ того, чтобъ ректору не ефоромъ, но директоромъ называться; а въ прибавленіи въ разсужденіи третьяго класса студентовъ такъ разумѣютъ: который токмо въ одной наукѣ, точно той или той, упражняются, то называться имъ кандидатами» (Матер., стр. 119). Такое участіе Ломоносова въ составленіи университетскаго регламента должно показаться недостаточнымъ, если принять во вниманіе тотъ живой интересъ, какой обнаруживалъ онъ всегда къ учебнымъ академическимъ учрежденіямъ; можетъ быть, относящіяся сюда бумаги, доказывающія большее участіе Ломоносова въ этомъ дѣлѣ, или затеряны, или не отысканы въ академическихъ архивахъ. Послѣднее вѣроятнѣе, какъ по указанной уже нами поспѣшности изданія, такъ и потому, что пока не нашлось въ архивахъ и другихъ, относящихся сюда, бумагъ, напр. самаго Миллерова проекта и мнѣнія Тредьяковскаго [2]. Вообще, по этому вопросу о составленіи университетскаго регламента въ 1748 году, Матеріалы представляютъ крайне отрывочныя и неудовлетворительныя свѣ-

[1] 30 сентября ему разрѣшено было, по жалобѣ на болѣзнь ногъ, оставаться дома до выздоровленія. Въ ноябрѣ онъ, однако, былъ въ засѣданіи конференціи.

[2] Издатель замѣчаетъ, что и Шумахеръ представилъ особое мнѣніе, *хранящееся въ черновомъ спискѣ*. Отчего бы не привести это мнѣніе, а также и замѣчанія на проектъ Миллеровъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній, по словамъ издателя, не сохранился? Неужели оно не приведено только потому, что не относится *непосредственно* къ Ломоносову.

Digitized by Google

дѣнія, затрудняющія самые общіе выводы и заключенія. Должно надѣяться, что со-временемъ дополнятся эти свѣдѣнія; едва-ли въ архивахъ отъ такого важнаго дѣла сохранились только такіе скудные слѣды. Впрочемъ, можно допустить и такое предположеніе, что Ломоносовъ намѣренно уклонился отъ *большаго* участія въ занятіяхъ историческаго собранія, не раздѣляя основной мысли проектовъ, утвержденной уставомъ, и особенно подробнаго развитія этой мысли въ Миллеровомъ, или канцелярскомъ, проектѣ: не предвидя возможности добиться важныхъ измѣненій въ университетскомъ и гимназическомъ штатахъ, онъ, можетъ быть, предпочелъ ограничиться приведенными двумя записками, коснувшись только общихъ вопросовъ. Какъ бы то ни было, по извѣстнымъ теперь отрывочнымъ фактамъ, преждевременно дѣлать какое-либо рѣшительное заключеніе по этому дѣлу.

Чѣмъ же все это дѣло кончилось, какой-же былъ окончательный результатъ занятій историческаго собранія и Шумахера по регламентаціи академіи? На этотъ интересный вопросъ изданные теперь документы не даютъ никакого отвѣта: «дѣло не имѣло прямыхъ послѣдствій», замѣчаетъ издатель (119). Нѣтъ никакихъ слѣдовъ практическаго примѣненія работъ историческаго собранія и самой канцеляріи, не смотря на то, что, по замѣчанію секретаря собранія, «сіе дѣло совершенно уже къ окончанію приведено». Изъ послѣдующей судьбы университета и гимназіи также нельзя вывести никакихъ заключеній, и намъ остается только пожалѣть, что ненапечатаны указанные выше документы, которые, можетъ быть, навели бы на какія-нибудь соображенія. Въ настоящее время возможно, кажется, только одно предположеніе, что Шумахеръ, встрѣтивъ затрудненіе въ проведеніи Миллерова, или канцелярскаго, проекта и своего собственнаго мнѣнія и замѣтивъ, что проектъ, составленный Крузіусомъ, беретъ рѣ-

Digitized by Google

шительный перевѣсъ въ собраніи, угрожаетъ его планамъ, постарался тѣмъ или другимъ способомъ остановить все дѣло, парализировать практическое его значеніе, и предпочелъ прежнюю неопредѣленность и безпорядочность состоянія университета и гимназіи новому, не отъ него исходившему, опредѣленію и порядку. Тѣмъ вѣроятнѣе такое предположеніе, что Шумахеръ, опираясь на новый уставъ и особенно пользуясь почти постояннымъ отсутствіемъ президента, могъ и безъ регламента совершенно свободно распоряжаться не только университетомъ и гимназіей, но и учеными занятіями профессоровъ.

Послѣ этого неудавшагося опыта регламентаціи академическихъ учебныхъ заведеній, оба эти заведенія оставались въ прежнемъ своемъ видѣ, т. е. въ крайнемъ небреженіи и запущеніи. Въ письмѣ къ Шувалову, отъ 1 ноября 1753 года, Ломоносовъ въ слѣдующихъ словахъ указываетъ на «внѣшнее и внутреннее академіи бѣдное состояніе: извнѣ почти однѣ развалины; внутрь нѣтъ ничего, чтобъ академіею и университетомъ могло назваться, по примѣру иностранныхъ и по несравненному великодушію Монархини нашей» (230). При полномъ отсутствіи общаго порядка и опредѣлительности правилъ, не могли много помочь отдѣльныя, разрозненныя усилія. Притомъ же Ломоносовъ въ это время былъ весь погруженъ въ свои ученыя и литературныя занятія. Чтобы убѣдиться въ обширности и напряженности занятій Ломоносова, достаточно просмотрѣть его ежегодные отчеты, которые онъ подавалъ, на основаніи устава; эти отчеты — не фразы, не голословныя увѣренія въ занятіяхъ, какъ часто бываетъ, а заключаютъ въ себѣ каждый разъ указанія на полновѣсныя и весьма важныя доказательства дѣятельности въ ежегодно появлявшихся ученыхъ трудахъ. Къ этому-же времени относится и полный разгаръ его работъ по мозаикѣ: «per tres annos, пишетъ

Digitized by Google

Ломоносовъ Эйлеру въ февралѣ 1754 года, in tentaminibus physicochymicis ad excolendam colorum scientiam institutis totus fui» (Матер., стр. 779).

Въ такомъ состояніи находились университетъ и гимназія до марта 1758 года, когда они поручены были въ вѣденіе Ломоносова и когда составлены были для нихъ регламенты. Въ это время онъ успѣлъ окончательно укрѣпить за собой расположеніе, довѣренность и покровительство своихъ меценатовъ, Воронцова и особенно И. И. Шувалова, а вмѣстѣ съ тѣмъ на прочныхъ основаніяхъ утвердилась и его ученая и литературная репутація. Опираясь на то и другое, Ломоносовъ становится съ году на годъ смѣлѣе и рѣшительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, все чаще появляются его обличенія академическихъ безпорядковъ, а также все яснѣе и опредѣлительнѣе высказываются его собственныя понятія объ устройствѣ академіи наукъ и ея учебныхъ институтовъ. Въ 1750 году императрица пожаловала ему дачу Коровалдай, за что Ломоносовъ посвятилъ ей особую благодарственную оду (вѣроятно, подъ Высочайшею милостію должно разумѣть пожалованіе этой дачи). Въ половинѣ слѣдующаго года, отношенія Ломоносова къ Шувалову оказываются уже весьма близкими и дружественными. Жалуясь на затрудненія отъ канцеляріи въ работахъ по мозаикѣ, онъ пишетъ Шувалову (15 августа 1751 г.): «за бездѣлицею принужденъ я много разъ въ канцелярію бѣгать и подъячимъ кланяться, чего я право весьма стыжусь, а особливо имѣя такихъ, какъ вы, патроновъ. Нѣтъ ни единаго дня, въ которой бы я не упоминалъ о вашей ко мнѣ милости, и ею бы нерадовался. Однако нѣтъ ни единаго моего въ академію пріѣзда, въ которой бы я неудивлялся, что она, имѣя въ себѣ сына отечества, котораго вы любите и жалуете, не можетъ того дожить, чтобы онъ отвратилъ отъ ней всѣ чрезъ 25 лѣтъ бывшія всѣмъ

Digitized by Google

успѣхамъ и должнымъ быть пользамъ препятствія» (Мат., стр. 154). Замѣчательно, что изъ другаго письма того-же года къ Шувалову видно, что Ломоносовъ занимается составленіемъ плана россійской исторіи: «при семъ доношу, заключаетъ онъ письмо, что я нынѣ *Демофонта* окончать стараюсь; и при томъ дѣлаю планъ Россійской исторіи, которой, по возвращеніи вашемъ въ Санктпетербургъ, показать честь имѣть буду» (Мат., стр. 155)[1]. Такъ рано, подъ очевиднымъ вліяніемъ Шувалова, начинается иное направленіе его занятій, его постепенное обращеніе отъ химіи къ языкознанію, литературѣ и исторіи. Занятія этого рода, къ которымъ вовсе не предназначалъ себя Ломоносовъ, усиливаясь съ каждымъ годомъ, какъ извѣстно, скоро становятся для него господствующими и побуждаютъ его еще въ августѣ 1754 года отказываться отъ химіи (se propter alia negotia scientiae huic amplius operam navare non posse, 273); въ маѣ 1756 г. былъ уже назначенъ профессоромъ химіи Зальховъ (стр. 306), а 20 февраля 1758 г., въ академическомъ собраніи, Ломоносовъ оффиціально заявилъ, что «на будущее время онъ не можетъ посвящать своихъ трудовъ химіи» (383). Сюда-же должно отнести весьма напряженныя занятія его *мозаичнымъ художествомъ*, начавшіяся въ 1750 г. и скоро усилившіяся до того, что практическое и промышленное примѣненіе

[1] А въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ въ 1751 г. онъ уже пишетъ: «читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской исторіи: Нестора, законы Ярославли, большой лѣтописецъ, Татищева первой томъ, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя эксцепты или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи, на 15 листахъ» (Матер., стр. 163). Въ томъже отчетѣ онъ пишетъ, что *собранные прежде* матеріалы къ сочиненію грамматики зачалъ приводить въ порядокъ.

Digitized by Google

ихъ (разрѣшеніе сената о заведеніи фабрики для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, бисеру, стеклярусу и другихъ галантерейныхъ вещей, отъ 14 декабря 1752 г.) напугало Шувалова и вызвало живую переписку между ними. Этимъ опасеніемъ Шувалова, что мозаика и замышляемое промышленное предпріятіе отвлечетъ Ломоносова отъ науки, объясняется усиливавшаяся постепенно его настойчивость въ обращеніи Ломоносова къ занятіямъ россійскою исторіей. Въ мартѣ 1753 года ему передано было въ Москвѣ, куда онъ явился главнымъ образомъ хлопотать о своей фабрикѣ, собственное желаніе императрицы видѣть россійскую исторію, его штилемъ написанную. Не касаясь и здѣсь вопроса о томъ, къ добру или къ худу было такое измѣненіе въ направленіи занятій Ломоносова, вопроса, который и рѣшить трудно, мы можемъ съ полною увѣренностью утверждать, что быстрымъ возвышеніемъ своимъ въ общемъ мнѣніи, быстрымъ распространеніемъ извѣстности и рѣшительнымъ упроченіемъ своего оффиціальнаго положенія онъ прежде всего и главнымъ образомъ обязанъ этому новому направленію своихъ занятій, выходившихъ изъ круга его оффиціальной спеціальности. Только этимъ занятіемъ онъ могъ войдти въ непосредственное общеніе со дворомъ и обратить на себя вниманіе императрицы. Удовлетворяя литературному вкусу и литературной наклонности послѣдней, своихъ придворныхъ меценатовъ и вообще двора (сочиняя стихи на иллюминаціи и фейерверки), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ возвышалъ и укрѣплялъ свое положеніе при академіи наукъ, что могъ казаться неодолимымъ заправлявшимъ до сихъ поръ академіей нѣмцамъ, могъ смѣло вести борьбу съ ними и надѣяться на рѣшительный успѣхъ въ этой борьбѣ. Конечно, не мало содѣйствовала его извѣстности и прочности положенія ученая репутація по физикѣ и химіи, непоколебимо утвержденная знаме-

Digitized by Google

нитымъ тогдашнимъ европейскимъ авторитетомъ; эта репутація перваго русскаго ученаго, распространившаяся скоро далеко за предѣлы Россіи, безъ сомнѣнія, весьма много льстила русскому самолюбію. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что одна она не могла поднять его на-столько, на-сколько ему нужно было подняться, чтобы восторжествовать надъ враждебною ему партіей въ академіи и достигнуть лучшаго устройства послѣдней, особенно дорогихъ для него учебныхъ академическихъ институтовъ — университета и гимназіи. Сочиняя трагедіи, по повелѣнію императрицы, похвальныя слова и торжественныя оды, прославлявшія ея царствованіе, поднося ей и придворнымъ (П. И. Шувалову, стр. 203) картины мозаической работы, предлагая свои услуги къ заведенію новой и оригинальной промышленности, онъ, при отсутствіи всякой конкурренціи, постоянно напоминалъ о себѣ и о своихъ разнообразныхъ способностяхъ, заставлялъ смотрѣть на себя какъ на человѣка нужнаго и полезнаго, заставлялъ дорожить собой, а потому могъ смѣло разсчитывать на сильную защиту въ замышляемой имъ борьбѣ въ академіи [1].

Какъ усилилось значеніе Ломоносова въ академіи и въ гла-

[1] Занятія эти, кромѣ того, возбуждали его честолюбіе, питали надежды на возвышеніе, надежды, высказавшіяся послѣ весьма опредѣлительно; заведеніемъ же фабрики онъ, очевидно, разсчитывалъ составить себѣ обширное состояніе: «ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, пишетъ Ломоносовъ Шувалову, что ученой человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда Боила, который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Волфа, которой лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячь и сверхъ того баронство; Слоана, въ Англіи, кото-

Digitized by Google

захъ самого президента, Разумовскаго, и его вліяніе на высшихъ особъ еще въ 1753 году, видно изъ весьма интереснаго дѣла о публичномъ актѣ этого года. Актъ назначенъ былъ на 25 ноября (день восшествія на престолъ императрицы) и рѣчи на немъ должны были читать Ломоносовъ и Рихманъ. Шумахеръ, изъ видимаго противодѣйствія Ломоносову, желая воспользоваться смертью Рихмана, сильно хлопоталъ объ отложеніи акта на будущій годъ, и 9 сентября получилъ уже разрѣшеніе отъ президента. Странно, что объ этой оффиціальной отмѣнѣ акта Ломоносовъ, какъ видно, не зналъ и только догадывался, хотя въ канцеляріи еще 23 августа (по первому письму изъ Москвы отъ актуаріуса Фёлькнера къ Шумахеру) опредѣлено было сообщить о томъ въ академическое и историческое собранія; изъ канцеляріи отъ *24 сентября* есть даже требованіе доставить немедленно предназначенную для акта рѣчь (о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электричества происходящихъ), для отсылки въ Москву президенту на апробацію. Дѣйствительно, какъ же, въ противномъ случаѣ, объяснить слѣдующее мѣсто изъ письма Ломоносова къ Шувалову *отъ 7 октября:* «переписанную рѣчь мою къ вашему превосходительству переслать принимая смѣлость, еще васъ, милостиваго государя, прошу, чтобы о произведеніи оной къ 25 ноября постараться: *ибо мнѣ даютъ навѣтки*, что ее въ коментаріи напечатать; однако я тѣмъ отнюдь не могу быть доволенъ, и за прямой отказъ почесть долженъ. Она такимъ образомъ сочинена, чтобы говорить въ собраніи, и послѣ особливаго случая. Въ другихъ обстоятельствахъ долженъ я буду много перемѣнить и выкинуть, что мнѣ много труда стоитъ. Сверхъ того съ комен-

---

рой послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячь фунтовъ штерлинговъ» (Мат. 205).

Digitized by Google

таріями выйдетъ она весьма поздно» (Матер., стр. 219). На другой день, представляя въ канцелярію латинскій текстъ рѣчи, онъ извѣщаетъ, что русскій текстъ, для *ускоренія*, онъ прямо отослалъ по почтѣ въ Москву президенту (7 октября, вмѣстѣ съ письмомъ къ Шувалову), такъ-какъ переписка его окончена только *послѣ полудня, позже нежели какъ могъ взнесть въ оную канцелярію*[1]. Только въ протоколѣ конференціи 8 октября упоминается, что актъ отложенъ до 24 апрѣля будущаго года. Сопоставленіе этихъ чиселъ даетъ право заключать, что Шумахеръ намѣренно скрывалъ отъ Ломоносова рѣшеніе президента, чтобы продлить время и лишить его возможности хлопотать объ актѣ. Между тѣмъ, 18 октября (подписано 11 октября) канцелярія получаетъ приказъ президента, на имя Шумахера, слѣдующаго содержанія: «хотя я отъ 2 сентября и опредѣлилъ было ассамблеѣ публичной не быть за объявленными въ вашемъ представленіи, учиненномъ отъ 5 августа, резонами: однакожъ, дабы г. Ломоносовъ съ новыми своими изобрѣтеніями между учеными въ Эвропѣ людьми не упоздалъ, и чрезъ то трудъ бы его въ учиненныхъ до сего времени электрическихъ опытахъ не пропалъ: того ради извольте такъ расположиться, чтобъ для вышеупомянутаго Высочайшаго торжества ноября 25 числа сего текущаго года актъ академическій конечно былъ для публики» (Матер., стр. 223). Весьма замѣчательно, что этотъ приказъ подписанъ президентомъ немедленно по полученіи рѣчи отъ Ломоносова (послан. 7 окт.). Дѣло, однако, тѣмъ не кончилось. Шумахеръ, какъ видно, или по крайней мѣрѣ какъ на то жаловался Ломоносовъ, хотѣлъ затянуть дѣло формальностями. Тре-

[1] Обращаемъ вниманіе на послѣднія слова письма, потому что они доказываютъ, какъ спѣшилъ Ломоносовъ исполнить всѣ формальности, чтобы рѣчь поспѣла къ акту.

Digitized by Google

бовалось, чтобы рѣчь прочитана была въ академическомъ собраніи; профессоры Гришовъ и Поповъ предъявили свои *сумнительства;* Ломоносовъ долженъ былъ отвѣчать на эти сумнительства; завязался споръ о темѣ на преміи, печатать ли ее отдѣльно, или внести въ рѣчь Ломоносова, споръ о томъ, присоединять ли къ темѣ предлагаемый Ломоносовымъ способъ рѣшенія задачи; наконецъ, Гришовъ перемѣнилъ содержаніе своей рѣчи за 9 дней до акта, — однимъ словомъ, дѣло осложнилось и затянулось разными формальностями. Ломоносовъ жаловался — и Шумахеръ получилъ отъ президента выговоръ и приказъ не вмѣшиваться въ это дѣло, а только озаботиться скорѣйшимъ напечатаніемъ рѣчей. Какъ бы то ни было, не смотря на всѣ затрудненія и препятствія, Ломоносовъ поставилъ на своемъ: актъ 25 ноября былъ, и рѣчи произнесены были Ломоносовымъ и Гришовымъ.

Исторія эта, обнаружившая явно враждебные замыслы Шумахера, привела Ломоносова въ сильное раздраженіе, выразившееся въ письмахъ къ президенту и Шувалову, съ крайне рѣзкою характеристикою тестя и зятя, и въ столь-же рѣзкомъ протестѣ противъ старшинства Тауберта. Сущность письма къ президенту, *нарочито пространнаго,* состояла въ томъ, чтобы «безъ вѣдома профессоровъ никакія ученыя дѣла не отправлялись и его бы сіятельство ничего бы не апробовалъ, что канцелярія, безъ согласія собраній, о томъ представитъ». Въ письмѣ къ Шувалову, съ просьбою о содѣйствіи, онъ даетъ полную волю своему негодованію на нѣмецкую канцелярію, нисколько не стѣсняясь выраженіями. Письмо это замѣчательно по характеристикѣ близкихъ и дружественныхъ отношеній между Ломоносовымъ и Шуваловымъ. Шумахеръ, пишетъ Ломоносовъ, «всегда былъ высокихъ наукъ, а слѣдовательно и мой ненавистникъ и всѣхъ профессо-

Digitized by Google

ровъ гонитель и коварный и злохитростный приводчикъ въ несогласіе и враждованіе; однако нынѣ сталъ еще въ двое, имѣя двойные интересы, то есть пригордаго невѣжду, высокомысленнаго фарисея, зятя своего Т. Всѣ нынѣ упражняющіеся въ наукахъ говорятъ: не дай Богъ, чтобъ академія досталась Тауберту въ приданое за дочерью Шумахеровой; обоихъ равна зависть и ненависть къ ученымъ, которая отъ того происходитъ, что оба не науками, но чужихъ рукъ искуствомъ, а особливо профессорскимъ попраніемъ подняться ищутъ, и нынѣ профессоровъ одного на другаго подъущать и ихъ несогласіемъ пользоваться стараются» (Матер., стр. 229). Спустя три дня, послѣ отправленія этого письма, Ломоносовъ *разодралъ и къ себѣ въ карманъ положилъ* протоколъ конференціи, въ которомъ прописаны были имена профессоровъ въ обычномъ порядкѣ, по старшинству, при чемъ Ломоносовъ прописанъ шестымъ, послѣ Тауберта и Тредьяковскаго[1]. Оправдывать этотъ поступокъ Ломоносова нельзя; объясняется же онъ крайнею раздражительностью и запальчивостью его, недопускавшею никакого стѣсненія въ выраженіи. Оскорбленіе относилось ко всѣмъ профессорамъ, и прежде всего къ стоявшимъ выше Ломоносова, хотя оно, очевидно, направлено было противъ Тауберта. Доказательствомъ тому служитъ мнѣніе, написанное имъ въ мартѣ 1755 года, противъ предпочтенія иностранцевъ, по поводу одного изъ предложеній Тауберта, при

[1] Вотъ этотъ порядокъ: Миллеръ, Штелинъ, Штрубе, Таубертъ, Тредьяковскій, Ломоносовъ, Фишеръ, Браунъ, Крашенинниковъ, Гришовъ, Поповъ, Клейнфельдъ. Ломоносовъ прежде зачеркнулъ свое имя и написалъ выше всѣхъ; потомъ требовалъ отъ архиваріуса, чтобы онъ переписалъ протоколъ, и, уже послѣ отказа архиваріуса, разодралъ его; видно, что Ломоносовъ опомнился и хотѣлъ замять это дѣло.

Digitized by Google

пересмотрѣ академическаго регламента. Такъ-какъ этимъ предложеніемъ порядокъ засѣданій академиковъ опредѣлялся старшинствомъ ихъ поступленія на службу, то Ломоносовъ замѣтилъ, что «сіе слово *вступленіе* разумѣется точно о чужестранныхъ, для того что мы, подданные, не вступаемъ, но опредѣляемся въ службу», и въ-слѣдъ за-тѣмъ совершенно основательно опровергаетъ такое оскорбительное предпочтеніе иностранцевъ, по которому русскимъ на всегда отводится мѣсто послѣ нихъ. «Вѣроятно, пишетъ Ломоносовъ, что гднъ ассесоръ (Таубертъ) для того внесъ въ представленіе свое сей пунктъ, что ему предо мною отдано старшинство въ россійскомъ собраніи. Но я какъ тогда не однократно жаловался на сіе словесно всѣмъ гдамъ товарыщамъ, такъ и нынѣ покорнѣйше прошу его графское сіятельство, чтобъ соизволить сіе отмѣнить: ибо я гдна ассесора Тауберта старѣе и въ службѣ, и въ членахъ академическихъ. Буде ему дано старшинство предо мною по ассесорству его; то чего-жъ ради не выше онъ подписывается гдна профессора Штруба: а напротивъ того, для чего гднъ профессоръ Миллеръ выше же подписывается гдна совѣтника Штелина? Между чужестранными старшинство есть; но по какому недостоинству не быть оному между россійскимъ и чужестраннымъ?» (Матер., стр. 293). Замѣчательно что изъ профессоровъ противъ этого притязанія Ломоносова на старшинство протестовалъ особымъ мнѣніемъ одинъ только Тредьяковскій, вѣроятно, по наущенію нѣмцевъ и по собственной непріязни къ Ломоносову, что видно изъ самаго мнѣнія. Изъ него оказывается, что споръ о предсѣданіи происходилъ и въ засѣданіи 3 ноября. Ломоносовъ доказывалъ здѣсь свое преимущество тѣмъ, что онъ имѣетъ *отличную науку* и за нее пожалованъ совѣтникомъ. Тредьяковскій, съ ѣдкою ироніею, различаетъ выраженія — *отличный* и *отмѣн-*

Digitized by Google

ный, говоря, что Ломоносову слѣдовало употребить слово *отмѣнный*, потому что «его наука предъ нашею *видняе*, какъ-то и праведно, для того что ему только одному приказано было отъ вышнихъ сочинять *оды*, *панегірікъ*, и прочее, хотя все сіе и не его дѣло; тѣмъ наука его и сдѣлалась *видною*; но ежелибъ всемилостивѣйшая Государыня восхотѣла его науку признать лучшею предъ нашею, тобъ несомнѣнно изволила то объявить словомъ *отмѣнныя науки*, а *не отличныя*; а въ наукѣ его, продолжаетъ Тредьяковскій, премножество погрѣшностей, лжи и самого грубаго незнанія, что, ежели потребуется, толь легко есть доказать, коль сіе самое выговорить» (Матер., стр. 235)[1].

Дѣло это вызвало мнѣніе и самого Шумахера, въ которомъ онъ указываетъ на раздражительный характеръ нѣкоторыхъ профессоровъ, высокомѣрно считающихъ себя, по ученымъ заслугамъ, выше своихъ товарищей, старшихъ по службѣ, а потому проситъ президента, чтобы преслушники регламента были штрафованы,

---

[1] Неудовольствіе свое на вмѣшательство Ломоносова не въ свое дѣло, т. е. въ словесность, Тредьяковскій, въ концѣ того-же года, выразилъ еще рѣзче, по поводу пересмотра имъ стиховъ студ. Поповскаго: «погрѣшности (въ стихахъ) не студентъ Поповскій есть причиною, но учившій его сложенію стиховъ г. совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ, у котораго такой порокъ въ гекзаметрахъ очень часто находится: да и взялся онъ быть тому учителемъ какъ въ противность академическому регламенту, такъ и мнѣ въ незаслуженное предосужденіе, и толь наипаче, что онъ уже тѣмъ славиться дерзновенно, какъ то и учинилъ дѣйствительно въ чрезвычайной профессорской конференціи, бывшей октября 3 дня 1753 г., когда, при многомъ своемъ постороннемъ велерѣчіи, и мнимомъ первенствѣ профессорства своего и предъ всѣми предсѣдательства, кричалъ, что онъ одинъ здѣсь отправляетъ давно должность профессора краснорѣчія и стихотворства» (Матер., стр. 247).

Digitized by Google

чтобы въ собраніяхъ поступали не по рангамъ, а по старшинству, и чтобы Ломоносову дать знать о худыхъ его поступкахъ. Все это дѣло, разумѣется, вполнѣ было представлено на *особливое разсмотрѣніе* президента, съ *требованіемъ* отъ него резолюціи, но, какъ видно, не имѣло никакихъ послѣдствій.

Всѣ эти исторіи служатъ только яснымъ доказательствомъ, съ одной стороны, крайняго раздраженія двухъ противныхъ сторонъ въ академіи, начавшейся жестокой борьбы между ними, а съ другой — доказательствомъ того значенія, какого достигъ въ то время Ломоносовъ. Въ дѣлѣ объ актѣ онъ, вмѣстѣ съ Шуваловымъ, дѣйствовалъ прямо на президента и восторжествовалъ надъ всѣми враждебными ему усиліями канцеляріи; дѣло о старшинствѣ, въ которомъ Ломоносовъ былъ по формѣ виноватъ, прошло благополучно.

Вражда Шумахера, въ настоящемъ случаѣ, не ограничилась академіей: вскорѣ послѣ того, какъ оказывается, онъ писалъ письмо къ Эйлеру, въ которомъ обвиняетъ Ломоносова въ презрительномъ его отношеніи къ знаменитымъ европейскимъ авторитетамъ въ наукѣ. Письмо было ловко разсчитано на раздраженіе самолюбія знаменитаго ученаго и имѣло прямую цѣль вооружить его противъ Ломоносова. Блистательные отзывы Эйлера объ ученыхъ заслугахъ послѣдняго сильно возвышали его ученую репутацію и льстили русскому самолюбію, а потому для него было весьма важно уронить эту репутацію, или, по-крайней-мѣрѣ, ослабить хотя бы двусмысленнымъ отзывомъ Эйлера. Онъ зналъ, какъ впечатлителенъ былъ Ломоносовъ къ мнѣніямъ о своихъ ученыхъ трудахъ, зналъ, что для него ничего не могло быть оскорбительнѣе дурнаго отзыва объ этихъ трудахъ, а потому, безъ сомнѣнія, усердно, хотя и скрытно, дѣйствовалъ на эту слабую сторону, разсчитывая извлечь отсюда практическія послѣдствія.

Digitized by Google

Судя по времени отсылки письма (вѣроятно, въ половинѣ декабря 1753 г.), должно полагать, что Шумахеръ разсчитывалъ подѣйствовать на Ломоносова отзывомъ Эйлера о только-что отправленной къ Разумовскому рѣчи «о явленіяхъ воздушныхъ», произнесенной на актѣ 25 ноября. Разсчетъ, однакожъ, оказался не вѣрнымъ: письмо, очевидно, пришло въ Берлинъ послѣ отправленія въ С.-Петербургъ въ высшей степени благопріятнаго отзыва Эйлера, помѣченнаго 22-мъ января н. с. Въ отвѣтѣ на письмо Шумахера Эйлеръ выражается весьма скромно и осторожно, что онъ пересмотрѣлъ всѣ сочиненія Ломоносова и нигдѣ не замѣтилъ, чтобы онъ презрительно отзывался о великихъ людяхъ, что онъ, можетъ быть, отзывается такъ на словахъ и тѣмъ оскорбляетъ своихъ товарищей, о чемъ должно сожалѣть, особенно принимая во вниманіе его прекрасныя дарованія (стр. 859). Не были ли адресованы Шумахеромъ подобныя же письма и другимъ нѣмецкимъ ученымъ, напр. Крафту и Гейнзіусу, мнѣнія которыхъ отличаются инымъ характеромъ, особенно перваго, приложившаго и особое письмо къ Шумахеру, въ которомъ рѣзко отвергается основное положеніе рѣчи Ломоносова и въ которомъ Крафтъ присоединяется къ мнѣніямъ петербургскихъ профессоровъ, предъявлявшихъ свои сумнительства? Не были ли сообщены въ то-же время подобныя же внушенія и въ нѣкоторыя редакціи нѣмецкихъ журналовъ и газетъ?.. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ этомъ предположеніи, если сообразить степень раздраженія Шумахера, потерпѣвшаго въ непродолжительное время столько пораженій отъ Ломоносова. Высказываемъ это предположеніе, разумѣется, не изъ упорнаго желанія оправдать во что бы то ни стало одного и обвинить другаго, а единственно потому, что оно совершенно естественно и представляется само собою. Извѣстно, что въ-слѣдъ за-тѣмъ начинаются жестокія

Digitized by Google

нападенія на рѣчь Ломоносова нѣмецкихъ журналистовъ, оскорбившія его до глубины души и раздражившія его до послѣдней крайности. Извѣстно, что въ Эрлангенѣ (12 октября 1754 года) былъ даже диспутъ магистра Арнольда, отвергавшаго положенія Ломоносова. Раздраженный Ломоносовъ обратился къ Эйлеру съ письмомъ отъ 28 октября, въ которомъ проситъ его постараться, чтобы какой-нибудь студентъ защитилъ, прилагаемыя имъ при письмѣ, опроверженія нѣмецкихъ критиковъ. Въ этомъ письмѣ Ломоносовъ положительно высказываетъ подозрѣніе, что вся, поднятая противъ него, буря нѣмецкихъ журналистовъ есть *дѣло его злѣйшаго личнаго врага, что онъ не безъ причины видитъ змѣю въ травѣ*[1]. Весьма вѣроятно, что всѣ эти враждебные отзывы аккуратно получались Шумахеромъ и усердно распространялись въ с.-петербургской публикѣ, что, разумѣется, особенно должно было раздражать Ломоносова.

Въ томъ-же 1754-мъ году Ломоносову представился случай принять дѣятельное и оффиціальное участіе въ устраненіи академическихъ безпорядковъ и злоупотребленій. Онъ назначенъ былъ членомъ коммиссіи «для отрѣшенія излишествъ отъ академіи» вмѣстѣ съ Шумахеромъ, Штелинымъ и Миллеромъ. Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ имѣемъ крайне скудныя извѣстія о размѣрахъ и характерѣ дѣятельности этой коммиссіи, а также и о результатахъ этой дѣятельности. «Объ этой коммисіи, говоритъ издатель Матеріаловъ, я не встрѣтилъ никакихъ упоминаній въ академическихъ актахъ» (262); журналъ этой коммиссіи также не отысканъ (779), хотя съ трудомъ можно допустить, чтобы въ

[1] Quibus omnibus consideratis non sine ratione suspicor latere hic anguem in herba, et cujusdam mihi infestissimi inimici malo dolo tam iniquas tamque injuriosas cavillationes publice moveri (Матер., стр. 783.).

Digitized by Google

академическихъ архивахъ не скрывались относящіеся сюда документы; легко могло случиться, что эти документы ускользнули отъ вниманія издателя, при поспѣшности разработки архивовъ, и должно надѣяться, что они откроются *со-временемъ*. А между тѣмъ, весьма интересно было бы знать, въ чемъ состояла дѣятельность Ломоносова въ коммиссіи, въ которой всѣ остальные члены были нѣмцы, на-сколько опредѣлился въ это время его собственный взглядъ на академію, такъ-какъ это былъ первый опытъ его оффиціальнаго участія въ устройствѣ послѣдней. Поводомъ къ составленію коммисіи, какъ говоритъ Ломоносовъ въ своей исторіи академической канцеляріи, были слухи, достигшіе «до самыхъ внутренностей двора, объ излишествахъ, недостаткахъ и нуждахъ академическихъ». Президентъ, услышавъ такія непріятныя рѣчи о своемъ правленіи, назначилъ упомянутую «коммиссію для отрѣшенія излишествъ». При этомъ Ломоносовъ получилъ отъ Теплова, состоявшаго при президентѣ, приватное письмо, въ которомъ точно и ясно изображены Шумахеровы непорядки. «Сначала дѣло зачалось было, говоритъ Ломоносовъ, изрядно; однакожъ можно увѣриться, что Шумахеръ, будучи членомъ въ той коммиссіи, которая учреждена для разбору его же непорядковъ, во всемъ доброму успѣху препятствовалъ» (070). Дѣйствительно, не можетъ не показаться страннымъ участіе Шумахера въ этой коммиссіи; оно необходимо должно было стѣснять свободу дѣйствій остальныхъ членовъ, ослаблять ихъ энергію и отнимать надежду на дѣйствительный успѣхъ занятій. Къ тому-жъ Штелинъ, по словамъ Ломоносова, стоялъ больше за художество, нежели за науки, а секретарь канцеляріи старался всячески угождать Шумахеру. Сохранилось нѣсколько строкъ изъ письма Ломоносова къ Шувалову отъ этого времени, которыми характеризуются нерѣшительность и боязливость

Digitized by Google

дѣйствій членовъ коммиссіи: «однако мы господа въ коммиссіи, иной боится отрѣшить... чтобы не раздражить какого-нибудь знатнаго господина, иной говоритъ, что онъ бѣденъ, однако прошу меня извинить; не могу всѣхъ пристрастій и всѣхъ обстоятельствъ изобразить. Словомъ: съ одного конца академію хотятъ починивать, а съ другаго портятъ. Все сносно, только того нѣтъ тяжелѣе... Окончаніе сего дѣла ясно покажетъ; и я никогда по чистой моей совѣсти неостанусь лживымъ человѣкомъ» (Матер., стр. 261). Важнѣе для насъ сохранившаяся записка Ломоносова, въ которой онъ, для памяти, на-скоро отмѣтилъ нѣсколько пунктовъ, для внесенія въ журналъ коммиссіи. Изъ этихъ пунктовъ видна заботливость Ломоносова объ учебныхъ заведеніяхъ академіи, университетѣ и гимназіи, какъ разсадникахъ будущихъ ученыхъ: для гимназіи онъ хлопочетъ о назначеніи Поповскаго ректоромъ, а Яремскаго конректоромъ; для университета — о высылкѣ въ него новыхъ студентовъ, такъ-какъ безъ того не *могли начаться лекціи* (стр. 779). Вотъ все, что мы знаемъ объ этой коммиссіи; благопріятныхъ послѣдствій для академіи, какъ оказывается изъ послѣдующаго времени, она не имѣла никакихъ: «наконецъ коммиссія кончена, говоритъ Ломоносовъ, и поданъ репортъ президенту (рапортъ этотъ тоже не отысканъ въ архивахъ), котораго исполненіе могло бы хотя нѣсколько поправить академическое состояніе. Однако онъ совсѣмъ оставленъ безъ вниманія. Отрѣшенъ только за пьянство архитекторъ Шумахеръ, однако послѣ опять принятъ и поступаетъ по прежнему» (Матер., стр. 071). Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло не обошлось безъ борьбы, безъ рѣшительныхъ протестацій со стороны Ломоносова, но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что вліяніе Шумахера на академическія дѣла было огромно; этому вліянію обязанъ онъ своимъ участіемъ въ коммиссіи и са-

Digitized by Google

мымъ составомъ коммиссіи. Окруженный нѣмцами и владѣя однимъ голосомъ, Ломоносовъ, конечно, не молчалъ, и Шумахеръ, вѣроятно, во многомъ уступалъ, на-сколько дѣло не касалось его прямыхъ и существенныхъ интересовъ, будучи при томъ увѣренъ, что исполненіе рѣшенія коммиссіи будетъ предоставлено ему-же.

Какъ трудно было еще бороться Ломоносову и какъ сильна была враждебная ему партія, не смотря на прочность его положенія въ академіи, на связи съ высоко поставленными лицами, на утвердившуюся репутацію ученаго, оратора и поэта, — доказываетъ новая, тоже неудавшаяся, попытка *исправить* академію, по случаю возникшаго, въ началѣ 1755 года, вопроса о пересмотрѣ академическаго регламента. Борьба завязалась жестокая, раздраженіе съ обѣихъ сторонъ было крайнее, окончившееся полнѣйшимъ разрывомъ и совершеннымъ прекращеніемъ пересмотра регламента, что только и нужно было противной сторонѣ. Не только побѣда осталась за этою стороной, отстоявшею академическое statu quo, но ей удалось унизить и подорвать, хоть на нѣсколько дней, значеніе своего врага: Ломоносовъ былъ отрѣшенъ отъ профессорскаго собранія. Во всемъ этомъ дѣлѣ нельзя, однако, не видѣть и того, что въ личномъ академическомъ составѣ Ломоносовъ представлялъ тогда собою громадную силу: онъ одинъ вступилъ въ жестокую борьбу со всѣмъ академическимъ собраніемъ, смѣло оспаривалъ самовластіе президента, утвержденное послѣднею статьею устава 1747 года, и можно съ значительною достовѣрностью утверждать, что онъ могъ бы добиться пересмотра регламента, если-бы дѣйствовалъ съ необходимою въ этомъ случаѣ умѣренностью, сдержанностью и канцелярскою выдержкой, а не съ обычною запальчивостью. Пересмотръ этотъ могъ имѣть такой-же плохой исходъ, какъ и коммисія, при общемъ противодѣйствіи членовъ собра-

Digitized by Google

нія и особенно Теплова, отстаивавшаго уставъ 1747 года, какъ свое созданіе; но Ломоносовъ могъ бы оффиціально провести свои понятія и убѣжденія о лучшемъ устройствѣ академіи, что, можетъ быть, упрочило бы лучшую будущность послѣдней. Необходимо остановиться, хоть не надолго, на этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что относящіяся сюда бумаги Ломоносова нуждаются въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ.

Непосредственнымъ поводомъ къ пересмотру академическаго регламента былъ указъ сената, отъ 24 августа 1754 года, «о сочиненіи по судебнымъ мѣстамъ проектовъ уложенія», по прилагаемому плану, и о представленіи таковыхъ-же проектовъ изъ коллегій, съ ихъ мнѣніями и планами, на разсмотрѣніе сената. Во 2 пунктѣ указа говорится: «о дѣлахъ же прочихъ коллегій, канцелярій сочинять о разныхъ матеріяхъ пункты, касающіеся до тѣхъ коллегій и канцелярій.... По академіи наукъ коллежскому ассесору Тауберту» (Матер., стр. 283). Трудно опредѣлить, почему поручено было самимъ указомъ *сочинять пункты* для академіи наукъ именно Тауберту. Въ этомъ порученіи, которымъ уже опредѣлялись направленіе, тонъ и характеръ всего дѣла, и которое само по себѣ не могло подавать большихъ надеждъ Ломоносову, должно, конечно, видѣть заботы канцеляріи и Шумахера. Оно одно даетъ полное право заключать о возможности жестокой борьбы, при разсмотрѣніи проекта Тауберта, и всевозможныхъ столкновеній, какія дѣйствительно и оказались въ самомъ началѣ. Засѣданія начались 17 февраля 1755 г., когда, въ общемъ собраніи академіи, представлены были на разсмотрѣніе предложенія Тауберта. Такъ-какъ все дѣло необходимо должно было начать съ обсужденія недостатковъ прежняго устава и такъ-какъ въ этомъ уставѣ самымъ спорнымъ и, по справедливому мнѣнію Ломоносова, самымъ опаснымъ

Digitized by Google

пунктомъ былъ послѣдній, допускавшій полный произволъ президенту дѣлать измѣненія и полное самовластіе канцеляріи, въ отсутствіе президента, то совершенно естественно, что этотъ пунктъ и долженъ былъ прежде всего остановить на себѣ общее вниманіе. Дѣйствительно, изъ письма Ломоносова къ Шувалову, отъ 12 марта, видно, что «споръ и ссора начались въ самое первое засѣданіе, гдѣ о послѣднемъ пунктѣ регламента разсужденіе было». Энергическія возраженія Ломоносова противъ этого пункта, какъ и должно было ожидать, тотчасъ приняты были въ смыслѣ намѣренія его подорвать власть президента. Напрасны были всѣ его усилія опровергнуть такое объясненіе, напрасно онъ доказывалъ, что желаетъ только снять съ президента бремя, превышающее силы одного человѣка, что все должно производиться съ общаго согласія, что президентъ не полигисторъ, что и государи имѣютъ при себѣ сенаторовъ и разныхъ чиновниковъ, отъ которыхъ принимаютъ совѣты, что полновластіе президента парализируетъ свободу дѣйствій академіи, — ничто не могло вразумить предубѣжденныхъ антагонистовъ, рѣшившихся во что бы то ни стало отстоять выгодное для нихъ академическое statum quo; напрасно онъ въ самомъ началѣ *генерально оговорился*, что во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ о президентѣ онъ не имѣетъ въ виду графа Разумовскаго, а разсуждаетъ о президентѣ генерально, въ вѣчные роды — ничто, разумѣется, не помогло. Для отведенія отъ академіи наукъ сенатскаго указа 24 августа, пущенъ былъ въ ходъ и такой аргументъ, что регламентъ указомъ не былъ никогда перемѣняемъ; напрасно Ломоносовъ доказывалъ, что регламентъ сто разъ былъ перемѣняемъ президентскими указами; завязался споръ о томъ, «президентскіе указы — указы или не указы...» Всѣ эти аргументы, безъ сомнѣнія, щедро и усердно были пересыпаемы круп-

Digitized by Google

ными словами и грубою бранью. Запальчивость Ломоносова, вѣроятно, доходила до крайнихъ предѣловъ и, конечно, всего болѣе повредила дѣлу. Собраніе разошлось. Ломоносовъ исключенъ изъ профессорскаго собранія (вѣроятно, въ самомъ началѣ марта). Засѣданія продолжались безъ него; шли, разумѣется, тихо и складно, пока наконецъ 24 марта ultima manus adhibita est propositionibus Tauberti (283).

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ издателя, что противники Ломоносова именно разсчитывали на горячность его и невоздержность въ словахъ, что для нихъ это былъ самый легкій способъ выиграть свое дѣло и уничтожить замыслы противника. Но неужели Ломоносовъ на томъ и остановился? Неужели можно себѣ представить, зная хоть сколько-нибудь Ломоносова, чтобы онъ спокойно предоставилъ дѣло враждебному ему собранію, отсталъ отъ него и ограничился хлопотами о возвращеніи себѣ права присутствовать въ собраніи, особенно когда извѣстно, что онъ такъ дорожилъ настоящимъ случаемъ исправить академію, предоставленнымъ самимъ правительствомъ? Такое мнѣніе прямо противорѣчило бы не только сохранившимся оффиціальнымъ документамъ, но и самымъ основнымъ и существеннымъ чертамъ характера Ломоносова. Ему не трудно было, разумѣется, уничтожить послѣдствія доноса и возвратить себѣ право присутствовать въ собраніи; въ журналѣ канцеляріи академіи наукъ, 29 марта, записано: «его сіятельство академіи Н. гднъ президентъ графъ К. Гр. Разумовскій письменно изволилъ приказать, чтобъ учиненное его сіятельствомъ въ послѣднее время опредѣленіе, касающееся до гдна сов. и проф. Ломоносова, и по оному въ собраніе академическое посланный за рукою его сіятельства ордеръ возвратить къ его сіятельству въ оригиналѣ, не оставливая съ нихъ копіи, и по нихъ исполненія ни каково не дѣлать, а ему, гдну совѣт-

Digitized by Google

нику Ломоносову, отъ канцеляріи письмянно объявить, чтобъ въ собраніяхъ академическихъ *по прежнему ему присудствовать*» (Матер., стр. 293); тѣмъ не менѣе обсужденіе предложеній Тауберта происходило и кончилось (24 марта) безъ Ломоносова. Но Ломоносовъ, очевидно, не могъ остаться безъ голоса въ дѣлѣ, которымъ онъ такъ дорожилъ, въ устройствѣ котораго видѣлъ цѣль своей жизни. Отрѣшенный отъ оффиціальнаго участія и, безъ сомнѣнія, ясно предвидѣвшій безуспѣшность всѣхъ своихъ занятій въ самыхъ собраніяхъ, онъ тѣмъ свободнѣе и спокойнѣе могъ заняться этимъ дѣломъ дома, въ кабинетѣ; могъ составить собственный проектъ устройства академіи наукъ, и имѣлъ всѣ средства для того, чтобы провести этотъ проектъ по назначенію. Такой способъ дѣйствій былъ совершенно въ духѣ Ломоносова. А потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что «въ обыкновенныхъ протоколахъ объ академическихъ засѣданіяхъ, по замѣчанію издателя матеріаловъ, упоминается такъ кратко и сухо, что не видно, принималъ ли Ломоносовъ какое-нибудь участіе въ разсужденіяхъ, хотя и присутствовалъ въ засѣданіяхъ» (283). Его участіе едва-ли и могло оказаться въ протоколахъ замѣтнымъ: онъ присутствовалъ только въ первой половинѣ засѣданій, состоявшихъ въ спорахъ объ общихъ вопросахъ, неимѣвшихъ никакихъ послѣдствій; во второй половинѣ онъ не присутствовалъ, а здѣсь-то и прошло все дѣло скоро и благополучно. Подлинные акты, относящіеся къ этимъ засѣданіямъ, вѣроятно были и, *можетъ быть, до-нынѣ существуютъ въ академическихъ архивахъ*, но они едва-ли могли имѣть большую важность, потому что, безъ сомнѣнія, составлены съ твердымъ намѣреніемъ удержать порядокъ, утвержденный старымъ уставомъ. И такъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію то, что Ломоносовъ былъ сильно и тревожно занятъ со-

Digitized by Google

ставленіемъ собственнаго проекта устройства академіи наукъ въ то время, когда академія отстаивала старый уставъ. Дѣйствительно, изъ сохранившихся бумагъ его оказывается несомнѣннымъ, что этотъ проектъ былъ имъ составленъ, былъ, вѣроятно, доведенъ до свѣдѣнія президента, и хотя не повлекъ за собой непосредственныхъ практическихъ послѣдствій, по видимому равнодушію президента къ академіи, тѣмъ не менѣе могъ имѣть весьма сильное вліяніе на скоро за-тѣмъ послѣдовавшее возвышеніе Ломоносова, сильно облегчавшее для него борьбу съ враждебною партіей и возвратившее надежды на радикальное исправленіе академіи.

Здѣсь мы несогласны съ мнѣніемъ издателя Матеріаловъ, который хотя и полагаетъ, что Ломоносовъ готовилъ въ это время длинную статью объ академическомъ регламентѣ и штатѣ (напеч. въ «Очер. Рос.», ч. 2, подъ заглавіемъ: «Всенижайшее мнѣніе о исправленіи С.П.Б. академіи наукъ»), но утверждаетъ, что эта статья, *очевидно*, не кончена и не вполнѣ отдѣлана и конечно не была читана въ засѣданіяхъ коммисіи (283 — 284). Издатель полагаетъ, что отдѣлка этой статьи, ея продолженіе и окончаніе, однимъ словомъ — составленіе полнаго и законченнаго проекта можетъ быть отнесено только къ 1760 г. Подъ этимъ годомъ онъ и помѣщаетъ ее, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «въ 1760 году, — *не раньше и не позже*, Ломоносовъ написалъ довольно длинную статью о необходимости преобразованія академіи: такъ можно озаглавить ее. Раньше этого года мы не замѣтили никакого повода къ ея составленію. Въ 1761 году, когда здоровье императрицы отнимало возможность какого-либо представленія объ академіи, писать такую статью было уже поздно. И если можно безъ достаточнаго повода относить ее къ 1761 году, то почему не отнести лучше къ 1760 г., когда она хорошо идетъ къ обстоятельствамъ этого года? Необходимость преобразованія акаде-

Digitized by Google

міи въ ней доказывается такъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывается необходимость избрать въ вице-президенты академіи именно такого человѣка, какъ Ломоносовъ. Читатель, надѣюсь, убѣдится въ этомъ изъ содержанія самой статьи, которая печатается здѣсь съ собственноручной черновой Ломоносова» (Матер., стр. 435—436). Это мнѣніе едва-ли справедливо.

Прежде всего должно замѣтить, что вся эта статья, напечатанная въ Матеріалахъ подъ 1760 г., представляетъ отдѣльное цѣлое, законченное и вполнѣ отдѣланное для представленія куда слѣдуетъ: въ послѣднихъ строкахъ *приступленія* выражена программа всей статьи, и этой программѣ въ точности соотвѣтствуютъ слѣдующія за-тѣмъ части [1]; а потому, если гдѣ-либо въ ней окажутся слѣды болѣе ранняго составленія, то и вся статья должна быть отнесена ко времени, предшествовавшему 1760 году. Присутствіе этихъ слѣдовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Они или прямо указываютъ на годъ составленія статьи, предшествующій 1760 году, или даютъ поводъ заключать о томъ-же. На страницѣ 441 сказано: «о исправленіи типографіи и книжной лавки въ бывшей *прошлаго* 1754 года коммисіи довольно мы разсуждали: однако все безъ успѣху осталось», и ниже: «художества хотя и имѣли нѣкоторые успѣхи, однако ученому корпусу тягостны, ибо по табели академической *прошлаго 1754 года* исходило на академиковъ, на университетъ, на гимназію, на почетныхъ членовъ, на переводчиковъ и на библіотеку едва двадцать тысячъ рублевъ»; на той-же страницѣ: «изъ помянутыхъ тридцати трехъ тысячъ ежели бы равномѣрно исходило на канцелярію и художества,

[1] Листы же 1-й главы даже перенумерованы рукою Ломоносова. «Почеркъ его легко узнать и въ цифрахъ», говоритъ издатель. 438.

Digitized by Google

присовокупляя къ тому другіе доходы, осталось бы по послѣдней мѣрѣ на каждый годъ по 13 тысячъ рублей слишкомъ, и остаточная сумма съ 1747 года, іюля отъ 24 числа, была бы слишкомъ сто тысячь рублевъ». Разсчетъ этотъ сдѣланъ, очевидно, въ 1755 г.: въ 8 лѣтъ, по 13 тысячъ экономіи, дѣйствительно, составляло бы болѣе 100 тысячъ (т. е. 104 т.), а въ 13 лѣтъ, если относить статью къ 1760 г.) болѣе 170 тыс. Понятно, что всѣ приведенныя мѣста въ документѣ цѣльномъ, оконченномъ и вполнѣ отдѣланномъ, никакъ не могутъ быть отнесены къ 1760 году. Какимъ же образомъ издатель Матеріаловъ относитъ всю эту статью къ этому году?.. Посмотримъ на другіе слѣды. Все *приступленіе*, не смотря на всѣ увѣренія издателя, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ самые очевидные признаки составленія его въ 1755 году. Необходимо привести здѣсь начало этого приступленія: «въ благословенное время Государствованія Всемилостивѣйшія Самодержицы нашея, наслаждаясь многочисленными ея къ намъ подданнымъ благодѣяніями, съ радостною надеждою ожидаемъ полнаго благополучія, то есть всесовершеннаго установленія непоколебимыхъ и ясныхъ законовъ, которыми отвратятся всѣ вредительныя въ судахъ безпорядки и пагубныя ухищренія. Высочайшее повелѣніе Ея Императорскаго Величества изъ правительствующаго сената, о разсмотрѣніи и исправленіи всѣхъ россійскихъ законовъ по справедливости касается и до Императорской академіи наукъ. Того ради высокопомянутый правительствующій сенатъ повелѣлъ учинить академическаго регламента разсмотрѣніе. Всевожделѣнный случай къ исправленію бѣднаго состоянія академіи! Однако въкоренившееся и застарѣлое въ ней злосчастіе чинитъ препоны и сему великому матернему и божественному попеченію и желанію всемилостивѣйшія Монархини нашея. Ибо все оное рассмотрѣніе пре-

Digitized by Google

сѣклось коварными происками и наглыми поступками, которымъ самозванной сочинитель, а слѣдовательно и защититель онаго регламента старался отъ него отвести Высочайшій указъ Ея Величества, данный изъ правительствующаго сената о исправленіи законовъ. Стоя за пользу и важность высокопомянутаго указа, принужденъ я былъ претерпѣть неправедное и несносное огорченіе; однако какъ прочихъ поношеній и гоненій мною претерпѣнныхъ, такъ и сего не упоминаю обстоятельно» (Матер., стр. 436 — 437). Въ этихъ строкахъ самыя ясныя указанія на указъ 24 августа 1754 года, на непосредственное и ближайшее его примѣненіе къ академіи, на надежды, которыя возлагалъ на этотъ указъ Ломоносовъ, въ примѣненіи къ академіи. Можно ли было употребить тѣ-же выраженія, почти чрезъ шесть лѣтъ послѣ изданія указа, особенно послѣ неудавшагося опыта воспользоваться имъ своевременно? Г. издатель придаетъ особенное значеніе выраженію: «наслаждаясь *многочисленными*[1] ея (императрицы) благодѣяніями», и полагаетъ, что «къ концу ея царствованія хорошо идетъ выраженіе — *многочисленныя* благодѣянія»: но съ 1741 года по 1755 прошло довольно времени царствованія императрицы Елисаветы, чтобы имѣть право говорить о многочисленныхъ ея благодѣяніяхъ. Выраженія же: «вкоренившееся и застарѣлое злосчастіе *чинитъ* препону; все оное разсмотрѣніе пресѣклось коварными происками и наглыми поступками; принужденъ я былъ претерпѣть несправедливое и несносное огорченіе» — очевидно, скорѣе всего должны относиться къ 1755 году, когда разсмотрѣніе регламентовъ только-что пресѣклось, въ-слѣдствіе коварныхъ и наглыхъ происковъ, когда *время исполненія указа дѣйствительно еще не прошло* и, безъ сомнѣнія, еще про-

[1] Курсивъ въ изданіи.

Digitized by Google

должалось въ разныхъ вѣдомствахъ.... Спустя пять лѣтъ, послѣ изданія указа, Ломоносовъ рѣшительно не могъ такъ говорить и *не могъ возобновлять свою попытку* именно въ видахъ выполненія этого указа. Огорченіе же Ломоносова, какъ дѣло личное, не могло выражаться слишкомъ рѣзко и подробно въ документѣ столь важномъ, проектирующемъ планъ устройства академіи, назначеннсмъ для представленія высшему начальству, тѣмъ болѣе, что это огорченіе было хорошо извѣстно послѣднему; впрочемъ и выраженія, употребленныя въ статьѣ, довольно рѣзки и характеристичны. Изображеніе мрачными красками состоянія университета и гимназіи, неоднократное упоминаніе объ отсутствіи университетскаго регламента (441—450)—нельзя допустить въ 1760 году, такъ-какъ Ломоносову еще въ мартѣ 1758 года поручены были ученыя и учебныя учрежденія академіи. Нельзя также не обратить вниманія на письмо Ломоносова къ Шувалову, отъ 23 ноября 1757 года: оно важно для рѣшенія вопроса о времени составленія разсматриваемаго проекта Ломоносова. Скромно отклонивъ просьбу Шувалова сочинить стихи подъ только-что отпечатанный свой портретъ, Ломоносовъ такъ заключаетъ свое письмо: «я прошу только того, что мнѣ надлежитъ по справедливости, чѣмъ Всемилостивѣйшая Государыня усердныхъ рабовъ своихъ обыкновенно жаловать изволитъ, что по моей службѣ и дорогѣ слѣдуетъ и что больше отечеству, нежели мнѣ нужно и полезно. Для того прошу всеуниженно прежнее мое письмо еще прочитать однажды и отдать справедливость моему законному прошенію. Вашего превосходительства ко мнѣ благодѣянія хотя многи и велики; однако желаемое будетъ всѣхъ больше не тѣмъ, что я о томъ прошу больше трехъ лѣтъ, но для того что оно соединено съ общею пользою и что онымъ новая кровь въ жилы мои вольется къ совершенію начатаго ге-

Digitized by Google

роническаго описанія трудовъ Петровыхъ, которыхъ окончаніе выше всѣхъ благополучій въ жизни моей почитаю» (Матер., стр. 356). Нѣтъ сомнѣнія, что Ломоносовъ проситъ здѣсь о назначеніи его вице-президентомъ академіи, что ясно видно изъ характеристики предмета просьбы: «желаемое больше отечеству нежели мнѣ нужно и полезно, соединено съ общею пользою»; проситъ объ этомъ больше *трехъ лѣтъ*, слѣдовательно съ 1754 года, когда изданъ былъ указъ объ исправленіи регламента академіи, какъ справедливо утверждаетъ и издатель Матеріаловъ. Такимъ образомъ мысль о вице-президентствѣ, возникшая въ Ломоносовѣ, по особенному случаю, въ концѣ 1754 года, въ слѣдующемъ же году спѣшила найдти свое осуществленіе въ составленномъ имъ тогда проектѣ, которымъ и полагается по штату вице-президентъ академіи. Между тѣмъ, издатель, въ-послѣдствіи, не совсѣмъ послѣдовательно утверждаетъ, что проектъ составленъ не раньше и не позже 1760 года именно потому, что «необходимость преобразованія академіи въ немъ доказывается такъ, что *вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается необходимость избрать въ вице-президенты академіи именно такого человѣка, какъ Ломоносовъ*». Наконецъ, во всей статьѣ нельзя найдти ни одного, хотя сколько-нибудь опредѣлительнаго, указанія на составленіе ея не только въ 1760 году, но и въ ближайшіе, предшествовавшіе ему, годы.

Въ какомъ отношеніи находится эта статья ко *Всенижайшему мнѣнію о исправленіи с.-петербургской академіи наукъ*, напечатанному еще въ 1840 году въ «Очеркахъ Россіи» Пассека? (ч. II, стр. 48 — 65). Это *Всенижайшее мнѣніе* и издатель Матеріаловъ относитъ къ началу 1755 г., такъ-какъ въ немъ прямо говорится, что прошло семь лѣтъ, со времени изданія устава 1747 года (Матер., стр. 283). Начало его, послѣ

Digitized by Google

вступленія, по справедливому мнѣнію издателя (444, примѣч.), дѣйствительно заключаетъ въ себѣ бѣгло начертанный очеркъ, въ видѣ тезисовъ, требовавшихъ болѣе подробнаго и обстоятельнаго развитія, и въ самомъ дѣлѣ развитыхъ въ статьѣ, отнесенной издателемъ къ 1760 году. Такихъ бѣглыхъ очерковъ, поспѣшно набросанныхъ, въ бумагахъ Ломоносова, какъ извѣстно, множество (Оч. *Пасс.* стр. 50, Матер., стр. 441 и др.). Но видно, что Ломоносовъ продолжаетъ очеркъ и, входя болѣе и болѣе въ предметъ, начинаетъ писать съ большею обстоятельностью и точностью, такъ-что съ 52 стр. работа принимаетъ такой видъ, что входитъ потомъ безъ измѣненія въ отдѣланную статью со 2-й главы, между тѣмъ какъ начало ея должно было подвергнуться упомянутой переработкѣ, которую мы и видимъ въ началѣ отдѣланной статьи. Эта-то черновая, въ началѣ заключающая въ себѣ бѣглый очеркъ, постепенно принимавшій видъ обстоятельной и точной обработки, и напечатана въ «Очеркахъ Россіи». Впрочемъ, изъ замѣтокъ на поляхъ, а также варіантовъ съ 52 стр. въ статьѣ «Очерковъ», гдѣ слѣдовательно уже начинается обстоятельная обработка, можно ясно видѣть, что эти черновые листы дѣйствительно заключаютъ въ себѣ первоначальную работу, на которой отразились первыя, мгновенно появлявшіяся, впечатлѣнія Ломоносова. Эти первыя впечатлѣнія выразились, напр., въ слѣдующихъ замѣткахъ на полѣ: «дивлюсь, что и студентовъ изъ-за моря не велѣно выписывать; о награжденіяхъ и штрафахъ ничего не положено, дѣлаютъ какъ хотятъ; штрафуютъ студентовъ подло; примѣры здѣшніе, примѣры иностранные; мой примѣръ въ студентахъ, въ совѣтникахъ штрафованъ; диво, что въ академіи нѣтъ музыки! ба! да Шумахеръ танцовать не умѣетъ» («Оч. Рос.», ч. II, стр. 52 — 62). Тотъ-же характеръ первоначальной работы виденъ и изъ варіантовъ (сравн. «Очер. Рос.», ч.

Digitized by Google

II, стр. 69, и Матер., стр. 449; «Очер. Рос.», стр. 54, Матер. стр. 445 и т. д.); есть, впрочемъ, и здѣсь пункты, весьма сильно распространенные въ полной статьѣ, а въ черновой являющіеся въ видѣ тѣхъ-же очерковъ; есть въ полной статьѣ и перестановка пунктовъ, расположенныхъ неправильно въ черновой (срав. Очер. Рос. ст. 54 и 58, и Матер. стр. 445 и 448). Можетъ быть, эта первоначальная черновая и предназначалась для представленія въ коммиссію и имѣла характеръ распространенныхъ замѣтокъ для памяти; но въ-послѣдствіи, когда сначала прекратилось участіе Ломоносова въ засѣданіяхъ, а потомъ и все дѣло, въ его отсутствіе, окончилось въ пользу сохраненія стараго порядка, эти черновыя замѣтки послужили для него основаніемъ для развитія полнаго и подробнаго проекта устройства академіи наукъ, представленнаго имъ, помимо академіи, начальству, можетъ быть, при посредствѣ Шувалова.

Относя такимъ образомъ составленіе всей этой статьи, въ полномъ ея видѣ, къ 1755 году, въ-слѣдъ за прекращеніемъ занятій коммиссіи по регламентація академіи, неимѣвшихъ, какъ видно, для академіи никакихъ практическихъ послѣдствій, мы должны сказать, что вся статья состоитъ изъ двухъ неравныхъ отдѣловъ — полемическаго, состоящаго изъ 2-хъ частей и направленнаго на изображеніе злоупотребленій и безпорядковъ, господствовавшихъ тогда въ академіи, на неудовлетворительность устава 1747 года, утверждавшаго полнѣйшее самовластіе канцеляріи, и положительнаго, или догматическаго отдѣла (3-я часть), предлагающаго средства *исправленія академіи* по идеямъ Ломоносова. При самой безпристрастной оцѣнкѣ этихъ отдѣловъ, нельзя не согласиться, что оба они составлены съ большимъ достоинствомъ и искусствомъ, нельзя не согласиться, что въ первомъ весьма ловко сгруппированы факты, изъ совокупности ко-

Digitized by Google

торыхъ нельзя не убѣдиться въ дѣйствительно плохомъ состояніи академіи, далеко не выполнявшей того назначенія, какое имѣлъ въ виду ея основатель, а во второмъ — предложены мѣры, дѣйствительно способныя во многомъ направить академію къ этому назначенію. При составленіи своего проекта, Ломоносовъ главнымъ образомъ исходилъ изъ слѣдующихъ положеній: «не попустить больше властвовать надъ науками людямъ мало учонымъ, которыя однако хотятъ, чтобъ ихъ за учоныхъ почитали (Матер. стр. 452); регламентъ академической такимъ образомъ сочиненъ и расположенъ быть долженъ, чтобы онъ имѣлъ свою силу и былъ приличенъ во всякомъ будущемъ времени, и во всякихъ обстоятельствахъ могъ стоять непремѣненъ: того ради не должно смотрѣтъ на настоящія онаго обстоятельства, ниже на лицо, заслуги и недостатки тѣхъ, которые находятся въ академіи при худыхъ обстоятельствахъ» (Матер., стр. 444). Этихъ убѣжденій строго держался Ломоносовъ и въ своихъ совѣтахъ, какіе онъ давалъ Шувалову, при устройствѣ московскаго университета.

Самый вредный пунктъ устава 1747 года, утверждавшій самовластіе канцеляріи, на время частыхъ и продолжительныхъ отъѣздовъ президента, и бывшій главнымъ источникомъ злоупотребленій, а вмѣстѣ и первою причиною раздоровъ Ломоносова съ канцеляріей, устраненъ назначеніемъ вице-президента изъ среды самихъ академиковъ, вполнѣ компетентнаго въ ученомъ и учебномъ отношеніяхъ, самыхъ существенныхъ для академіи. Что это званіе составляетъ насущную потребность для академіи, доказываетъ позднѣйшее ея состояніе и послѣдній проектъ устава академіи наукъ. Мысль о назначеніи вице-президента могла родиться у Ломоносова совершенно естественно, по самымъ простымъ соображеніямъ объ отношеніяхъ президента къ академіи и *по при-*

Digitized by Google

мѣру другихъ командъ. А потому было бы несправедливо утверждать, что Ломоносовъ ввелъ это званіе въ свой проектъ, единственно имѣя въ виду самого себя. Что онъ дѣйствительно желалъ этого званія и прямо просилъ о томъ Шувалова, — это безспорно, но въ этомъ случаѣ должно, кажется, прежде всего смотрѣть на тѣ побужденія, какія представляетъ Ломоносовъ въ интересахъ процвѣтанія науки въ академіи, и на тѣ понятія о положеніи ученыхъ въ государствѣ вообще, какія онъ имѣлъ и какія онъ усвоилъ себѣ, на основаніи примѣровъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Ломоносову за его просьбы о вице-президентствѣ, безъ сомнѣнія, угрожаетъ сильное нападеніе отъ его отдаленныхъ потомковъ, привыкшихъ неохотно признавать великое въ своемъ прошедшемъ, или равнодушно относиться къ нему, и уже посыпались упреки на его *безмѣрное* честолюбіе; но эти упреки не соображены ни съ духомъ того времени, ни съ тогдашнимъ составомъ членовъ академіи, ни съ отношеніемъ его къ этому составу, ни съ личнымъ характеромъ Ломоносова, ни съ тѣми заслугами его наукѣ, литературѣ и языку, какія дѣйствительно могли породить въ немъ высокое сознаніе о своихъ достоинствахъ, о своемъ значеніи для русскаго просвѣщенія. Мы видѣли уже, что Ломоносовъ просилъ Шувалова о предоставленіи ему этого званія еще въ 1754 году; извѣстно, что высокое понятіе Ломоносова о положеніи ученыхъ и о возведеніи ихъ за ученыя заслуги въ высокія званія (во фрейгеры и бароны) опредѣлительно высказано и во Всенижайшемъ мнѣніи, которое и издатель Матеріаловъ относитъ къ 1755 году. Кромѣ того, вооружаясь противъ послѣдняго пункта прежняго устава, Ломоносовъ требуетъ, чтобы предписаны были точные и обстоятельные предѣлы, до которыхъ главные командиры въ *нечаянныхъ* (въ черновой «Очерковъ» — *потребныхъ*, стр. 54) приключеніяхъ

Digitized by Google

отмѣну чинить могутъ, и что съ общаго членовъ согласія, что сами собою (Матер., стр. 445). Равнымъ образомъ и составъ канцеляріи, проектируемый Ломоносовымъ, такого свойства, что способенъ предохранить академію отъ того самовластія, какимъ она надѣлена прежнимъ уставомъ, хотя такое самовластіе подрывалось само собою назначеніемъ вице-президента: Ломоносовъ вводитъ въ канцелярію проректора университета, старшаго академика, инспектора гимназіи, библіотекаря и эконома изъ профессоровъ. Можно, конечно, предполагать, что при такомъ составѣ то-же самовластіе перейдетъ къ вице-президенту, но во всякомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы вице-президентъ, избираемый изъ среды ученыхъ академиковъ, упустилъ изъ виду интересы науки, опуталъ ученую дѣятельность канцелярскими формальностями и далъ затеряться существенному назначенію академіи въ личныхъ матеріальныхъ интересахъ и мелочныхъ экономическихъ разсчетахъ. Два секретаря — одинъ по наукамъ, другой по экономіи, по проекту Ломоносова, поставлены въ совершенно подчиненное положеніе.

Въ своемъ проектѣ Ломоносовъ не могъ, разумѣется, не обратить вниманія на весьма важный недостатокъ современнаго ему состоянія академіи, объясняемый самовластіемъ канцеляріи, и состоявшій въ неравномѣрномъ распредѣленіи академическихъ средствъ по отдѣльнымъ частямъ. Изъ приведенной выше выписки можно видѣть, что на долю ученой и учебной частей, со включеніемъ библіотеки, приходилось только 20 тыс., между тѣмъ какъ остальныя 33 тыс., вмѣстѣ съ весьма значительною суммой отъ продажи книгъ и инструментовъ, шли на канцелярію и на художества, отъ чего академія, по словамъ Ломоносова, была подобна нѣкоторому безобразному тѣлу, которое отъ болѣзни, неравное питаніе членовъ производящей, имѣетъ

Digitized by Google

тѣ части больше и тучнѣе, которыя въ здравомъ состояніи должны быть равны или меньше. Эту неравномѣрность распредѣленія академическихъ средствъ, т. е. поглощеніе наибольшей части послѣднихъ канцеляріей и художествами, Ломоносовъ старается устранить и поднять матеріальныя средства существенныхъ частей академіи — ученой и учебной; это ясно видно изъ проектируемаго имъ состава академическаго собранія и университета, который получилъ теперь и большіе размѣры и болѣе правильное и опредѣлительное разграниченіе. По отношенію къ существенному составу академіи, проектъ представляетъ, безспорно, весьма важный шагъ впередъ, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, утвержденнымъ уставомъ 1747 года[1]: по проекту, академическое собраніе должно состоять изъ 3-хъ классовъ: математическаго, физическаго и историческаго, и каждый классъ — изъ трехъ ординарныхъ академиковъ; кромѣ того, для каждаго класса назначается по одному экстраординарному академику и одному адъюнкту для каждой профессіи; науки юридическаго, медицинскаго и, такъ называемаго, философскаго факультетовъ не

[1] Какъ безпорядочно составлено академическое собраніе по этому уставу, соображавшему только существовавшій тогда наличный составъ членовъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Ломоносова: «не смотрѣлъ сочинитель устава на примѣры другихъ академій, а больше всего: 1) въ расположеніи академическихъ классовъ, которое не токмо съ чужестранными академіями не сходно, но и здравому разсужденію противно, и ясно показываетъ незнаніе его въ наукахъ; ибо въ астрономическомъ положенъ калкуляторъ, котораго имени въ другихъ академіяхъ не слыхано; физическій классъ раздѣленъ на два — на физической и физико-математической, яко бы астрономія также въ математикѣ купно и въ физикѣ участія не имѣла, равно какъ механика; для алгебраиста одного цѣлый классъ сдѣланъ (Матер. 449).

Digitized by Google

нашли себѣ мѣста въ академическомъ собраніи, а отчислены къ университету. Такая организація состава академическаго собранія и распредѣленіе наукъ между имъ и университетомъ прямо объясняется примѣромъ другихъ европейскихъ академій, дѣйствительно состоявшихъ въ то время изъ представителей физическихъ и математическихъ наукъ, и европейскихъ университетовъ, заключавшихъ въ себѣ именно тотъ составъ факультетовъ и ихъ наукъ, какой опредѣляется проектомъ (кромѣ богословскаго факультета, который отчисляется Ломоносовымъ въ вѣденіе святѣйшаго синода).

Не касаясь, въ настоящемъ случаѣ, университета и гимназіи, такъ-какъ намъ скоро придется говорить о нихъ особо, мы должны замѣтить, что проектъ установляетъ общее распредѣленіе наукъ, согласное съ господствовавшимъ тогда въ другихъ академіяхъ и совершенно независимое отъ тогдашнихъ обстоятельствъ и тогдашняго наличнаго состава членовъ, чѣмъ устранялась та, узаконенная уставомъ 1747 года, вѣчная выписка ученыхъ изъ-за границы, которая болѣе всего возмущала патріотическое чувство Ломоносова. Онъ, какъ извѣстно, вовсе не былъ предубѣжденъ противъ иностранныхъ ученыхъ и вовсе не былъ зараженъ національною исключительностію; но его возмущало узаконеніе этой выписки уставомъ, который, по его мнѣнію, «долженъ имѣть свою силу и быть приличнымъ во всякомъ будущемъ времени, и во всѣхъ обстоятельствахъ стоять непремѣненъ», узаконеніе уставомъ академической обстановки, точно приспособленной именно къ тогдашнему случайному составу членовъ: «вредительнѣе всего и поносительнѣе россійскому народу, говоритъ Ломоносовъ, что сочинитель въ должныхъ постоянными быть россійскихъ государственныхъ узаконеніяхъ положилъ быть многимъ иностраннымъ въ профессорахъ и въ дру-

Digitized by Google

гихъ должностяхъ, и тѣмъ далъ поводъ рассуждать о насъ въ другихъ государствахъ, яко бы не было надежды вездѣ имѣть своихъ природныхъ россіянъ въ профессорахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ должностяхъ за тѣмъ что смотрѣлъ на настоящее только. А основательные законы служить должны въ будущіе роды» (447). Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться съ Ломоносовымъ, что узаконеніе уставомъ положенія адъюнктовъ въ качествѣ переводчиковъ при иностранныхъ профессорахъ, перевода книгъ профессорскихъ, иностранныхъ канцеляристовъ и проч. можно объяснять, на-оборотъ, только нѣмецкою національною исключительностію. Кромѣ того, проектируемый Ломоносовымъ составъ академическаго собранія, по которому для каждой науки назначаются два спеціалиста (ординарный академикъ и адъюнктъ), а иногда три (экстраординарный академикъ), устраняетъ и другой весьма важный недостатокъ прежняго порядка, по которому каждая наука имѣла только одного представителя. Что послѣдній порядокъ дѣйствительно вреденъ для успѣховъ науки, это понятно само собою, и Ломоносовъ неоднократно указывалъ на него. «Разсужденія быть общія не могутъ, говоритъ онъ во Всенижайшемъ мнѣніи, ежели о достоинствѣ изобрѣтенія одинъ только знаніе имѣетъ. Напримѣръ во всемъ собраніи только одинъ ботаникъ, слѣдовательно, что онъ ни предложитъ, то должно разсудить за благо, какъ бы оно худо ни было: за-тѣмъ что одинъ только ботаникъ разумѣетъ. Слѣдовательно и собранія академиковъ тщетны. И такъ въ другихъ академіяхъ каждая профессія имѣетъ въ одной наукѣ двухъ или трехъ искусныхъ. Чего въ новомъ регламентѣ отнюдь не упомянуто, и ни самаго дѣла, ниже примѣровъ въ разсужденіе не принято»[1]. Съ этою-же цѣлью, во-

[1] «Очерки Россіи» *Пассека*. Кн. 2-я, стр. 63.

Digitized by Google

преки прежнему уставу, Ломоносовъ заботился о союзѣ наукъ, о нужномъ сношеніи и дружбѣ ученыхъ членовъ академіи, ясно понимая значеніе науки въ совокупности ея развѣтвленій, особенно сродныхъ между собою знаній. «Вольность и союзность наукъ, говоритъ онъ, необходимо требуютъ взаимнаго сообщенія и беззавистнаго позволенія въ томъ, что кто знаетъ, упражняться. Слѣпъ физикъ безъ математики, сухорукъ безъ химіи. И такъ, ежели онъ своихъ глазъ и рукъ не имѣетъ, у другихъ заимствовать долженъ; однако свои чужихъ лучше и нельзя запретить ихъ употребленіе» (Стр. 449). Что Ломоносовъ именно имѣлъ этотъ возвышенный, философскій взглядъ на науку, свободный отъ господствовавшей тогда рутины, доказательствомъ, кромѣ его ученыхъ трудовъ, служатъ неоднократные отзывы о немъ Эйлера.

Этой общей характеристики проекта совершенно достаточно, чтобы понять всѣ преимущества его предъ прежнимъ уставомъ, чтобы убѣдиться, что онъ былъ дѣломъ человѣка, преданнаго наукѣ, глубоко понимавшаго науку и пламенно желавшаго возвратить академію, далеко уклонившуюся отъ своего назначенія, на путь, указанный ея основателемъ. Со всѣми общими соображеніями Ломоносова, заключающимися во 2-й главѣ 2 й части проекта (Матер., стр. 444 — 450), нельзя не согласиться, за исключеніемъ развѣ статьи о профессорскихъ рангахъ, хотя возвышеніе положенія профессоровъ, по мнѣнію Ломоносова, необходимо было для того, чтобы было *одобреніе ученію*. Мы не будемъ касаться здѣсь въ частности полемическаго отдѣла проекта, направленнаго противъ канцеляріи и устава 1747 года, такъ-какъ читатель изъ предшествующаго изложенія могъ ознакомиться съ большею частію обыкновенно указываемыхъ имъ злоупотребленій

Digitized by Google

и безпорядковъ. Злоупотребленія и безпорядки изображены здѣсь такъ убѣдительно и рѣзко, что самое слѣпое пристрастіе къ канцеляріи и личности Шумахера не можетъ не остановиться на нихъ и не задуматься. Ловко сгруппированные факты, конечно, справедливы и здѣсь, потому что нельзя же въ оффиціальномъ документѣ представлять ложные или придуманные факты. Нельзя при этомъ не высказать твердаго убѣжденія, что послѣдовавшее, недолго спустя, назначеніе Ломоносова въ канцелярію и порученіе его вѣденію университета и гимназіи во многомъ должны объясняться вліяніемъ этого документа.

Digitized by Google

3. ЛОМОНОСОВЪ ЧЛЕНЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРІИ

И ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ МИЛЛЕРУ И ШЛЕЦЕРУ.

Дѣйствительно, не прошло и двухъ лѣтъ послѣ окончанія дѣла о пересмотрѣ академическаго регламента, Ломоносовъ назначается членомъ академической канцеляріи. Изъ бумагъ за предшествовавшіе два года не видно ничего, что могло бы непосредственно вызвать это назначеніе. Мы объясняемъ его прежде всего сильнымъ вліяніемъ полемическаго отдѣла проекта, убѣдительностію и наглядностію изображенія академическихъ злоупотребленій и безпорядковъ. Въ приказѣ президента, отъ 13 февраля 1757 г., данномъ по случаю отъѣзда его въ Малороссію, назначеніе это мотивируется дряхлостію и старостію Шумахера, чтобы, въ случаѣ его болѣзни, «академическая канцелярія праздна не осталась, а паче всего въ порядочномъ теченіи дѣлъ остановки не воспослѣдовало, и надъ всѣми академическими департаментами могло быть всегдашнее доброе смотрѣніе» (Матер., стр. 317).

И такъ, спустя почти двѣнадцать лѣтъ послѣ опредѣленія профессоромъ, Ломоносовъ пробрался въ ненавистную ему канцелярію, получилъ право не только обсуждать ученые и учебные вопросы, но и рѣшать, вмѣстѣ съ Шумахеромъ и Таубертомъ, всѣ дѣла по общему управленію всей академіи. Послѣ профессуры это было дѣйствительно первое видное оффиціальное воз-

Digitized by Google

вышеніе Ломоносова и, безъ сомнѣнія, онъ очень доволенъ былъ этимъ назначеніемъ. Но въ то-же время онъ долженъ былъ понимать, что оно-же налагало на него весьма серьезныя обязанности, что оно будетъ пробнымъ камнемъ его административной способности; онъ долженъ былъ доказать и президенту, и друзьямъ и врагамъ, что онъ не только способенъ выставлять напоказъ и обличать безпорядки и злоупотребленія, но и искоренять ихъ и вести дѣла разумно и честно. Это назначеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, давало ему возможность еще ближе и внимательнѣе всмотрѣться въ академическую администрацію и запастись новыми и документальными доказательствами необходимости радикальнаго исправленія академіи наукъ. Вообще положеніе Ломоносова въ академіи до сихъ поръ и вся предшествующая его дѣятельность, на-сколько она выходитъ изъ предѣловъ его ученыхъ занятій, возбуждаютъ въ читателѣ изданныхъ теперь Матеріаловъ особенный интерессъ къ его участію въ общемъ управленіи академіей.

Изъ обозрѣнія дѣятельности Ломоносова въ канцеляріи въ продолженіе съ небольшимъ года, до порученія въ его вѣдѣніе ученыхъ и учебныхъ учрежденій академіи, при самомъ строгомъ безпристрастіи, должно заключать, что онъ вполнѣ понималъ свое положеніе, что дѣятельность эта была весьма энергическая и направлена на искорененіе господствовавшихъ въ канцеляріи безпорядковъ и на дѣйствительную пользу академіи.

Необходимо прежде всего обратить вниманіе на инструкцію, которую оставилъ канцеляріи президентъ, отъѣзжая въ Малороссію, и въ которой, по нашему мнѣнію, нельзя не замѣтить слѣдовъ внушеній Ломоносова, такъ-какъ не видно подобныхъ инструкцій при прежнихъ отъѣздахъ президента и такъ-какъ большая ея часть направлена на учебныя учрежденія академіи

Digitized by Google

(Матер. 317—319). Весьма вѣроятно, что Ломоносовъ предварительно озаботился сообщить своимъ послѣдующимъ распоряженіямъ въ канцеляріи больше силы и значенія. Въ этой инструкціи обращено особенное вниманіе на гимназію. Такое преимущественное вниманіе къ гимназіи: точныя и подробныя предписанія объ исполненіи учителями ихъ обязанностей, требованіе въ канцелярію списка учителей, съ показаніемъ времени и содержанія ихъ занятій въ гимназіи, свѣденій о числѣ учениковъ съ ихъ аттестаціей, распредѣленія часовъ для учебныхъ занятій, копій со всѣхъ инструкцій, данныхъ когда-либо гимназіи, съ собственными указаніями инспектора на ея недостатки и соображеніями объ исправленіи послѣднихъ, наконецъ повелѣніе разсмотрѣть прежній регламентъ гимназіи, немедленно исправить его и прислать президенту на утвержденіе, — очевидно, доказываетъ, съ одной стороны, весьма сильное разстройство и безпорядочное состояніе гимназіи, на что и прежде неоднократно указывалъ Ломоносовъ, съ другой — твердое и рѣшительное намѣреніе послѣдняго приняться за исправленіе этого учрежденія, которое онъ справедливо почиталъ основаніемъ всего учебнаго зданія. Ломоносовъ, по всей вѣроятности, старался внушить президенту и теперь, что заботливость объ академіи прежде всего должна быть обращена на интересы науки и обученія, въ которыхъ заключаются ея задача и цѣль и на которые, слѣдовательно, должна быть обращена главная дѣятельность самой канцеляріи. Внушенія эти, какъ извѣстно, не остались безъ послѣдствій: прошелъ послѣ того съ небольшимъ годъ — и Ломоносовъ получилъ въ свое вѣденіе всѣ ученыя и учебныя учрежденія академіи. Инструкція требуетъ также, чтобы, по окончаніи каждаго мѣсяца, изъ всѣхъ академическихъ департаментовъ подавали въ канцелярію обстоятельные рапорты обо всемъ, что

Digitized by Google

въ нихъ происходило; не забыто въ ней и старое распоряженіе президента, едва не разстроившее поѣздку Ломоносова въ Москву въ 1753 г., чтобы никто изъ служащихъ при академіи не обращался прямо къ президенту, помимо канцеляріи.

Изъ этой инструкціи, а равно изъ нѣкоторыхъ послѣдующихъ его распоряженій, легко можетъ быть выведено заключеніе, что Ломоносовъ, такъ часто и горько жаловавшійся на самовластіе канцеляріи, поступая въ нее, прежде всего позаботился укрѣпить власть канцеляріи и обезпечить безусловную покорность ей всѣхъ служащихъ при академіи, готовый самъ тотчасъ-же стать въ позицію Шумахера. Не отвергая вовсе честолюбивыхъ стремленій Ломоносова, недостаточности его коллегіальной выдержки и готовности подъ-часъ распорядиться по усмотрѣнію, мы замѣтимъ, что такое заключеніе, говоря вообще, едва-ли будетъ вполнѣ справедливо. Ломоносовъ самъ неоднократно высказывался о необходимости освободить профессоровъ отъ самовластія канцеляріи и отъ ненавистнаго для нихъ ея вмѣшательства въ ученую и учебную дѣятельность; о томъ же хлопотали всѣ профессоры, хоть сколько-нибудь дорожившіе своею самостоятельностію; припомнимъ, что еще въ 1742 г. профессоръ Вейтбрехтъ выразился весьма опредѣлительно, что «канцелярія — хвостъ, а конференція профессорская — глава академіи наукъ» (Матер., стр. 18). Но дѣло въ томъ, что канцелярія, до поступленія въ нее Ломоносова, вполнѣ сохранила свою силу и власть надъ всею академіей, что тогда вовсе не время было думать о какихъ-нибудь радикальныхъ перемѣнахъ; Ломоносову нужно было спѣшить воспользоваться предоставленною ему властью, въ продолжительности которой, вѣроятно, онъ и самъ не былъ увѣренъ, закрѣпить ее за собою, чтобы обезпечить успѣхъ самонужнѣйшихъ исправленій и улучшеній и чтобы доказать свою

Digitized by Google

способность къ утвержденію лучшаго порядка. Всего болѣе потребности въ исправленіяхъ онъ видѣлъ въ гимназіи; но онъ въ то-же время зналъ, что канцелярія обыкновенно съ особенною неохотой обращается къ учебной части, предвидѣлъ противодѣйствіе и замедленіе, а потому спѣшилъ обязать ее инструкціей президента содѣйствовать его мѣрамъ къ исправленію гимназіи. Распоряженіе о ежемѣсячныхъ рапортахъ въ канцелярію изъ всѣхъ академическихъ департаментовъ также было весьма полезно Ломоносову, такъ-какъ эти рапорты, на основаніи инструкціи, безъ непріятной докучливости съ его стороны, во всякое время позволяли ему входить въ положеніе всѣхъ частей академіи и принимать мѣры къ ихъ исправленію и улучшенію.

Опираясь на эту инструкцію, въ-слѣдъ за отъѣздомъ президента, Ломоносовъ, какъ оказывается по документамъ, начинаетъ весьма энергически распоряжаться въ канцеляріи по всѣмъ частямъ академическаго управленія — ученой, учебной, административной и экономической: дѣлаетъ замѣчанія и выговоры, издаетъ приказы, составляетъ проекты и наконецъ представляетъ президенту отдѣльную записку объ академическихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ.

По его, разумѣется, распоряженію, канцелярія особымъ ордеромъ дѣлаетъ строгое внушеніе его преемнику по профессорству, Зальхову, чтобы онъ «свои ученыя разысканія въ химіи употреблялъ больше на такія вещи, кои натурою производятся въ предѣлахъ Россійской имперіи и изъ которыхъ бы народу впредь польза быть могла, нежели какія объявлены въ поданной имъ запискѣ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ» (Матер., стр. 319). Въ мартѣ 1758 г., канцелярія возвратила въ конференцію отчеты профессоровъ о ихъ трудахъ за истекшій и текущій годы, какъ составленные не по формѣ (minus decenter scriptæ). Это былъ по видимому, первый примѣръ такой

Digitized by Google

канцелярской взыскательности въ этомъ отношеніи, потому что конференція опредѣлила: такъ-какъ ни академическимъ уставомъ, ни прежними указами канцеляріи не установлено формы для отчетовъ, которые всегда представлялись въ принятой и теперь формѣ и принимаемы были канцеляріей безъ возраженій, то конференція не считаетъ нужнымъ дѣлать какія-либо измѣненія; если же канцелярія требуетъ новой формы, то для этого не достаточно устнаго заявленія писца. Возвращенные отчеты положено хранить въ академическомъ архивѣ (Матер., стр. 366).

Интересенъ указъ канцеляріи инспектору гимназіи Модераху, составленный на основаніи инструкціи, но съ нѣкоторыми дополненіями, принадлежащими, очевидно, Ломоносову: предписывая особо назначенному для того педелю отмѣчать *приходы* и *выходы* учителей, указъ дополняетъ, чтобы они не отговаривались незнаніемъ времени или часовъ, а равно опасностію перехода на Васильевскій островъ при вскрытіи рѣки и когда ледъ станетъ; педелю предписывается также безпрестанно переходить изъ класса въ классъ, для наблюденія за поведеніемъ учениковъ въ классахъ. Объ упомянутыхъ выше спискахъ учителей и учениковъ, копій съ инструкцій, также и собственныхъ соображеній инспектора о недостаткахъ гимназіи — вовсе не говорится въ указѣ. Замѣчательно, что слѣдующее внушеніе, отличающееся особенною рѣзкостію тона, исключено изъ отправленнаго инспектору указа, хотя и осталось въ черновомъ: «есть ли тобою учинена будетъ въ томъ какая понаровка, или упущеніе, и канцелярія о томъ увѣдаетъ, то всякой вычетъ, которой бы по силѣ генеральнаго регламента за прогулку дней часовъ надлежало учинить у учителя, учиненъ будетъ изъ твоего жалованья, не принимая никакого оправданія» (Матер., 320). Видно, что канцелярія не согласилась на помѣщеніе этого внушенія. Вообще изъ этого указа можно заключить,

Digitized by Google

съ одной стороны, о крайне небрежномъ отношеніи гимназическихъ учителей къ своимъ обязанностямъ, съ другой — о наклонности Ломоносова къ крутымъ мѣрамъ, безъ всякаго стѣсненія въ ихъ выраженіи. Тотъ-же инспекторъ Модерахъ получилъ строгій выговоръ канцеляріи за дурное содержаніе академическихъ студентовъ. Ломоносовъ самъ ѣздилъ въ гимназію для осмотра (8 окт. 1757) и нашелъ, что студенты жительство имѣютъ въ крайней нечистотѣ и содержатъ себя въ непорядкѣ (Матер. 349): канцелярія особымъ ордеромъ дала знать инспектору, что если впредь усмотрѣна будетъ небрежность въ содержаніи студентовъ, то онъ имѣетъ штрафованъ быть вычетомъ изъ жалованья.

По изданнымъ теперь матеріаламъ не возможно съ достаточною точностію прослѣдить отношенія Ломоносова къ Модераху и опредѣлить, вполнѣ ли справедливы были донесенія Ломоносова и не скрывается ли въ нихъ причины личныхъ неудовольствій. Кажется, нельзя сомнѣваться, что, по-крайней-мѣрѣ до половины 1759 г., эти отношенія были благопріятны, потому что въ началѣ этого года (11 февр. 1759 г.) Модерахъ возведенъ канцеляріей, помимо конференціи, въ профессоры исторіи въ университетъ, съ правами академическихъ профессоровъ и съ причисленіемъ къ историческому собранію (379), а въ іюлѣ того-же года Ломоносовъ рекомендовалъ его Шувалову для переводовъ и экстрактовъ съ русскаго на французскій, какъ извѣстнаго ему, искуснаго во французскомъ языкѣ и русскій языкъ основательно знающаго. Такую рекомендацію могъ дать Ломоносовъ только при добромъ расположеніи къ Модераху, потому что нельзя отрицать, что вообще личныя отношенія имѣли весьма сильное вліяніе на его отзывы.

Что касается до производства Модераха въ профессоры, то оно въ томъ видѣ, въ какомъ является въ Матеріалахъ, дѣйствительно представляется дѣломъ необычайнымъ и обнаружи-

Digitized by Google

вающимъ, съ одной стороны, полное пренебреженіе правъ профессорской конференціи и закономъ установленныхъ, и притомъ существенно необходимыхъ, формъ, а съ другой — явное самовластіе Ломоносова, потому что безспорно это производство было его дѣломъ[1]. Такъ и понялъ это дѣло издатель Матеріаловъ, и въ его замѣчаніяхъ заключается прямое обвиненіе Ломоносова въ крайнемъ самовластіи и даже въ безпримѣрномъ злоупотребленіи власти. Съ своей стороны, считаемъ долгомъ замѣтить, что такой рѣшительный приговоръ едва-ли можно допустить, по крайней отрывочности извѣстій и по отсутствію подробностей объ этомъ производствѣ въ бумагахъ конференціи. Неужели такое безпримѣрное отступленіе отъ обычнаго порядка, и притомъ совершенное Ломоносовымъ, могло не только не возбудить протеста со стороны конференціи, оскорбленной въ самомъ существенномъ своемъ правѣ, но и не вызвать даже никакого замѣчанія со стороны того или другаго профессора, которое бы сохранилось въ протоколахъ? Что въ тотъ день, когда Ломоносовъ ввелъ Модераха въ историческое собраніе, въ послѣднемъ никого не было кромѣ секретаря — обстоятельство не важное, потому что такія историческія *собранія* были нерѣдки. Страдательное и безъотвѣтное положеніе конференціи въ настоящемъ случаѣ нельзя объяснять ни личностью Модераха, ни его національностію: въ ученомъ отношеніи онъ не имѣлъ никакихъ заслугъ, а какъ нѣ-

[1] 10 марта въ протоколѣ историческаго собранія записано: «въ собраніи не было никого кромѣ секретаря. Ломоносовъ ввелъ новаго профессора и члена этого собранія» (381). Впрочемъ, этотъ случай не безпримѣрный: Миллеръ, даже вопреки отрицательному опредѣленію профессорской конференціи, единственно по представленію Шумахера, произведенъ въ профессоры президентомъ Блюментростомъ (Кратк. ист. акад. канц., стр. 051).

Digitized by Google

мецъ, могъ быть избранъ конференціей въ профессоры, хотя-бы и по иниціативѣ канцеляріи; но ни то, ни другое не отнимало у конференціи права на рѣзкій протестъ противъ произвола и своеволія Ломоносова. Можетъ быть, такой протестъ или вообще свѣдѣнія, поясняющія это дѣло, и находятся въ академическомъ архивѣ, но не отысканы. Замѣчательно, что даже фактъ производства Модераха зашелъ въ Матеріалы не въ подлинной канцелярской формѣ (чего не рѣдко удостоиваются совершенно пустые факты), а переданъ словами издателя, который, слѣдовательно, не придавалъ ему особенной важности, хотя не затруднился произнести тяжкій приговоръ противъ Ломоносова. Не объясняется ли производство Модераха его положеніемъ при университетѣ и гимназіи, желаніемъ Ломоносова, завѣдывавшаго въ то время этими учрежденіями, возвысить тѣмъ его значеніе и авторитетъ? На это предположеніе невольно наводитъ слѣдующее мѣсто въ канцелярскомъ актѣ увольненія Модераха отъ должности инспектора: «понеже оному Модераху единственно для того профессорство дано съ дипломомъ, чтобы стараться о добромъ содержаніи студентовъ и гимназистовъ и уволенъ для того отъ чтенія лекцій и сверхъ того отъ всѣхъ поправокъ переводовъ, дабы ему въ смотрѣніи учащихъ и молодыхъ учащихся не было никакого препятствія» (Матер., стр. 510). Если дѣйствительно такова была цѣль производства, внѣшняя и сторонняя, вовсе не нуждавшаяся въ оцѣнкѣ конференціей ученыхъ заслугъ и достоинствъ Модераха (которыхъ и не было), если профессура его была только номинальная, то отношеніе Ломоносова къ этому производству должно, конечно, понимать совершенно иначе, чѣмъ какъ оно понято издателемъ. Изъ послѣдующихъ протоколовъ конференціи вовсе не видно участія Модераха въ ученой дѣятельности профессоровъ; его имя встрѣчается нѣсколько разъ въ

Digitized by Google

изданныхъ теперь Матеріалахъ — и каждый разъ въ непосредственномъ отношеніи къ гимназіи.

Какъ бы то ни было, изъ производства Модераха въ профессоры и рекомендаціи его Шувалову можно съ достовѣрностію заключать, что отношенія между имъ и Ломоносовымъ, до половины 1759 г., не имѣли въ себѣ ничего враждебнаго и что, слѣдовательно, приведенныя выше распоряженія Ломоносова относительно университета и гимназіи вовсе не должно объяснять личною непріязнью, а дѣйствительною заботливостію его объ учебныхъ учрежденіяхъ академіи и плохимъ ихъ состояніемъ, требовавшимъ скорыхъ и строгихъ мѣръ и настойчивости въ ихъ выполненіи. Такое заключеніе важно и для правильнаго взгляда на послѣдующія распоряженія Ломоносова, направленныя прямо противъ Модераха и окончившіяся увольненіемъ его отъ должности инспектора.

Другой вопросъ, были ли строго соображены мѣры Ломоносова, направленныя противъ гимназіи и лично противъ Модераха, съ матеріальными средствами гимназіи того времени и съ ихъ расходованіемъ, отъ одного ли Модераха зависѣло плохое состояніе университета и гимназіи и крайне бѣдное содержаніе гимназистовъ и студентовъ? При настоящемъ положеніи извѣстій о матеріальной сторонѣ академическихъ учебныхъ учрежденій, на этотъ вопросъ нельзя дать точнаго отвѣта. Извѣстно только, что Ломоносовъ самъ неоднократно жаловался на недостаточность суммъ, отпускаемыхъ на университетъ и гимназію; извѣстно, что уставомъ на гимназиста полагалось 30 руб. въ годъ, и эту сумму Модерахъ въ 1760 г., при возвышеніи цѣнъ на предметы продовольствія, находилъ крайне недостаточною и неудовлетворяющею самымъ необходимымъ потребностямъ (413); извѣстно, что въ февралѣ 1760 г., по представленію Ломоносова, общая сумма

Digitized by Google

на содержаніе университета и гимназіи увеличена почти на 5,000 руб. (стр. 428). Къ этому необходимо присоединить тѣ задержки и замедленія, какія Модерахъ нерѣдко долженъ былъ испытывать, при полученіи денегъ изъ канцеляріи: «совѣтникъ Таубертъ, говоритъ Ломоносовъ, имѣя казну отъ книжной лавки подъ своимъ вѣденіемъ и печатью, съ великимъ затрудненіемъ давалъ на университетъ и гимназію, когда статной казны въ наличествѣ у комисарства не было» (Матер., 078).

Въ первый-же годъ, послѣ опредѣленія членомъ канцеляріи, Ломоносовъ обратилъ вниманіе и на экономическую сторону академическаго управленія. Слѣды этого вниманія сохранились въ двухъ его проектахъ, поданныхъ имъ въ томъ-же 1757 году — проектѣ торговаго академическаго предпріятія и оптовой покупки матеріаловъ. Оба проекта, кромѣ непосредственной экономической выгоды, направлены преимущественно къ тому, чтобы безпрепятственно и съ большимъ удобствомъ развивались науки и художества въ академіи, чтобы упрощеніемъ и обобщеніемъ экономической операціи сберечь время и трудъ, растрачиваемые на мелочные хлопоты по хозяйственной части.

Не касаясь практической стороны перваго проекта, должно согласиться, что оба они, и по мысли и по цѣли, захватываютъ самую существенную сторону дѣла и имѣютъ, очевидно, въ виду привести въ надлежащіе предѣлы экономическую часть академіи, слишкомъ развившуюся на счетъ другихъ, существенныхъ частей, и въ ущербъ имъ. Эта мысль постоянно занимала Ломоносова и онъ неоднократно и весьма энергически указывалъ на нее и прежде и послѣ. Ломоносовъ справедливо видѣлъ причину такого излишняго развитія экономической части въ преобладаніи канцеляріи и въ завѣдываніи ею людьми, имѣвшими весьма легкое и поверхностное понятіе объ интересахъ науки и, кромѣ личныхъ

Digitized by Google

матеріальныхъ разсчетовъ, старавшимися расплодить канцелярское дѣлопроизводство, между прочимъ, и для того, чтобы нагляднѣе выставить въ глазахъ начальства пользу и необходимость ихъ преобладающаго положенія въ академіи, такъ-какъ ихъ искусственно преувеличенная дѣятельность, приведенная въ надлежащіе предѣлы, естественно должна была казаться весьма ограниченною.

Первый проектъ (334—337), перечисливъ всѣ неудобства и вредъ, особенно въ ученомъ и учебномъ отношеніяхъ, происходящіе отъ разбросанныхъ по всему городу и большею частію отдаленныхъ отъ академіи помѣщеній профессоровъ, учениковъ и вообще всѣхъ служащихъ при академіи, предлагаетъ «соединить всѣ академическіе департаменты въ одинъ корпусъ и всѣхъ служащихъ въ одно зданіе, по примѣру шляхетнаго кадетскаго корпуса, устроить для этой цѣли кирпичный заводъ и пильную мельницу, разсчитывая извлекать изъ послѣднихъ выгоды и послѣ окончанія построекъ. Это представленіе, какъ видно, обратило на себя вниманіе президента, который, въ присутствіи канцеляріи (16 марта 1758 г.), «приказалъ сочинить планъ палатамъ какъ для департаментовъ, такъ и для служителей, а также исчисленіе, сколько на тѣ палаты потребно суммы». Дальнѣйшихъ слѣдовъ движенія дѣла по этому проекту въ Матеріалахъ не оказывается: по непрактичности ли его, по недостатку ли средствъ, или по оппозиціи остальныхъ членовъ канцеляріи, — неизвѣстно.

Экономическія выгоды, а также удобства въ ученомъ и учебномъ отношеніяхъ, предлагаемыя другимъ проектомъ — объ оптовой покупкѣ матеріаловъ на годъ, по каждому отдѣленію или департаменту академіи, согласно съ ихъ представленіями (стр. 357), понятны сами собою и не нуждаются въ объясненіи. Для вывода средней цифры расхода по каждому отдѣленію, онъ требуетъ въ канцелярію отчетовъ за пять прошедшихъ лѣтъ, а также еже-

Digitized by Google

годныхъ отчетовъ (инвентарій) объ остающихся, по истеченіи года, матеріалахъ. И по этому дѣлу дальнѣйшихъ свѣдѣній въ Матеріалахъ не оказывается; извѣстно только, что уже въ апр. 1762 года затребована изъ канцеляріи справка по этому дѣлу, по которой оказалось, что «инвентари сочинены, но дальнѣйшаго разсмотрѣнія по нимъ не было».

Наконецъ, не прошло еще и года (съ не большимъ 10 мѣсяцевъ) послѣ опредѣленія Ломоносова членомъ канцеляріи, какъ онъ представляетъ президенту свои общія наблюденія и соображенія «объ излишествахъ, недостаткахъ и замѣшательствахъ въ академіи» (359—362). Большая часть этихъ излишествъ и недостатковъ уже извѣстны читателю, а также и средства для ихъ устраненія, въ числѣ которыхъ важное мѣсто занимаютъ два приведенные проекта. Изъ этой записки узнаемъ, что отдѣленіе художествъ занималось, между прочимъ, дѣланіемъ штемпелей и печатокъ на продажу, «что, говорилъ Ломоносовъ, въ академіи художествъ также нужно, какъ ткать парчи или плесть кружева», приготовленіемъ также на продажу математическихъ инструментовъ, тогда-какъ, для размноженія русскихъ книгъ, не доставало становъ и переводчиковъ и особенно русскаго собранія; узнаемъ также, что университетъ и гимназія въ самомъ плохомъ состояніи, да и тѣ хотятъ совсѣмъ уничтожить и «все, до нихъ надлежащее, уступить московскому университету», что отчетности по отдѣльнымъ департаментамъ почти никакой нѣтъ и т. д. И здѣсь Ломоносовъ указываетъ, какъ на главное средство исправленія университета и гимназіи, на составленіе для нихъ регламентовъ, а также инструкцій для всѣхъ прочихъ департаментовъ. Не забыто здѣсь и другое средство для исправленія академіи, на которое указывалъ онъ и прежде: назначеніе вице-президента, по примѣру другихъ командъ.

Digitized by Google

Такова была, въ главныхъ чертахъ, годичная дѣятельность Ломоносова въ канцеляріи. Она говоритъ сама за себя. Во всякомъ случаѣ даже такое краткое ея обозрѣніе можетъ подтвердить ту мысль, что онъ понималъ свое положеніе, доказалъ свою способность заправлять академическою администраціей и экономіей не хуже нѣмцевъ и, безъ сомнѣнія, своею распорядительностію и представленіями успѣлъ убѣдить президента въ необходимости безотлагательно предпринять рѣшительныя и радикальныя мѣры къ исправленію академіи наукъ во всѣхъ ея частяхъ.

Въ этомъ-же году, въ-слѣдъ за отъѣздомъ президента, завязалось весьма спорное и интересное дѣло между канцеляріей, или, лучше сказать, Ломоносовымъ и Миллеромъ, по вопросу о напечатаніи въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ статьи синодальнаго переводчика Полетики: «о началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи». Не входя въ подробности этого дѣла и имѣя въ виду только характеръ участія въ немъ Ломоносова, какъ члена канцеляріи, мы должны сказать, что оно однородно съ другими столь-же спорными его дѣлами: о «Сибирской исторіи» и диссертаціи Миллера «О началѣ Россійскаго народа», объ историческихъ трудахъ Шлёцера и т. п. Всѣ эти дѣла обязаны своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ взгляду Ломоносова на характеръ и значеніе трудовъ по русской исторіи; горячность же и запальчивость спора, происходившее отсюда преувеличеніе дѣла, рѣзкость и часто неприличная грубость выраженій, конечно, во многомъ зависѣли отъ личныхъ отношеній.

Взглядъ этотъ, въ сущности простой и всѣмъ извѣстный, основанный на преувеличенномъ и ложно понятомъ патріотическомъ чувствѣ, состоялъ въ томъ, что исторія народа должна служить средствомъ для прославленія отечества, что она должна изображать знаме-

Digitized by Google

нитыя лица и событія, составляющія честь и славу народа, и для этой цѣли должна пользоваться всѣми средствами ораторскаго краснорѣчія, что слѣдовательно правдивое и объективное изложеніе историческаго событія, несогласнаго съ современными понятіями о чести и нравственности, а также правдивая характеристика историческаго лица, съ указаніемъ на его недостатки или неудачи, считались предосудительными для чести государства, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ разсматривались какъ политическое преступленіе. Понятно, что такой взглядъ на исторію не принадлежалъ лично Ломоносову и находилъ много сторонниковъ въ его время. Даже Карамзинъ весьма опредѣлительно высказываетъ сущность его въ своемъ предисловіи къ «Исторіи государства Россійскаго» и проводитъ его съ замѣчательною послѣдовательностію особенно въ первой половинѣ своего труда; слѣды его можно отыскать даже позднѣе Карамзина. Были, конечно, исключенія въ этомъ отношеніи и въ то время, но общее сознаніе исторической истины и пониманіе истиннаго значенія исторіи развивались весьма медленно и были достояніемъ немногихъ.

Усвоеніе же этого взгляда на исторію Ломоносовымъ объясняется весьма просто. Сколько-нибудь солиднаго и основательнаго историческаго образованія Ломоносовъ не имѣлъ. Русская школа не могла дать ему этого образованія, а за границей онъ не только не имѣлъ времени для историческихъ занятій, но не понималъ ихъ и цѣли для себя; въ то время онъ, конечно, не мало бы удивился, если-бы ему сказали, что ему прійдется писать русскую исторію. Но какъ человѣкъ въ высшей степени любознательный и впечатлительный, чуткій къ интересамъ всякаго знанія, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, онъ и тамъ, за границей, не могъ относиться равнодушно къ тогдашнему литературному движенію, особенно къ такимъ представителямъ этого движенія, ка-

Digitized by Google

кимъ былъ напр. Гюнтеръ, восхищавшій современниковъ и особенно молодое поколѣніе. Господствовавшею же тогда литературною формою, производившею наиболѣе сильное впечатлѣніе на современниковъ, была торжественная ода, очевидно, ложная форма литературной обработки преимущественно современныхъ историческихъ явленій. Какъ сильно было впечатлѣніе на Ломоносова отъ литературныхъ произведеній этого рода, видно изъ его рѣшимости на собственные опыты въ томъ-же родѣ еще за границей [1]. Эта-то ложная литературная форма торжественныхъ и хвалебныхъ одъ съ современнымъ историческимъ содержаніемъ, конечно, прежде всего сложила и опредѣлила его взглядъ на историческія событія и лица; отъ него могло предохранить Ломоносова основательное историческое образованіе, но онъ не имѣлъ его; этимъ взглядомъ опредѣлились общій тонъ и общее направленіе въ изложеніи его «Россійской исторіи». Свѣтлый и глубокій умъ Ломоносова могъ найдтись въ самыхъ сложныхъ историческихъ явленіяхъ, могъ производить надъ ними столь-же точный анализъ, какъ и въ предметахъ физики и химіи, могъ опредѣлять существенное значеніе каждаго историческаго событія и сложной совокупности событій; но онъ не могъ освободиться отъ торжественнаго и хвалебнаго тона и направленія въ историческомъ изложеніи, потому что не могъ усвоить себѣ лучшаго тона и

[1] Въ одномъ изъ рапортовъ его въ академію наукъ, отъ 4 окт. 1738 года, находится весьма замѣчательный реестръ книгъ, купленныхъ имъ за границей: въ немъ, рядомъ съ сочиненіями по физикѣ и химіи, встрѣчаются и Avanture de Telemaque, Gulliver's Reise, Günters Gedichte, Hübner's poëtisches Handbuch, Les poésies d'Anacreon et de Sapho, Martialis epigramata, Selectae Ciceronis orationes, Ovidii et Virgilii opera, Plinii epistolae et panegyricon и др. (Сборн. *Куника*, стр. 131).

Digitized by Google

направленія. Да и трудно было тогда научиться понимать историческую истину. Оттого его Россійская исторія, имѣя весьма важное историческое значеніе и представляя одно изъ краснорѣчивыхъ доказательствъ силы его ума, вовсе не имѣетъ значенія для нашего времени.

Кромѣ того, для генетическаго опредѣленія историческаго взгляда Ломоносова, необходимо имѣть въ виду то участіе, какое приняли въ его образованіи древніе классическіе образцы. Съ этими образцами, какъ извѣстно, познакомила его еще русская школа; еще въ ней онъ успѣлъ пріобрѣсти къ нимъ расположеніе, усилившееся въ-послѣдствіи. Мы видѣли, что въ числѣ книгъ, купленныхъ имъ за границей въ 1738 году на самыя скудныя средства, были рѣчи Цицерона и извѣстный панегирикъ Траяну, который онъ, вѣроятно, перечитывалъ съ большимъ усердіемъ.

Наконецъ, для опредѣленія того-же взгляда, необходимо имѣть въ виду и особенно сильно развитое въ Ломоносовѣ патріотическое чувство вообще. Степень развитія этого чувства обусловливается тогдашнимъ состояніемъ Россіи и личнымъ характеромъ Ломоносова. Россія, только-что начавшая европейскую жизнь, только-что начавшая усвоивать себѣ европейское образованіе, при полномъ отсутствіи точныхъ свѣдѣній о ней, естественно представлялась западу страной непроходимаго мрака, невѣжества и самаго страшнаго деспотизма; безчисленные разсказы, распространенные о ней, большею частію вымышленные, поддерживали и усиливали это представленіе. Нѣмцы, съ которыми намъ прежде всего приходилось сталкиваться, приглашаемые въ Россію для насажденія образованія, отправлялись въ нее съ гордымъ и торжественно провозглашаемымъ сознаніемъ своего великаго назначенія носителей просвѣщенія, съ должною аккуратностію и предусмотрительностію обезпечивъ предварительно се-

Digitized by Google

бѣ средства не только для безбѣднаго существованія, но и обогащенія. Наиболѣе благонамѣренные и обезпеченные у себя дома, разумѣется, отказывались. Въ-слѣдъ за дѣйствительно полезными силами являлись тысячи невѣжественныхъ искателей приключеній и богатства въ русскомъ эльдорадо, нерѣдко успѣвавшихъ составлять себѣ карьеру. Примѣры дѣйствовали заразительно. Если и теперь случается читать отзывы о невѣжествѣ и чуть не дикомъ состояніи Россіи, то что же было тогда? Если теперь, въ наше время, являются *піонеры и апостолы* нѣмецкой цивилизаціи, торжественно и печатно провозглашающіе свое апостольское призваніе, то что же должно сказать о нѣмцахъ временъ Ломоносова? Даже безъ многочисленныхъ, извѣстныхъ теперь, свѣдѣній легко себѣ представить, какъ смотрѣли тогда нѣмцы на русскую академію и особенно на странный и непонятный имъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный, фактъ присутствія въ ней русскаго человѣка, смѣло предъявляющаго свои притязанія на ученыя заслуги и европейскую извѣстность. Извѣстную переписку Шумахера съ Эйлеромъ и другими учеными нѣмцами можно разсматривать и какъ попытку разъясненія этого страннаго и непонятнаго факта. Понимали и цѣнили Ломоносова только европейскіе спеціалисты, и то добросовѣстные, неспособные поддаваться хитрымъ внушеніямъ Шумахера и компаніи. Многіе же изъ неспеціалистовъ, засѣдавшихъ въ русской академіи, вѣроятно, съ величайшимъ трудомъ мирились съ этимъ фактомъ, а нѣкоторые можетъ быть и остались при покойномъ невѣріи или докучливомъ сомнѣніи.

Таково было положеніе Ломоносова въ академіи. Горячій, живой и впечатлительный, онъ, конечно, яснѣе и глубже всѣхъ своихъ современниковъ понималъ это положеніе. Присоедините къ этому сильно развитое въ немъ и нерѣдко прямо имъ са-

Digitized by Google

мимъ высказываемое сознаніе собственныхъ достоинствъ и ученыхъ заслугъ, глубокое сознаніе той великой цѣли, которой онъ посвятилъ свое служеніе, и вы поймете, сколько и какихъ сильныхъ возбужденій должно было непрерывно имѣть его патріотическое чувство, какъ, въ-слѣдствіе частыхъ возбужденій, оно должно было развиться до болѣзненной раздражительности. Частые волненія доводятъ и далеко не нервнаго человѣка до крайней раздражительности, впечатлительности и подозрительности, представляющей опасность тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ.

Я считалъ долгомъ объяснить съ своей точки зрѣнія упомянутый историческій взглядъ Ломоносова, потому что онъ чаще всего служилъ предметомъ осужденія для любителей осужденія. Огульное обвиненіе и такое-же оправданіе, конечно, легко, но никогда не ведетъ къ цѣли.

Послѣ этихъ объясненій можно спросить: должно ли обвинять Ломоносова въ этомъ историческомъ взглядѣ?.. Едва-ли. По-крайней-мѣрѣ, прежде обвиненія полезно задать себѣ и рѣшить вопросъ: искренно ли относился Ломоносовъ къ этому взгляду, не исходилъ ли онъ изъ стороннихъ, внѣшнихъ, случайныхъ и неблаговидныхъ побужденій, не служилъ ли онъ для него иногда орудіемъ для его личныхъ цѣлей? Нельзя сомнѣваться, что въ сущности онъ относился къ этому взгляду совершенно искренно; онъ, какъ долго спустя Карамзинъ, былъ вполнѣ убѣжденъ, что отечественная исторія должна имѣть именно такую задачу и цѣль и что къ этой цѣли должно быть направлено все историческое изложеніе; онъ былъ глубоко убѣжденъ, что всякое иное направленіе исторіи, хотя и правдиво вскрывающее темныя стороны, вредно, предосудительно для чести отечества, наноситъ ему безчестіе, и что слѣдовательно историкъ, руководящійся этимъ направленіемъ, — вредный и опасный

Digitized by Google

человѣкъ даже въ государственномъ смыслѣ. Это было вполнѣ искреннее и непритворное его убѣжденіе. Можно, конечно, возставать противъ содержанія этого убѣжденія съ современной точки зрѣнія, можно видѣть правду въ насмѣшливомъ и явно направленномъ противъ Ломоносова отзывѣ профессора Фишера о Миллеровой диссертаціи «О началѣ Россійскаго народа» [1]: но нельзя обвинять въ немъ Ломоносова, при надлежащемъ вниманіи къ его времени, къ его образованію, къ его положенію въ академіи и къ его личному характеру.

Совершенно другое дѣло — тонъ, характеръ, самый способъ дѣйствій и выраженій, какими отличались всегда споры и распри, возникавшіе изъ этого историческаго взгляда, а равно преувеличенное и ложно понятое патріотическое чувство. Въ этомъ, конечно, нельзя оправдывать Ломоносова, точно такъ-же какъ и его противниковъ. Начавши дѣло съ полною искренностью и съ убѣжденіемъ въ своей правотѣ, даже съ благодушіемъ, онъ, встрѣтивъ сильный отпоръ и противодѣйствіе, тотчасъ поднималъ тонъ и расширялъ размѣры спорнаго дѣла; при дальнѣйшемъ сопротивленіи, его обычная запальчивость, ловко питаемая и возбуждаемая свѣжими горючими матеріалами, быстро переходила за предѣлы закона, справедливости и приличія, обобщала дѣло, сообщала ему личный характеръ и каждый разъ требовала вмѣшательства власти для прекращенія возникшаго спорнаго дѣла. Много усиливало раздоръ и взаимное оскорбленіе высокое понятіе Ломоносова о своемъ старшинствѣ и необходимой подчиненности и покорности молодаго поколѣнія, а также сознаніе, что онъ, какъ русскій, — единственный компетентный судья и защит-

[1] Nonnulla item materiam offensioni praebere iis praecipue, qui non magis fide historica quam sermonibus panegyricis delectari solent (Матер., стр. 763).

Digitized by Google

никъ чести и славы отечества въ академіи. Въ этомъ отношеніи справедливость требуетъ замѣтить, что нравственная оцѣнка многихъ обстоятельствъ, относящихся къ спорнымъ дѣламъ этого рода, далеко невсегда будетъ въ пользу Ломоносова. Нравственная оцѣнка можетъ оказаться тѣмъ болѣе строгою, что самый предметъ спора — честь и слава отечества, по сущности своей, былъ такого свойства, что слишкомъ много благопріятствовалъ Ломоносову, предрѣшалъ, такъ сказать, споръ въ его пользу, и слѣдовательно, питая въ немъ увѣренность въ исходѣ, усиливалъ его смѣлость; и на-оборотъ, тотъ-же предметъ спора тотчасъ-же ставилъ его противниковъ въ крайне щекотливое и даже опасное положеніе, ослаблялъ ихъ увѣренность въ благопріятномъ исходѣ, а слѣдовательно и ихъ смѣлость, предрѣшалъ дѣло противъ нихъ, особенно при тогдашнихъ понятіяхъ о образованіи даже въ высшемъ сословіи. На это обстоятельство обыкновенно и настаиваютъ съ особенною силой любители осужденія.

Остановимся на короткое время на содержаніи относящихся сюда спорныхъ дѣлъ. Послѣ приведенныхъ объясненій ихъ общаго характера, въ примѣненіи къ Ломоносову, нѣтъ нужды останавливаться на подробномъ ихъ изложеніи, потому что всѣ они одинаково его характеризуютъ. Такъ, упомянутое выше дѣло, по напечатанію сочиненія объ училищахъ синодальнаго переводчика Полетики (Матер., стр. 321 — 333), началось весьма скромно и, при нѣкоторой уступчивости съ обѣихъ сторонъ, могло бы окончиться скоро и благополучно. Но въ-слѣдъ за-тѣмъ возникло обоюдное раздраженіе, и первою причиной этого раздраженія едва-ли не былъ Миллеръ. Если справедливо предположеніе, что эпиграмма Сумарокова, начинающаяся словами — «ты туфли обругалъ», направлена противъ Ломоносова, что весьма

Digitized by Google

вѣроятно, хотя самая эпиграмма не отыскана, то запросъ Миллера въ канцелярію о ея напечатаніи, очевидно, прямо имѣлъ цѣлью нанести ему весьма чувствительное оскорбленіе. Такого-же свойства и другой, послѣдовавшій за-тѣмъ, запросъ Миллера, по поводу опредѣленія канцеляріи руководствоваться установленнымъ правиломъ — не печатать того, что написано съ обидою противъ кого бы то ни было: «рѣченная эпиграмма, спрашиваетъ Миллеръ, такого ли свойства, что по сему пункту внесена быть не должна, или мнѣніе канцеляріи такое есть ли, что понеже она не такова, того ради внесена быть имѣетъ?». Изъ ѣдкаго и насмѣшливаго тона обоихъ запросовъ можно заключить, что эпиграмма дѣйствительно мѣтила на Ломоносова, и Миллеръ хорошо понималъ, какъ въ такомъ случаѣ эти запросы должны были подѣйствовать на него. На опредѣленіе о сочиненіи Полетики — *взнесть въ канцелярію* Миллеръ на другой же день отвѣтилъ весьма рѣзкимъ доношеніемъ, въ которомъ отвергаетъ право канцеляріи вмѣшиваться въ изданіе Ежемѣсячныхъ сочиненій, насмѣшливо опровергаетъ доводы Ломоносова [1] противъ напечатанія

[1] Доводы, разумѣется, слабые. Ломоносовъ находилъ предосудительною статью потому, что въ ней не упоминается о школахъ въ Россіи до XVII в., а говорится только о кіевскихъ школахъ. «А были де, замѣчаетъ Ломоносовъ, еще при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, архитекторы, выписанные изъ Италіи, и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ зачалась де типографія, что де все надлежало было описать, и упомянуто де только о кіевскихъ школахъ, а не о московскихъ» (Матер., 324). Значитъ, Ломоносовъ не зналъ о прежнихъ русскихъ школахъ. Миллеру, разумѣется, не трудно было одолѣть такой доводъ: «иное есть архитектура, справедливо замѣчаетъ онъ, или практика архитектурная, иное архитектурная школа. Были де при великихъ князяхъ московскихъ и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и медики, токмо не было медицинской школы. (Тамъ-же).

Digitized by Google

статьи и высказываетъ намѣреніе отказаться вовсе отъ изданія въ случаѣ продолженія вмѣшательства канцеляріи. Должно замѣтить, что Ломоносовъ сообщилъ свои основанія противъ печатанія словесно и для того самъ пришелъ къ Миллеру въ конференцъ-архиву, а Миллеръ поспѣшилъ ихъ внести въ оффиціальное доношеніе въ канцелярію; можетъ быть, Ломоносовъ, не зная прямыхъ основаній для своего противодѣйствія, но будучи убѣжденъ въ предосудительности статьи, и желалъ миролюбиво покончить это дѣло. Послѣ же доношенія примиреніе, очевидно, было невозможно. Въ пять дней канцелярія получила отъ Миллера три бумаги, написанныя не только неуважательнымъ, но и весьма ѣдкимъ и насмѣшливымъ тономъ, направленнымъ противъ Ломоносова. Ломоносовъ былъ раздраженъ весьма сильно; это раздраженіе тотчасъ-же и обнаружилось и въ указѣ Миллеру (отъ 13 марта), и въ рапортѣ президенту (отъ 14 марта).

Въ обѣихъ бумагахъ дѣло уже не ограничивается сочиненіемъ Полетики, а получаетъ обобщеніе, съ одной стороны, весьма оскорбительное для Миллера, съ другой — явно обнаруживающее крайне неумѣренныя притязанія канцеляріи, или, въ настоящемъ случаѣ, Ломоносова. Указъ уже не только запрещаетъ печатать статью *для усмотренныхъ въ ней разныхъ непристойностей*, но и предписывается «впредь сообщать всегда въ канцелярію реестръ вносимымъ каждый мѣсяцъ піесамъ», на основаніи извѣстнаго пункта устава о полновластіи канцеляріи въ отсутствіе президента; дѣлается выговоръ за неприличныя выраженія и угрожается отвѣтственностію въ случаѣ остановки изданія. Такое обобщеніе не только стѣснительно и оскорбительно для Миллера, но и несправедливо, потому что изданіе журнала нельзя было разсматривать для него обязательнымъ; оно обнаруживаетъ явное самовластіе канцеляріи, опирающееся на статью устава, противъ

Digitized by Google

которой такъ энергически и часто возставалъ самъ Ломоносовъ. Въ рапортѣ президенту также заключается общая жалоба на поведеніе Миллера въ академіи, со ссылкою на тотъ-же 50-й пунктъ устава: «сколь мало онъ повинуется учиненному отъ вашего сіятельства учрежденію, пишетъ Ломоносовъ, и сколь велика его склонность къ возбужденію внутрь академіи новыхъ безпокойствъ и съ посторонними ссоръ, тако жъ явное его ругательство къ такому мѣсту, въ которомъ по силѣ 50 пункта академическаго регламента члены должны въ небытность президента академическимъ корпусомъ такъ, какъ самъ президентъ управлять» (Матер., стр. 326).

Естественно ожидать, что Миллеръ не оставитъ безъ отвѣта присланный ему указъ канцеляріи — и, дѣйствительно, онъ отвѣтилъ на него длиннымъ донесеніемъ изъ 5-ти пунктовъ, въ которомъ еще менѣе стѣсняется въ выраженіяхъ и въ которомъ уже прямо обращается къ Ломоносову. Послѣдній, по его мнѣнію, не настоящій членъ канцеляріи, какъ не аппробованный сенатомъ и только на-время назначенный президентомъ для вспоможенія Шумахеру, а потому онъ сомнѣвается, писанъ ли этотъ указъ съ вѣдома Шумахера и Тауберта; притомъ же, пишетъ Миллеръ, Ломоносову въ этомъ дѣлѣ «и голосу имѣть не надлежало по извѣстной всегдашней съ нимъ ссорѣ, а гда Шумахеръ и Таубертъ не соизволятъ разсудить о достоинствѣ пьесы Полетики, такъ что Ломоносовъ одинъ и доводчикъ и судья, что указамъ государственнымъ весьма противно»; въ крайнемъ случаѣ канцелярія должна бы была требовать мнѣнія отъ профессорскаго собранія. По его мнѣнію, и 50-й пунктъ устава истолкованъ неправильно, такъ-какъ онъ относится къ тому случаю, когда президента совсѣмъ нѣтъ, а не на время его отлучки, и притомъ въ предѣлахъ россійской имперіи; да и одна учги-

Digitized by Google

вость и благодарность должны были удерживать отъ уничтоженія президентскихъ указовъ. Отказываясь отъ изданія журнала вовсе, если «канцелярія учинится сильна», и отклоняя отъ себя обвиненіе въ неприличномъ обращеніи къ канцеляріи выраженіемъ надлежащаго къ ней почтенія, онъ такъ заключаетъ доношеніе: «а ежели я что пишу къ неудовольствію гдна сов. и проф. Ломоносова, то сіе дѣло партикулярное, и прочимъ гдамъ членамъ надлежитъ оное слѣдовать безпристрастно» (Мат., стр. 329).

Канцелярія нашла излишнимъ отвѣчать на это донесеніе и ограничилась представленіемъ президенту выписки неприличностей, въ немъ заключающихся. Выписка эта, особенно указывающая на непризнаніе Ломоносова членомъ канцеляріи, и *на злобныя огорченія*, нанесенныя Ломоносову предположеніемъ, «яко бы онъ писалъ указы Высочайшимъ именемъ Его Имп. Величества тайно и безъ согласія гдъ протчихъ присудствующихъ», заключается слѣдующею общею характеристикою личности Миллера: «всѣмъ симъ показалъ онъ свою древнюю вкорененную зависть, злобу и необузданное властолюбіе и презрѣніе людей честныхъ, которые объ общемъ добрѣ радѣютъ и пресѣкаютъ его коварные поступки, которые всегда показывали, что онъ приводя академическій корпусъ въ замѣшательство чрезъ вредное и безчестное униженіе другихъ себя ищетъ возвысить» (Матер., стр. 330).

Изъ всего дѣла о сочиненіи Полетики можно заключить, что раздраженіе и задоръ были далеко не на сторонѣ одного Ломоносова, что, напротивъ, возвышеніе тона, въ каждой фазѣ развитія этого дѣла, принадлежитъ именно Миллеру, и что Миллеръ, какъ впослѣдствіи Шлецеръ, былъ вовсе не изъ тѣхъ людей, которыхъ могла бы испугать неблагонадежность для нихъ предмета спора и которые могли бы разыгрывать роль жертвы. Правда, дѣло окончилось запрещеніемъ печатать сочиненіе По-

Digitized by Google

летики и выговоромъ Миллеру за непристойность и не малую грубность, учиненную канцеляріи, и за размноженіе переписки, «приличной не къ ученымъ дѣламъ, а къ процессамъ суднымъ», но такой исходъ зависѣлъ отъ самой сущности содержанія спора.

По этому образцу можно составить себя ясное понятіе о всѣхъ спорныхъ дѣлахъ этого рода; мы только укажемъ на нихъ. Такъ, на основаніи того-же историческаго взгляда и съ тою-же искренностію убѣжденія, Ломоносовъ находилъ предосудительнымъ отзывъ о Ермакѣ въ «Сибирской исторіи» Миллера, съ чѣмъ согласились Шгелинъ, Штрубе, Браунъ и Тепловъ (Мат., стр. 105—106)[1].

Тѣми-же побужденіями объясняется и извѣстная длинная исторія съ диссертаціей Миллера «О началѣ Россійскаго народа». По изданнымъ теперь документамъ замѣчательно въ этомъ дѣлѣ то, что диссертація Миллера, предназначенная для публичнаго акта 6 сентября 1749 г., 26 августа была одобрена соединеннымъ академическимъ и историческимъ собраніемъ, 31 августа была уже отпечатана (печатаніе началось еще прежде), и экземпляры ея отправлены въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ и президентъ; замѣчательно, что въ распоряженіи Шумахера отъ 4 сентября, по случаю отмѣненія акта до 25 ноября, о приноровленіи обѣихъ рѣчей Ломоносова и Миллера къ этому послѣднему дню (день коронаціи), вовсе не упоминается о новомъ пересмотрѣ Миллеровой диссертаціи — «не отыщется ли въ оной чего для Россіи предосудительнаго», что только черезъ три дня (7 сент.) послѣдовалъ неожиданный указъ канцеляріи о новомъ пересмотрѣ, порученномъ профессорамъ: Фишеру, Штруве, Тредьяковскому, Попову, Крашенинникову и Ломоносову. Отсюда ясно видно, какъ

[1] Миллеръ выразился такъ: «грабежу или разбою, чинимаго отъ людей своихъ, Ермакъ не почиталъ за прегрѣшеніе».

Digitized by Google

справедливо замѣчаетъ издатель Матеріаловъ, что «завязка будущаго слѣдствія изобрѣтена однимъ Шумахеромъ безъ всякаго посторонняго вліянія». Изъ бумагъ не видно непосредственной причины этого *изобрѣтенія*, но есть поводъ заключать, что между Миллеромъ и канцеляріей, т. е. Шумахеромъ, въ это время были отношенія далеко не благопріятныя. Извѣстно теперь, что процессъ Миллера производился въ два пріема (отъ 7 до 21 сент. 1749 г. и отъ 23 окт. по 8 марта 1750 г., съ небольшимъ промежуткомъ отъ 2 декаб. по 20-е янв., по причинѣ болѣзни Миллера). Первое разсмотрѣніе диссертаціи, по видимому, происходило въ большой тайнѣ отъ Миллера; по-крайней-мѣрѣ оказывается, что еще 22 сентября (на другой день послѣ состоявшейся резолюціи президента о пересмотрѣ) онъ представилъ въ канцелярію новое начало къ своей диссертаціи, приспособленное къ 25 нояб., и только по ордеру канцеляріи отъ 28 сент. узналъ о судьбѣ постигшей его диссертацію. Что разсмотрѣніе происходило въ глубокой тайнѣ отъ Миллера, ясно видно изъ письма послѣдняго къ президенту отъ 2 окт. (письмо это не отыскано, но содержаніе его повторено въ письмѣ Теплова къ Шумахеру отъ 9 декабря (Матер., стр. 766), гдѣ прямо сказано, «что эму никакой критики никто не показалъ, то онъ и оправдаться не могъ». Потому же, разумѣется, и президентъ требуетъ, чтобы разсмотрѣніе повторено было «*при самомъ Миллерѣ въ генеральномъ собраніи*».

Такое положеніе Миллера относительно канцеляріи возможно было единственно при совершенно неблагопріятныхъ отношеніяхъ къ Шумахеру. Мы видѣли выше, что даже Ломоносовъ, при открытой борьбѣ съ Шумахеромъ, имѣлъ возможность, по-крайней-мѣрѣ по слухамъ, узнавать, что дѣлается въ канцеляріи. Извѣстно также, что Миллеръ, въ письмѣ къ президенту, обви-

Digitized by Google

нялъ Шумахера въ назначеніи для разсмотрѣнія диссертаціи только тѣхъ профессоровъ, которые ему не доброхотствуютъ, на что Шумахеръ послѣ (въ письмѣ Теплову отъ 16 окт.) жаловался, что Миллеръ не устыдился безчестно оболгать его высокографскому сіятельству и выражаетъ упованіе, что президентъ не преминетъ надлежащимъ образомъ оштрафовать его (Матер., стр. 133). Очевидная враждебность Миллера къ Шумахеру въ это время доказывается и характеромъ сообщенія первой резолюціи президента: въ этомъ сообщеніи дѣйствительно усилены жесткость и рѣзкость приговора президента, причемъ употреблено выраженіе — «велѣно диссертацію *уничтожить*», котораго вовсе нѣтъ въ резолюціи, между тѣмъ какъ окончаніе послѣдней, значительно смягчающее ея рѣзкость, исключено [1].

Въ этихъ личныхъ отношеніяхъ, кажется, проще всего видѣть побужденіе къ изданію приказа о пересмотрѣ диссертаціи. Объяснять же этотъ приказъ, какъ дѣлаетъ издатель Матеріаловъ (756), какою-то особенною заботливостію о чести и достоинствѣ академіи, чтобы «не оказалось что-нибудь оскорбительное для національнаго русскаго чувства въ рѣчи, произнесенной въ публичномъ засѣданіи въ первый разъ по возрожденіи ея щедротами императрицы», — нѣтъ никакого основанія уже потому, что Шумахеръ вовсе не отвѣчалъ за торопливость прежняго разсмотрѣнія рѣчи въ профессорскомъ собраніи; самъ же онъ изъ чтенія

[1] Здѣсь запрещеніе издавать въ свѣтъ диссертацію объясняется тѣмъ, «дабы со столь многими сумнительствами и важными погрѣшностями не могъ себя подвергнуть авторъ дальнему толкованію, а исправя при времени оную могъ при подобной окказіи употребить» (Матер., стр. 764). По справедливому замѣчанію издателя Матеріаловъ, Миллеру несравненно легче было бы прочитать резолюцію президента въ подлинникѣ.

Digitized by Google

диссертаціи не могъ извлечь соображеній о какихъ-то опасностяхъ и вредѣ, угрожающихъ академіи; а заботливость о достоинствѣ академіи, если предположить ее въ Шумахерѣ, своевременнѣе было выразить совѣтомъ президенту отложить самый актъ для точнѣйшаго разсмотрѣнія диссертаціи.

Какъ бы то ни было, приказъ о пересмотрѣ былъ данъ и затребованы письменныя мнѣнія отъ всѣхъ упомянутыхъ выше профессоровъ. Въ Матеріалахъ напечатаны только мнѣнія Ломоносова и Тредьяковскаго, хотя нельзя не пожалѣть объ остальныхъ, нужныхъ для полноты соображенія объ этомъ дѣлѣ, а также о рапортахъ профессоровъ, отказавшихся отъ пересмотра съ объясненіемъ причинъ отказа.

Сущность мнѣній Ломоносова извѣстна: въ нихъ онъ находитъ предосудительнымъ для чести государства и славы академіи предпочтеніе иностранныхъ авторитетовъ русскимъ, которыхъ Миллеръ не рѣдко съ поношеніемъ опровергаетъ, частое описаніе *благополучныхъ* побѣдъ скандинавовъ надъ славянами, производство имени русскаго отъ варяговъ — не славянъ, и притомъ «яко бы чухонцы варягамъ и славянамъ имя дали», презрительное и хулительное отношеніе къ Нестору, особенно сомнѣніе въ правдивости сказанія послѣдняго о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ, соблазнительное для православной церкви и какъ-бы осуждающее премудрое учрежденіе Петромъ ордена этого имени. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ мнѣніяхъ Ломоносовъ весьма серьезно и искренно относился къ своимъ понятіямъ объ исторіи. Доказательствомъ тому служитъ какъ собственный его опытъ россійской исторіи, такъ и то, что съ мнѣніемъ его согласны были почти всѣ профессоры, хотя согласіе послѣднихъ опредѣлялось большею частію незнаніемъ предмета спора и его особеннымъ свойствомъ.

Digitized by Google

Среди этихъ мнѣній тѣмъ замѣчательнѣе мнѣніе Тредьяковскаго, утверждающее, что «сочинитель по своей системѣ съ нарочитою вѣроятностію доказываетъ свое мнѣніе, впротчемъ пока кто другой большія и достовѣрнѣйшія не подастъ въ разсужденіе сего, что она вѣроятнѣе всѣхъ другихъ системъ понынѣ о началѣ имени Россіянъ вѣдомыхъ». Допуская возможность разногласія относительно частныхъ вопросовъ диссертаціи, онъ находитъ только одно предосудительнымъ, что «въ Россіи о Россіи, по россійски, предъ Россіянами говорить будетъ чужестранный и научитъ ихъ такъ какъ будто они ничего того по нынѣ не знали». Можно предвидѣть, что Тредьяковскому удастся собрать обильную дань удивленія за эти мнѣнія въ наше время, и конечно нельзя отрицать, что въ нихъ больше объективности взгляда на предметъ спора и больше вѣрности историческаго пониманія. Но та-же историческая справедливость позволяетъ замѣтить, что характеръ Тредьяковскаго, извѣстный изъ прежнихъ свѣдѣній и вполнѣ подтверждаемый вновь изданными матеріалами, возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, что въ своихъ мнѣніяхъ о диссертаціи Миллера онъ руководился исключительно объективною историческою истиною; другими словами: извѣстный характеръ его, извѣстныя отношенія къ Ломоносову — допускаютъ вопросъ, не принимало ли нѣкоторую долю участія въ этихъ мнѣніяхъ его постоянно враждебное отношеніе къ своему сопернику по профессіи, его всегдашняя оппозиція мѣрамъ послѣдняго. Во всякомъ случаѣ этотъ духъ оппозиціи слишкомъ ясно выраженъ въ его мнѣніяхъ. Въ первомъ своемъ мнѣніи онъ называетъ Ломоносова самоназвавшимся историкомъ, «который не знаетъ ни аза, какъ у насъ говорятъ, въ глаза, и который полагаетъ Альдейгабургъ здѣсь на Петровскомъ островѣ»; во второмъ — называетъ его человѣкомъ строптиваго характера. Въ слѣдующей мысли, вѣроятно, можно

Digitized by Google

видѣть также намекъ на Ломоносова: «давно уже вѣдомо изъ Теренція Римскаго коміка, что наглая истинна (чтожъ дѣлать сіе есть одно изъ состояній оплакуемыя человѣческія слабости) ненависть раждаетъ; а гибкая на всѣ стороны поступка, толькожъ бы безпорочная, ибо чаще такая услуга бываетъ противнымъ образомъ, а особливо въ надеждѣ полученія, гибкая, говорю я, и удобообращающаяся поступка пріобрѣтаетъ множество друговъ и благодѣтелей» (Матер., стр. 769). При всѣхъ многорѣчивыхъ объясненіяхъ Тредьяковскаго, что мнѣніе составлено имъ «безпристрастно, по чистому разумѣнію, сколько ему онаго Богъ даровалъ, безъ всякаго чаянія или вида корысти, безъ сперничества, и такъ, какъ доброму и честному человѣку, а больше какъ вѣрному рабу Ея Импер. Величества пристойно», вѣрится съ трудомъ, чтобы упомянутый духъ оппозиціи, можетъ быть и сблизившій его съ Миллеромъ и другими академиками враждебнаго Ломоносову лагеря, не принималъ участія въ составленіи мнѣній, тѣмъ болѣе, что приведенныя мѣста, направленныя противъ Ломоносова, способны усилить недовѣріе. Тредьяковскому постоянно кололо глаза, оскорбляло его самолюбіе и даже компрометировало его въ глазахъ товарищей вмѣшательство Ломоносова не въ свое дѣло и особенно въ его профессію, и, какъ извѣстно, онъ нерѣдко высказывалъ свое неудовольствіе въ самыхъ ѣдкихъ выраженіяхъ; а потому онъ не могъ не воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ, и притомъ по оффиціальному запросу, чтобы не высказать и здѣсь того-же неудовольствія. Въ настоящемъ случаѣ онъ раздражалъ Ломоносова и прямымъ противорѣчіемъ его мнѣнію, и защитою его непримиримаго врага, и въ то-же время удовлетворялъ своему враждебному настроенію, искавшему случая высказаться. Многорѣчивыя увѣренія въ без-

Digitized by Google

пристрастіи также въ свою очередь выдаютъ участіе враждебнаго настроенія въ его мнѣніяхъ.

Ломоносовъ, вмѣстѣ съ другими членами, принималъ живое участіе въ процессѣ Миллера, хотя ему и не было нужды выдвигаться слишкомъ рѣзко въ этомъ процессѣ: онъ, какъ оказывается, находилъ довольно дружную поддержку и въ академическомъ собраніи и даже въ канцеляріи. Особенно многочисленны были возраженія Попова, подавшаго отдѣльную пространную статью при окончаніи преній; отзывъ же его, по словамъ издателя, имѣетъ характеръ приговора, даже обвиненія (768).

Вся эта длинная исторія, весьма интересная по характеристикѣ тогдашняго состоянія академіи наукъ, стоила Миллеру весьма многихъ хлопотъ и огорченій [1] и, какъ извѣстно, имѣла для него весьма печальный исходъ: онъ былъ лишенъ званія профессора и пониженъ въ адъюнкты. Наказаніе это продолжалось почти 4 года: въ первый разъ онъ явился ординарнымъ профессоромъ въ засѣданіе конференціи 11 марта 1754 г. (Матер., стр. 260) [2].

---

[1] Впрочемъ, предположеніе издателя, что болѣзнь Миллера, въ концѣ 1749 года и началѣ слѣдующаго, произошла именно отъ огорченій, совершенно произвольно и ни на чемъ не основано. Это предположеніе замѣчательно только по странному намеку на Ломоносова, какъ на единственную причину болѣзни: «вовсе неудивительно, говоритъ издатель, если силы Миллера дѣйствительно истощились въ борьбѣ съ людьми, которые считали себя способными судить и рѣшать историческія задачи безъ спеціальнаго историческаго образованія и которые притомъ вооружены были противъ его результатовъ всею силой національнаго чувства» (Матер., стр. 767).

[2] Напечатанные по этому дѣлу матеріалы слишкомъ бѣдны сравнительно съ тѣмъ, что было подъ руками издателя: напечатаніе даже пространнаго мнѣнія самого Ломоносова признано издателемъ

Digitized by Google

Тѣмъ-же характеромъ и тѣми-же побужденіями, со стороны Ломоносова, отличается и его столкновеніе съ Шлецеромъ, происшедшее уже въ концѣ его жизни и заключившее собой довольно длинный рядъ столкновеній этого рода. Столкновеніе это такъ интересно само по себѣ, такъ характеристично для уразумѣнія взаимныхъ отношеній членовъ тогдашней академіи, Ломоносовъ принималъ въ немъ такое живое и горячее участіе, неудача его усилій по этому дѣлу, безъ сомнѣнія, такъ глубоко его тронула, такъ сильно оскорбила его самолюбіе въ послѣдніе мѣсяцы его тревожной жизни, окончившейся съ тяжелыми впечатлѣніями отъ этого столкновенія, что, кажется, не лишнимъ будетъ передать здѣсь существенныя его черты съ нашей точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что къ тому же вызываютъ и нѣкоторыя, относящіяся сюда, замѣчанія издателя, съ которыми, какъ и со многими изъ прежнихъ, нельзя вполнѣ согласиться.

Шлецеръ, молодой человѣкъ 28 лѣтъ, одаренный безспорно блестящими способностями и уже успѣвшій пріобрѣсти значительную ученую репутацію своими трудами, горячій и раздражительный, крайне самолюбивый и неумѣренный въ выраженіи своего самолюбія, былъ вызванъ въ Россію Миллеромъ (въ началѣ 1762 г.),

---

неумѣстнымъ, какъ будто оно могло мѣшать внесенію его въ послѣдствіи (когда?) въ полное собраніе его сочиненій; не напечатаны, по-крайней-мѣрѣ въ извлеченіи, отдѣльныя возраженія членовъ, составляющія до 400 стр. in fol.; неизвѣстны цѣлыя статьи, поданныя по этому случаю отдѣльными членами, изъ которыхъ особенно должны быть интересны статьи Ломоносова и Попова; неизвѣстно историческое изложеніе всего хода засѣданій, составленное Миллеромъ на 40 листахъ. Изъ Сборника г. *Билярскаго* пріятно по-крайней-мѣрѣ узнать, что этотъ интересный вопросъ имѣетъ обширную литературу, которая, неизвѣстно когда и если убережетъ ее время, дастъ возможность обозрѣть и обсудить его вполнѣ.

Digitized by Google

для пособія въ изданіи собранныхъ имъ историческихъ и географическихъ свѣденій о Россіи и другихъ сѣверныхъ народахъ и для продолженія тѣхъ-же занятій въ случаѣ его смерти; содержался сначала полгода Миллеромъ частнымъ образомъ, а потомъ, по его-же представленію, утвержденъ адъюнктомъ при немъ (въ маѣ 1762 г.), «для собранія и сочиненія всякихъ до россійской исторіи касающихся извѣстій, для сочиненій газетъ и для переводовъ съ россійскаго на нѣмецкой и латинской языки всякихъ дѣлъ, какія ему по его знанію и искуству препоручены будутъ» (Матер., стр. 697). Ровно два года, съ усердіемъ и успѣхомъ, занимался онъ, въ званіи адъюнкта и съ ограниченнымъ жалованьемъ въ 360 р., разработкой древнѣйшей россійской исторіи, по отечественнымъ и иностраннымъ источникамъ, и даже разработкой русскаго языка. Труды Шлецера по русской исторіи, занимающіе до сихъ поръ весьма почтенное мѣсто въ литературѣ послѣдней, такъ извѣстны, что нѣтъ нужды касаться ихъ здѣсь. Въ маѣ 1764 г., онъ подалъ въ канцелярію академіи прошеніе объ увольненіи его на 3 мѣсяца за границу по причинѣ крайне разстроеннаго здоровья, а также по частнымъ и домашнимъ дѣламъ. Въ этомъ-же прошеніи, выражая, по видимому, желаніе опредѣлить свое отношеніе къ русской академіи на будущее время, онъ испрашиваетъ разрѣшеніе представить на разсмотрѣніе и исправленіе планъ своихъ будущихъ трудовъ, которые «для распространенія между россійскимъ народомъ въ удовольствіе академіи сочинить надѣется». Получивъ разрѣшеніе, онъ, еще 6 іюня, подалъ два письменныхъ плана своихъ трудовъ — одинъ по разработкѣ русской исторіи по отечественнымъ и иностраннымъ источникамъ, другой по изданію популярныхъ книгъ.

Между тѣмъ, въ это время отношенія Шлецера къ двумъ самымъ вліятельнымъ членамъ академіи, Ломоносову и особенно

Digitized by Google

Миллеру, его прежнему патрону, были не только не благопріятны, но и враждебны, а потому все дѣло о разсмотрѣніи плановъ его тотчасъ-же приняло спорный характеръ. «Господину Миллеру, говоритъ Ломоносовъ, показалъ (Шлецеръ) великую неблагодарность; презрѣвъ его вовсе оставилъ и чинилъ многія грубости, какъ-то г. Миллеръ неоднократно на него жаловался въ публичномъ собраніи» (728). Въ своей исторіи академической канцеляріи Ломоносовъ объясняетъ эту перемѣну отношеній Шлецера къ Миллеру сближеніемъ перваго съ Таубертомъ, который, по видимому, усердно держался правила своего тестя — вооружать младшихъ профессоровъ противъ старшихъ и тѣмъ поддерживать свое значеніе и самовластіе. Впрочемъ, самъ Шлецеръ, по своему характеру, не былъ способенъ долго находиться въ зависимости и обязательныхъ отношеніяхъ къ кому бы то ни было. Въ два года онъ успѣлъ значительно укрѣпить свое положеніе, по рекомендаціи Тауберта вошелъ въ домъ президента, у котораго училъ дѣтей, такъ-что обязательныя отношенія къ Миллеру могли казаться ему и обременительными и излишними. Что же касается до Ломоносова, то извѣстно, что онъ сначала относился къ нему весьма благосклонно, одобрялъ его усердіе въ изученіи русскаго языка и радовался успѣхамъ этого изученія. Измѣнилъ же эти отношенія первоначально, вѣроятно, по тѣмъ-же внушеніямъ и проискамъ, по которымъ измѣнились они къ Миллеру; по-крайней-мѣрѣ Ломоносовъ самъ въ этомъ смыслѣ, и въ примѣненіи къ себѣ, обобщаетъ вліяніе внушеній и происковъ Тауберта (Ист. ак. канц., 092). Тѣмъ не менѣе можно заключать, что до 1764 года если и были случаи, способствовавшіе охлажденію этихъ отношеній, то они не были на-столько значительны и важны, чтобы Ломоносовъ прямо вооружился противъ Шлецера, тѣмъ болѣе, что первый, какъ старый и заслуженный академикъ,

Digitized by Google

имѣвшій высокое понятіе о своемъ положеніи и значеніи и съ такимъ успѣхомъ выдерживавшій упорную борьбу съ Шумахеромъ и Таубертомъ, конечно, не могъ считать себя легко уязвимымъ какимъ-нибудь молодымъ, только-что пріѣхавшимъ въ Россію нѣмцемъ, не могъ обращать большаго вниманія на оскорбленіе со стороны этого нѣмца (если они и были) и, по всей вѣроятности, смотрѣлъ на него снисходительно и покровительственно. Вѣрнѣе всего, что первымъ и непосредственнымъ поводомъ разрыва и вражды послужилъ именно представленный Шлецеромъ въ канцелярію упомянутый выше планъ его будущихъ занятій для академіи. По-крайней-мѣрѣ, при нѣкоторомъ знаніи крутаго и увлекающагося нрава Ломоносова, весьма трудно объяснить указъ канцеляріи отъ 26 мая 1764 года, подписанный именно Ломоносовымъ и предписывающій академическому собранію подать письменное мнѣніе о томъ, «имѣетъ ли онъ (Шлецеръ) довольныя качества, чтобъ въ какой-нибудь наукѣ при академическомъ ученомъ корпусѣ или при университетѣ быть профессоромъ, дабы не упустить человѣка, которой, какъ извѣстно, сверхъ прочихъ своихъ достоинствъ, оказалъ уже такіе успѣхи въ россійскомъ языкѣ, какихъ отъ выписываемаго вновь иностраннаго человѣка не инако какъ чрезъ долгое время ожидать можно» (699). Едва-ли указъ могъ быть написанъ въ такомъ мягкомъ и благопріятномъ для Шлецера тонѣ, если-бы отношенія къ нему Ломоносова были такъ враждебны, какъ они были ровно мѣсяцъ спустя, когда онъ послалъ первое свое мнѣніе о планѣ будущихъ трудовъ Шлецера, хотя, какъ видно, послѣдній не имѣлъ намѣренія, да оно было бы и непрактично съ его стороны, оскорблять Ломоносова. Слѣдовавшіе за-тѣмъ документы съ той и другой стороны все болѣе и болѣе усиливали раздраженіе и воспламеняли страсти. Какое различіе между указомъ 26 мая,

Digitized by Google

выражающимъ сожалѣніе, если академія упуститъ такого достойнаго человѣка, и мнѣніемъ, писаннымъ въ октябрѣ того-же 1764 года! Въ послѣднемъ Ломоносовъ уже не только не предвидитъ ни малѣйшей пользы отъ трудовъ Шлецера по русской исторіи и русскому языку, но и положительный вредъ «по его прошибкамъ и склонности къ предосудительнымъ шуткамъ» (729), съ величайшею настойчивостью требуетъ, чтобы отобрали у него всѣ русскія рукописи и не вступали съ нимъ ни въ какія кондиціи, не обѣщали никакихъ пенсій, за-тѣмъ что нѣтъ въ томъ ни малѣйшей надобности» (733), хлопочетъ только о томъ, чтобы ему какъ можно скорѣе выдали паспортъ и абшитъ и чтобы онъ убирался за границу *на всѣ четыре стороны*[1].

Таковы были отношенія Миллера и Ломоносова къ Шлецеру, въ-слѣдъ за подачею послѣднимъ въ академію плана его будущихъ занятій. Отношенія эти, вопреки ожиданіямъ Шлецера и, можетъ быть, разсчетамъ его на большинство благопріятныхъ для него академиковъ, быстро измѣнили ходъ его дѣла, которое, однакожъ, столь-же быстро получило такой оборотъ, какого Ломоносовъ не только не могъ имѣть въ виду, но и не могъ представлять себѣ, даже при неблагопріятномъ для себя исходѣ.

Когда представленные Шлецеромъ планы поступили на разсмотрѣніе въ академическое собраніе, то Таубертъ, предвидя сильную оппозицію со стороны Миллера и Ломоносова и весьма справедливо опасаясь, чтобы они своимъ вліяніемъ не сообщили

---

[1] Сохранилась интересная собственноручная черновая резолюція Ломоносова на третье прошеніе Шлецера объ отпускѣ за границу: «о дѣлѣ г. Шлецера извольте заготовить опредѣленіе какъ за наилучее найдется. Я жъ удерживать его отнюдъ не желаю. И Его Сіятельство о томъ представлять не укосню» (727).

Digitized by Google

дѣлу неблагопріятнаго оборота, потребовалъ, чтобы академики подали письменно отдѣльныя мнѣнія, имѣя въ виду въ такомъ случаѣ рѣшительное большинство въ пользу Шлецера. Ломоносовъ справедливо возсталъ противъ такого способа рѣшенія дѣла, разсчитаннаго исключительно и чисто внѣшнимъ образомъ на число голосовъ. Въ своемъ протестѣ, поданномъ имъ по этому случаю, онъ отвергаетъ свидѣтельства иностранныхъ профессоровъ въ знаніи Шлецеромъ россійскихъ древностей «за-тѣмъ, что они сами оныхъ не знаютъ», какъ единственный компетентный судья высказываетъ рѣшительное мнѣніе, что Шлецеръ профессоромъ россійской исторіи быть не можетъ, что ему еще много надобно учиться, да и мѣста нѣтъ (700). Между тѣмъ свои отдѣльныя мнѣнія академики подали въ концѣ іюня. Мнѣнія ихъ, за исключеніемъ Миллера, Ломоносова и Попова, признаютъ полезнымъ оставить Шлецера при академіи. Послѣдніе же, какъ наиболѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, мотивировали свои мнѣнія подробнѣе. Патріотическое чувство Ломоносова сильно возмущено было чтеніемъ плановъ Шлецера, заключающихъ въ себѣ, какъ онъ писалъ, притязанія на знаніе русской исторіи и русскаго языка, и притомъ выражаемыя съ безмѣрнымъ хвастовствомъ и самохвальствомъ; этими притязаніями оскорблялось и другое чувство Ломоносова, его самолюбіе, такъ-какъ онъ считалъ себя въ этихъ предметахъ единственнымъ и общепризнаннымъ авторитетомъ, уже снискавшимъ себѣ общее уваженіе. Въ первомъ случаѣ Шлецеръ затрогивалъ самую чувствительную струну Ломоносова, его завѣтное желаніе, чтобы русская академія изъ россійскихъ сыновъ состояла и чтобы тѣмъ она, а вмѣстѣ съ нею и русское государство, возвысились въ мнѣніи образованнаго запада. Желаніе это было источникомъ его заботъ о гимназіи и университетѣ. Что же скажутъ иностранцы, когда узнаютъ, что въ

Digitized by Google

Россіи, изъ природныхъ русскихъ, не нашлось никого, кто бы зналъ свою исторію и свой языкъ на-столько, чтобы можно было поступить въ академію по этимъ предметамъ, что даже по этимъ предметамъ дѣло не обошлось безъ нѣмца? И этотъ нѣмецъ безцеремонно предъявляетъ свои права на захватъ этого мѣста въ академіи и подаетъ цѣлый планъ своихъ будущихъ занятій. Тотъ-же нѣмецъ позволилъ себѣ слегка и столь-же безцеремонно отнестись въ своемъ планѣ къ нему, двадцать лѣтъ трудящемуся надъ русской исторіей, единственному авторитету въ этомъ предметѣ. Въ своихъ примѣчаніяхъ на мнѣніе Ломоносова Шлецеръ самъ говоритъ, что онъ только дважды упомянулъ его имя: « во первыхъ, вызываясь на первый разъ составить изъ его и Татищева сочиненій древнюю Русскую исторію; потомъ, выражая надежду, что, при объясненіи словъ, непонятныхъ не ученымъ русскимъ, онъ найдетъ благосклонное содѣйствіе у него (Ломоносова) и у другихъ русскихъ ученыхъ» (705). Этого было слишкомъ мало! Оба эти чувства, разумѣется, не имѣютъ ничего общаго съ интересомъ науки, а потому и всѣ мнѣнія Ломоносова о Шлецерѣ и его трудахъ вовсе не имѣютъ научнаго характера, отличаются натянутостью и искусственностью доводовъ и неумѣреннымъ и непріятнымъ самовосхваленіемъ; раздраженіе, подъ вліяніемъ котораго они написаны, особенно замѣтно при слабости солиднаго содержанія и непріятно поражаетъ читателя. Мнѣнія эти могли явиться только при слабо развитомъ историческомъ сознаніи и ограниченномъ историческомъ образованіи, въ чемъ, какъ мы сказали, обвинять Ломоносова нельзя: онъ не былъ историкомъ и никогда не готовился быть имъ, его насильно сдѣлали историкомъ, хотя и въ этой области, какъ умный человѣкъ, онъ успѣлъ занять почетное мѣсто. Ограниченность историческаго образованія, разумѣется, не позволяла ему оцѣнить

Digitized by Google

научное достоинство трудовъ Шлецера, различить ученое знаніе языка, хотя-бы и чужаго, отъ практическаго, хотя-бы и природнаго и развитаго обширнымъ чтеніемъ (конечно, возможнымъ и для иностранца), и преувеличить значеніе послѣдняго до рѣшительнаго заключенія, что писать исторію какого-либо народа можно только тому, кто владѣетъ языкомъ этого народа, какъ природнымъ. Отсюда противопоставленіе себя, какъ природнаго русскаго, и притомъ заслуженнаго историка, Шлецеру, иностранцу-пришлецу и новичку въ дѣлѣ. «Помыслилъ бы о себѣ (Шлецеръ), говоритъ Ломоносовъ, что ему никоторой изъ Славенскихъ языковъ не природной, не упоминая о томъ, что онъ не разработывалъ [1] его, и онъ новичокъ еще въ Россійскомъ; а на противъ того представилъ бы себѣ нѣкоего изъ нашихъ природныхъ, которой съ малолѣтства спозналъ общей Россійской и Славенской языки, а достигши совершеннаго возраста съ прилежаніемъ прочелъ почти всѣ, древнимъ Славено-Моравскимъ языкомъ сочиненныя и въ церкви употребительныя книги. Сверьхъ сего довольно знаетъ всѣ провинціальные діалекты здѣшней имперіи, также слова, употребляемыя при дворѣ, между духовенствомъ и между простымъ народомъ, разумѣя притомъ Польской и другіе съ Россійскими сродные языки. Онъ же и предъ прочими своими согражданами пріобрѣлъ въ отечествѣ особливую похвалу во всемъ, что до языка и древностей Россійскихъ принадлежитъ; по сему не можно ли почесть за неразсуднаго и наглаго, ежели онъ похочетъ сравниться съ вышеупомянутымъ?» (703). Ломоносовъ

---

[1] Мы замѣнили этимъ оборотомъ неточный оборотъ въ современномъ Ломоносову русскомъ переводѣ; въ лат. редакціи сказано: «nempe secum recognoscere nullam ex familia Slavicarum linguarum sibi esse vernaculam, non dico a se *excultam*».

Digitized by Google

обидѣлся предложеніемъ Шлецера составить изъ его и Татищева сочиненій древнюю россійскую исторію потому, что такимъ предложеніемъ уже выражалась мысль о неудовлетворительности его исторіи и возбуждалось подозрѣніе въ намѣреніи воспользоваться готовымъ трудомъ, такъ дорого ему стоившимъ: «гднъ Шлецеръ требуетъ (его исторію) себѣ въ помочь въ той силѣ, чтобъ человѣкъ знатной по лѣтамъ, по заслугамъ, по достоинству и по разнымъ наукамъ, а особливо извѣстный по Россійской исторіи уступилъ собранія свои съ достохвальностію въ сочиненіи исторіи отечества своего молодому иностранцу, дабы оныя преданы были вѣчному забвенію» (704). Впрочемъ, это мнѣніе Ломоносова не заключаетъ еще въ себѣ той рѣзкости и исключительности, какія скоро появились въ другихъ его донесеніяхъ: выставляя себя, онъ здѣсь доказываетъ невозможность иностранцу приниматься за русскую исторію, вначалѣ хвалитъ усердіе въ изученіи русскаго языка, а въ концѣ обнадеживаетъ въ награжденіи за прилежаніе, «ежели онъ, не столь о себѣ думая, приметъ на себя труды по силѣ своей».

Мнѣніе Миллера имѣетъ свою особенность и отличается инымъ характеромъ. Миллеръ, какъ историкъ, не могъ, разумѣется, поднимать вопроса о способности Шлецера къ разработкѣ русской исторіи, и не потому, что онъ самъ отлично рекомендовалъ его президенту себѣ въ помощники, но потому, что онъ вполнѣ понималъ и цѣнилъ и дарованіе Шлецера, и значеніе его трудовъ. Онъ прямо говоритъ въ своемъ мнѣніи, что ему «способность г. адъюнкта и прилѣжаніе не токмо изъ его сочиненій, но и изъ полугодоваго приватнаго обхожденія, довольно извѣстны; такъ ни малѣйшаго сомнѣнія не имѣю, что естьлибъ онъ вознамѣрился, не токмо нѣсколько, но много лѣтъ, по состоянію обстоятельствъ всю свою жизнь препровождать въ здѣшней служ-

Digitized by Google

бѣ, то могъ бы онъ академіи и обществу, яко профессоръ и ординарной членъ академіи показать полезные услуги» (705). Онъ позволяетъ себѣ обсуждать только самыя предложенія Шлецера о мѣстѣ и предметѣ будущихъ его занятій. Относительно мѣста занятій, онъ высказываетъ рѣшительное мнѣніе, что не только на постоянное, но и хотя сколько-нибудь продолжительное его пребываніе въ Россіи надѣяться никакъ нельзя, *какъ ему заподлинно извѣстно*, что въ этомъ отношеніи всякія срочныя обязательства совершенно напрасны, потому что не дѣйствительны; такія обязательства, пишетъ Миллеръ, только помогли бы ему выговорить себѣ выгоднѣйшія условія для службы въ Германіи. Если же на пребываніе Шлецера въ Россіи разсчитывать нельзя, то академія все-таки «должна стараться отъ гдна Шлецерова искусства и прилѣжанія столько пользы получить, сколько въ отсутствіе его учиниться можетъ»; а потому предлагаетъ опредѣлить его иностраннымъ членомъ съ пенсіей, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ всѣ свои сочиненія о Россіи присылалъ въ академію для напечатанія. На мѣсто же Шлецера проситъ опредѣлить другаго, причемъ отказывается отъ вторичной рекомендаціи, такъ-какъ первый опытъ такъ мало ему удался. Увѣренность свою въ исключительныхъ разсчетахъ Шлецера на службу въ Германіи онъ подтверждаетъ, въ заключеніе, только-что прочтеннымъ имъ въ газетахъ извѣстіемъ о назначеніи его профессоромъ геттингенскаго университета, хотя еще безъ жалованья. Что же касается до содержанія плана занятій Шлецера, то Миллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что два предложенія изъ трехъ, сдѣланныхъ имъ, — писать о состояніи правительства иностранныхъ государствъ, о коммерческой исторіи, а также изъ чужестранныхъ писателей собрать и привести въ порядокъ то, что принадлежитъ къ росс. исторіи—

Digitized by Google

удобнѣе и полезнѣе могутъ быть выполняемы за границей, гдѣ и больше средствъ къ тому, чѣмъ академикомъ по русской исторіи въ Петербургѣ.

Всѣ эти отдѣльныя мнѣнія академиковъ собраны были въ концѣ іюня. Миллеръ, какъ секретарь конференціи, медлилъ еще сообщеніемъ ихъ въ канцелярію и представилъ только 17 іюля. Это замедленіе произошло, безъ сомнѣнія, отъ новаго и неожиданнаго оборота, какой получило дѣло Шлецера.

3 іюля 1764 года академическая канцелярія получаетъ указъ сената, предписывающій всѣ находящіяся у Шлецера историческія извѣстія, не изданныя въ свѣтъ, отобрать немедленно, передать въ библіотеку и немедленно же рапортовать о томъ сенату. Указъ этотъ былъ слѣдствіемъ извѣстнаго доноса Ломоносова на Шлецера въ сенатъ о выпискѣ имъ изъ библіотечныхъ манускриптовъ историческихъ извѣстій, объ отъѣздѣ его за море и объ опасности, какая можетъ угрожать отъ обнародованія этихъ извѣстій за границей. Дѣло по этому доносу надѣлало много шуму не только въ академіи, но и по всему городу. Немедленно подвергнуты допросу архиваріусъ и копіистъ конференціи, служившій у Шлецера для переписки, а самому Шлецеру предложены вопросные пункты: бралъ ли онъ изъ библіотеки русскія книги, какія, когда и съ чьего дозволенія, списывалъ ли копіи и съ какимъ намѣреніемъ. Отвѣты на эти пункты составлены были Шлецеромъ съ большимъ искусствомъ и написаны, какъ онъ самъ говоритъ, не вставая съ мѣста (stans pede in uno). И не трудно было составить ихъ, потому что требовалось только указать факты, такъ-какъ въ самой перепискѣ, конечно, не было никакого политическаго преступленія. Присутствіе духа, отчетливость и ясность, иронія и насмѣшка, какими отличаются отвѣты, привели въ восторгъ Тауберта, которому онъ тотчасъ-

Digitized by Google

же представилъ ихъ [1]. Тотчасъ переведены были они на русскій языкъ, переписаны на томъ и другомъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и немедленно распространены по всему городу. Всеобщее и самое живое впечатлѣніе произведено этими отвѣтами, разумѣется, въ пользу Шлецера. «Съ сихъ поръ, говоритъ Шлецеръ, мое дѣло обратило на себя общественное вниманіе, и я сдѣлался предметомъ разговоровъ. Опасеніе обыска прошло, и я не хотѣлъ вѣрить, чтобы сенатъ, лучше освѣдомившись о дѣлѣ, почелъ нужнымъ подвергнуть меня слѣдствію; я былъ убѣжденъ, что доносъ окажется лживымъ» (712). Положеніе Ломоносова было крайне неловкое. Весьма серьезное, по его убѣжденію, дѣло вдругъ обращено въ смѣхъ, въ стыдъ для него и укоръ для самого сената. Тепловъ послѣ говорилъ Шлецеру: «c'une honte eternelle pour le Senat!», а Шлецеръ, желая замѣнить коллективное понятіе сената личнымъ и благодушно защищая некомпетентность сената, говорилъ: «я этого не думаю. Сенатъ, въ которомъ не было ни одного настоящаго ученаго, не долженъ ли былъ навѣдаться по неопредѣленному доносу *Ло-*

[1] Особенно смѣялся онъ при чтеніи послѣдняго пункта о переписчикѣ, слугѣ президента. «А больше меня къ списыванію помянутыхъ книгъ побудило слѣдующее, пишетъ Шлецеръ: его С—о гднъ президентъ изволилъ ко мнѣ опредѣлить одного изъ своихъ слугъ: сей слуга, которой впротчемъ не былъ глупъ, вдался въ пьянство и другіе пороки, свойственные подлому народу: я старался его отъ того отвлечь, и за наилучшее почелъ средство пріобучить его къ трудамъ. Я не могъ инаго ему дать дѣла, какъ заставить его писать. А другихъ у меня для него письменныхъ дѣлъ не было, кромѣ лѣтописей; въ намѣреніи моемъ мнѣ удалось и я вдругъ сдѣлалъ троякую пользу: дѣтина отъ пороковъ своихъ отвадился, я досталъ лѣтописи, а его сіятельство получилъ годнаго и употребительнаго слугу» (711).

Digitized by Google

моносова объ историческихъ, еще не изданныхъ, извѣстіяхъ, которыхъ изданіе за границей было бы въ предосужденіе Россіи? Я, напротивъ, удивляюсь, что онъ не поступилъ строже, а велѣлъ только отобрать списки съ академическихъ рукописей, если они у меня найдутся. Ломоносовъ, вѣроятно, разсчитывалъ на внезапное нападеніе, на арестъ и обыскъ. И если-бы дѣло дошло до этого, то не я, такъ другіе бы пострадали. Пошла бы инквизація, пожалуй, на цѣлые годы» (708). Жаръ, съ которымъ началось дѣло, тотчасъ остылъ, производство слѣдствія остановилось, сенатъ передалъ доносъ Ломоносова президенту, и только 28 іюля президентъ далъ предписаніе представить ему всѣ документы и обстоятельства по этому дѣлу, а Ломоносову подать отвѣтъ, «для чего мимо его, яко главнаго командира академіи, утруждалъ пр. сенатъ о такомъ дѣлѣ, которое, въ силу академическаго регламента, единственно подлежитъ его разсмотрѣнію и рѣшенію». Предписаніе, очевидно, имѣло въ виду этотъ отвѣтъ, а не дальнѣйшее производство дѣла. Отвѣтъ составленъ былъ также съ большимъ искусствомъ и долженъ былъ снять всякую отвѣтственность съ Ломоносова. Тѣмъ это дѣло и кончилось.

Охотниковъ осуждать и порицать Ломоносова за этотъ доносъ, безъ сомнѣнія, найдется такъ много, что мы не желали бы увеличивать собою ихъ число. Предпочитая, въ настоящемъ случаѣ, роль адвоката, мы желали бы, чтобы читателемъ, въ сужденіи о Ломоносовѣ по этому дѣлу, не были упущены изъ виду тѣ обстоятельства, которыя должны служить къ его оправданію. Они есть, эти обстоятельства, и, по нашему мнѣнію, весьма уважительныя.

Въ основаніе доноса Ломоносова должно полагать прежде всего твердую и рѣшительную его увѣренность въ скоромъ, непремѣн-

Digitized by Google

номъ и безповоротномъ отъѣздѣ Шлецера за границу съ намѣреніемъ отказаться совсѣмъ отъ службы въ академіи. Твердо и столь-же рѣшительно увѣренъ былъ въ томъ и Миллеръ, который эту увѣренность выражалъ прямо и положительно въ своемъ мнѣніи, какъ мы видѣли, утверждая, что не должно разсчитывать ни на какія обязательства Шлецера. Эту увѣренность Миллеръ высказывалъ не однократно въ профессорскомъ собраніи. Что-же удивительнаго и предосудительнаго, что Ломоносову показалось весьма страннымъ и крайне подозрительнымъ то обстоятельство, что молодой человѣкъ, только два года тому назадъ опредѣленный въ адъюнкты академіи, рѣшившійся оставить Россію безповоротно, притомъ извѣстный бойкими и ѣдкими политическими статьями и только-что предложившій въ своихъ планахъ услуги писать въ Россіи о состояніи правительствъ иностранныхъ государствъ, что этотъ молодой человѣкъ безпрепятственно беретъ изъ академической библіотеки рукописи, при очевидномъ содѣйствіи завѣдующаго академической администраціей нѣмца, торопливо переписываетъ эти рукописи, нанимаетъ даже для того писцовъ на собственный счетъ? Подозрительность, кромѣ того, объясняется многочисленными примѣрами разнообразныхъ ругательныхъ статей и цѣлыхъ сочиненій, распространенныхъ по западу и написанныхъ лицами, большею частію жившими въ Россіи. Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ совершенно справедливо указываетъ въ своемъ объясненіи на эти «худые примѣры выѣхавшихъ изъ Россіи иностранныхъ, кои, не бывъ толь далече въ библіотеку впущены, съ одного того что только видѣли, писали и издавали о Россіи ругательныя извѣстія» (Матер., стр. 715). Далѣе, что-же удивительнаго, что Ломоносовъ счелъ своимъ долгомъ указать правительству на необходимость предосторожности «для охраненія отъ бывшихъ прежде сего непріятныхъ примѣровъ», когда и те-

Digitized by Google

перь, при далеко лучшемъ состояніи хранилищъ рукописей и классификаціи ихъ, не всякій иностранецъ можетъ получить безпрепятственный доступъ къ рукописямъ, особенно политическаго характера, а въ нѣкоторыхъ государствахъ (напр. въ Австріи) дозволеніе пользоваться рукописями сопряжено съ неодолимыми затрудненіями? И должно согласиться, что предосторожность въ этомъ отношеніи въ извѣстныхъ случаяхъ имѣетъ свой смыслъ. Что-же должно сказать о томъ времени, когда, при хаотическомъ состояніи хранилищъ рукописей, представленія о правахъ и порядкѣ пользованія ими были крайне смутны и неопредѣленны? Ломоносову, конечно, не на-столько была извѣстна академическая библіотека, чтобы онъ могъ съ твердою увѣренностію отвѣчать за отсутствіе въ хранящихся въ ней рукописяхъ такихъ свѣдѣній, обнародованіе которыхъ могло бы быть вреднымъ, или предосудительнымъ для Россіи, или по-крайней-мѣрѣ несвоевременнымъ, особенно при его извѣстныхъ понятіяхъ о предосудительности въ этомъ отношеніи. А потому нельзя отказать въ дѣйствительномъ значеніи слѣдующему аргументу въ его объясненіи: «государственныя библіотеки, хотя всѣмъ любителямъ наукъ отворены бываютъ, однако съ надлежащею и законною предосторожностію, чево библіотекари строго смотрѣть должны, а особливо беречь рукописныя въ свѣтъ еще неизданныя книги, чтобъ не были вынесены въ подлинникѣ или въ спискѣ и изданы въ свѣтъ стороною. Паче же всего наблюдаются историческія книги той-же области, чтобы не вынеслось что-нибудь оной самой предосудительное» (Матер., стр. 714—715). Порядокъ и предосторожность, какія соблюдались въ то время за границей относительно пользованія рукописями, Ломоносову, вѣроятно, были хорошо извѣстны. Притомъ, и не одинъ Ломоносовъ такъ смотрѣлъ на средства упрочить этотъ порядокъ вообще и относительно Шлецера въ-особенности: такъ смотрѣлъ

Digitized by Google

на это не только Миллеръ, но и защитникъ и покровитель Шлецера, Таубертъ. Миллеръ, въ извѣстномъ отвѣтѣ на планъ занятій Шлецера, прямо говоритъ: «по моему мнѣнію совѣтовать не должно, чтобъ иностранцу, ищущему своего щастія не въ Россіи, давать въ руки такія извѣстія, которыя можетъ онъ впредь употребить не по здѣшнему намѣренію» (Мат., стр. 706). Противъ такого непозволительнаго пользованія Шлецеромъ рукописями Миллеръ, говоритъ Ломоносовъ въ своемъ объясненіи, «неоднократно протестовалъ въ профессорскомъ собраніи» (716)[1]. Можно думать, что Миллеръ даже преувеличивалъ опасность въ глазахъ крутаго и горячаго Ломоносова, соображая, что онъ не остановится на однихъ словахъ, на страдательномъ и безцѣльномъ изъявленіи своего неудовольствія. Даже Таубертъ, въ своемъ весьма благопріятномъ для Шлецера мнѣніи объ увольненіи его за границу, признаетъ рѣшительно необходимымъ «взять съ него письменное обязательство, чтобъ ему всѣ свои собственныя, до Россійской имперіи и древности касающіяся, сочиненія присылать письменныя въ академію и безъ ея вѣдома и дозволенія нигдѣ не печатать и никому не сообщать» (Матер., стр. 730). И такъ, Ломоносовъ былъ рѣшительно и искренно убѣжденъ въ дѣйствительно важной опасности, угрожающей государству отъ

[1] Въ Исторіи академической канцеляріи Ломоносовъ говоритъ: «профессоръ Миллеръ неоднократно жаловался на Тауберта въ профессорскомъ собраніи, что онъ все историческое дѣло старается отдать Шлецеру, ввѣрилъ ему всю россійскую библіотеку, такъ что Шлецеръ выписываетъ и переписываетъ что хочетъ, на что писцовъ наймуетъ, а одного де и нарочно держитъ. О чемъ де онъ не для чего другово такъ старается, какъ чтобы выѣхавъ изъ Россіи не возвратиться, а изданіемъ Россійскихъ историческихъ извѣстій тамъ наживать себѣ похвалу и деньги» (Матер., стр. 094).

Digitized by Google

усердной переписки русскихъ рукописей уѣзжавшимъ за границу нѣмецкимъ политическимъ писателемъ, особенно при его наклонности къ увлеченію и сильно развитомъ патріотическомъ чувствѣ.

Между тѣмъ, на прошеніе Шлецера отъ 26 мая уже заготовлено было, какъ говоритъ Ломоносовъ, разрѣшеніе въ канцеляріи и «по приказанію статскаго совѣтника гна Тауберта сочинено въ чернѣ опредѣленіе и апробовано» (715)[1]. Шлецеръ го-

[1] Дѣйствительно, это черновое опредѣленіе было сочинено и сохранилось; оно напечатано въ Матеріалахъ. Непонятно только, почему издатель относитъ его къ второму прошенію Шлецера, поданному имъ въ августѣ. «Это опредѣленіе, говоритъ онъ, заготовлено было, «*очевидно, на второе прошеніе Шлецера объ отпускѣ въ августѣ безъ означенія числа*, еще въ отсутствіе президента академіи, но не задолго до его возвращенія въ С.-Петербургъ, потому что 13 сентября онъ уже лично присутствовалъ въ канцеляріи» (Матер., стр. 725). Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Опредѣленіе, очевидно, относится къ первому прошенію отъ 26 мая, въ которомъ онъ просится въ отпускъ за границу на 3 мѣсяца, причемъ дѣйствительно «желалъ вѣдать впредь о себѣ опредѣленіе къ произведенію своего счастія при академіи», какъ сказано въ этой черновой резолюціи канцеляріи, для чего и поданъ имъ планъ будущихъ занятій *при академіи*. Отвѣчая непосредственно на это прошеніе, канцелярія опредѣляетъ, что, не смотря на разныя письменныя мнѣнія, поданныя профессорами о планѣ Шлецера, она, «за отлучкою президента, ево Шлецера *къ произведенію профессоромъ обнадежить собою не можетъ;* а какъ оной Шлецеръ по данному ево доношенію о увольненіи неотступно проситъ, и того ради. . . приказали ево Шлецера въ отечество ево на *три мѣсяца* уволить». Такое опредѣленіе, конечно, не можетъ быть отнесено ко второму прошенію Шлецера въ августѣ, потому что въ послѣднемъ онъ просится за границу совсѣмъ, и только предлагаетъ свои услуги заниматься для русской академіи тамъ, за границею, за приличное вознагражденіе. На это послѣднее прошеніе также послѣдовало особое опредѣленіе,

Digitized by Google

товъ былъ выѣхать за границу. Президентъ былъ въ Лифляндіи. Ломоносовъ молчать не могъ и подалъ доносъ въ сенатъ. «Вѣдая все прежнее, говоритъ онъ, и слыша Миллеровы основательныя жалобы и представленія, и опасаясь чтобы невоспослѣдовали такія жъ неудовольствія, какія были прежде отъ иностранныхъ изъ Россіи выѣжжихъ, не могъ для краткости времени, не терпящаго ни малаго умедленія, и для отсудствія президентскаго, и не долженъ былъ преминуть, чтобы о томъ для предосторожности не объявить правительствующему сенату» (Ист. акад. канц., стр. 094). Другую причину, почему онъ обратился въ сенатъ, а не къ президенту, какъ-бы слѣдовало, онъ высказываетъ послѣднему съ весьма замѣчательною, особенно для того времени, смѣлостію: «сверхъ того не долженъ я не упомянуть въ свое законное оправданіе и того, что не токмо въ отсутствіе Ваше, но и въ бытность здѣсь Вашего Сіятельства, мои вамъ представленія, служащія ко всенародной пользѣ и къ исправленію академическаго состоянія, весьма укоснительно въ дѣйствіе производятся; а иныя и вовсе безъ дѣйствія оставлены» (Матер., стр. 716).

Какъ бы то ни было, всѣ приведенныя выше обстоятельства нельзя оставить безъ вниманія, при обсужденіи доноса Ломоносова. Голословное обвиненіе, въ настоящемъ случаѣ, не только исторически невѣрно, но и безнравственно, какъ направленное на нравственный характеръ историческаго лица, съ преднамѣренно-односторонимъ взглядомъ на дѣло. Участіе личнаго раздраженія въ доносѣ отрицать нельзя, но и объяснять его только имъ однимъ — тоже нельзя. Въ изданныхъ теперь Матеріалахъ по-

---

которое также напечатано въ Матеріалахъ, но стоитъ въ немъ какъ-то особнякомъ и не имѣетъ цѣли.

Digitized by Google

мѣщено, между прочимъ, замѣчаніе, что «доносчику сначала дѣйствительно стало страшно: онъ сознавался въ конференціи, что основалъ свой доносъ единственно на изустномъ отзывѣ другаго (Миллера)» (Матер. стр. 712). Это замѣчаніе едва-ли справедливо. Положеніе Ломоносова, когда со всѣхъ сторонъ стали доходить до него слухи о впечатлѣніи, которое произвелъ Шлецеръ своимъ отвѣтомъ, распространеннымъ по всему городу при содѣйствіи Тауберта, конечно, было непріятное; но теперь яснѣе, чѣмъ прежде, видно, что онъ былъ далеко не изъ тѣхъ людей, которые легко поддаются страху. Лучшимъ доказательствомъ полнаго присутствія духа, сознанія имъ правоты и законности дѣйствій, служитъ его объясненіе, въ которомъ онъ не только смѣло и съ достоинствомъ отвѣчаетъ на вопросъ президента, но и доказываетъ, что самое опредѣленіе Шлецера въ адъюнкты произошло «не токмо не въ силу регламента, но и въ предосужденіе Россійскому народу», даетъ знать самому президенту, что доносъ потому и поданъ въ сенатъ, что онъ не уважалъ прежнія его представленія о всенародной пользѣ и исправленіи академическаго состоянія.

Въ-слѣдъ за окончаніемъ дѣла по доносу Ломоносова, Шлецеръ, въ августѣ, подалъ второе длинное прошеніе, въ которомъ онъ слишкомъ долго и не безъ хвастовства останавливается на своихъ ученыхъ заслугахъ, доказываетъ, что дальнѣйшая успѣшная ученая дѣятельность требуетъ прежде всего «бодрости духа, отъ утѣсненія и опасенія не унывающаго», требуетъ «спокойнаго сердца, страхомъ необъятаго» — качествъ, которыхъ онъ теперь имѣть не надѣется «по происшедшимъ тягостнымъ для него слѣдствіямъ и по разглашеніямъ, до честности его права касающимся», и въ заключеніе снова просится за границу, но уже безсрочно, съ прямо выражаемою цѣлью поступить на службу въ Гер-

Digitized by Google

манію, и, въ то-же время, снова предлагаетъ проектъ своихъ занятій для академіи и за границей, «токмо бы соблаговолили опредѣлить ему довольное награжденіе, чтобъ онъ не былъ принужденъ для честнаго своего содержанія принимать на себя другихъ прибыльнѣйшихъ работъ» (стр. 724). Предлагаемыя имъ здѣсь услуги состоятъ въ «изслѣдованіи извѣстій чужестранныхъ о Россійскихъ дѣлахъ писателей, въ сочиненіи полезныхъ компендій или учебныхъ книгъ и въ обученіи молодыхъ Россіянъ въ чужихъ краяхъ». Въ случаѣ же несогласія академіи на эти предложенія, проситъ какъ можно скорѣе окончить его дѣло объ отпускѣ за границу рѣшительнымъ приговоромъ. На это прошеніе, 13 сентября, въ присутствіи самого президента, послѣдовала резолюція: «Шлецера въ ево отечество уволить, а есть ли онъ впредь для академіи понадобится, то бъ къ нему отписать» (726). Между тѣмъ канцелярія по чему-то медлила и абшида и пасспорта не выдавала. 8 октября Шлецеръ подаетъ третье, краткое, сухое и рѣзкое прошеніе, въ которомъ снова проситъ о неукоснительномъ рѣшеніи, потому что его спокойствіе, благополучіе, здравіе и жизнь не терпятъ дальнѣйшаго отлагательства, указываетъ на назначеніе его профессоромъ геттингенскаго университета и объявляетъ, что послѣ этого прошенія онъ долженъ принять послѣднія мѣры, *которыя утѣсняемой невинности остаются* — принести жалобу императрицѣ.

Странное и не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе производитъ вся эта горячность Шлецера, эти одно за другимъ, чрезъ двѣ-три недѣли, подаваемыя прошенія, особенно если сообразить ихъ въ связи; эта торопливость убраться поскорѣй изъ Россіи, надѣлавшей ему столько хлопотъ и разстроившей его здоровье; это указаніе на геттингенскую профессуру и на ожидающее его надежное благополучіе, и въ то-же время предложеніе своихъ за-

Digitized by Google

нятій для россійской академіи, какъ будто то и другое вполнѣ совмѣстимо; странна эта медлительность канцеляріи, заправляемой Таубертомъ, не смотря на состоявшееся 13 сентября рѣшеніе, въ присутствіи самого президента. Можетъ быть, мы и ошибаемся, но на насъ вся эта исторія производитъ впечатлѣніе неблаговиднаго торга нѣмца съ русской академіей, и притомъ производимаго въ союзѣ съ другимъ нѣмцемъ, заправлявшимъ этою академіей. Понятно, что это впечатлѣніе не имѣетъ никакого отношенія къ уваженію собственно ученой дѣятельности Шлецера. Можно чувствовать, въ интересахъ науки, полное удовольствіе къ ординарной профессурѣ Шлецера и въ то-же время полное отвращеніе къ способу ея полученія. Намъ живо представляется при этомъ случаѣ Шлецеръ, торгующійся съ академіей, при отправленіи своемъ въ Россію, и заранѣе припасающій себѣ банкира въ Гамбургѣ для пересылки денегъ изъ Россіи въ Германію. Характеръ Шлецера, на-сколько онъ извѣстенъ, до нѣкоторой степени можетъ оправдывать догадки о такомъ именно смыслѣ всего дѣла о его опредѣленіи въ академію ординарнымъ профессоромъ. Извѣстно, что даже Таубертъ, имѣвшій особенно сильные личные интересы сблизяться съ нимъ, поддерживать и защищать его, « не весьма выхваляетъ моральный его характеръ » въ своихъ письмахъ къ Рычкову (Чт. Общ. ист. 1865, кн. 1, стр. 171). Можетъ быть, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, мы видимъ весьма значительную долю правды въ слѣдующихъ начальныхъ строкахъ мнѣнія Ломоносова, написаннаго по поводу третьяго прошенія Шлецера: « сія плачевная просьба у незнающихъ сожалѣніе, а у свѣдующихъ о дѣлѣ смѣхъ произвести долженствуетъ за тѣмъ, что составлена по ложнымъ основаніямъ, и наполнена гнуснымъ самохвальствомъ » (727).

Далеко не такъ, разумѣется, смотрѣлъ на то-же прошеніе Та-

Digitized by Google

убертъ, вѣроятно и подготовившій его. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сообщить ему особенное значеніе, встревожить остальныхъ профессоровъ и склонить ихъ на скорую руку согласиться на предложеніе Шлецера, сдѣланное имъ во второмъ прошеніи. Сохранилось и отдѣльное мнѣніе, написанное Таубертомъ по этому случаю, совѣтующее заключить съ Шлецеромъ контрактъ на 3 года, по которому считать его въ дѣйствительной службѣ при академіи, въ званіи академическаго адъюнкта, съ прежнимъ жалованьемъ, и уволеннымъ за границу только на нѣкоторое время, для поправленія здоровья, послать съ нимъ двухъ или трехъ студентовъ для изученія, подъ его надзоромъ и руководствомъ, восточныхъ и другихъ нужныхъ языковъ, а также исторіи и древностей восточныхъ и сможныхъ съ Россіею сѣверныхъ народовъ, не отбирать отъ него выписокъ изъ русскихъ рукописей, но письменно обязать не печатать сочиненій о Россіи, безъ вѣдома и дозволенія академіи. Совершенно понятно то впечатлѣніе, какое произвело это мнѣніе на Ломоносова. Въ его примѣчаніяхъ на него видно много раздраженія, но много и правды. Его сильно возмущалъ, какъ уже было замѣчено, утвердившійся въ академіи давно и господствовавшій безусловно обычай дѣйствовать по случайному стеченію обстоятельствъ, въ пользу этой случайности допускать всевозможныя исключенія и уклоненія, не обращая вниманія на уставъ. Какъ бы для утвержденія за академіей и на будущее время права пользоваться тѣми-же случайностями, ловко придуманъ ненавистный для Ломоносова послѣдній пунктъ устава, уполномочивавшій президента на всевозможныя измѣненія послѣдняго; самый уставъ, какъ извѣстно, не заключалъ въ себѣ никакой общей идеи, узаконялъ только совокупность вошедшихъ въ силу случайностей. При такомъ характерѣ дѣйствій и при такомъ взглядѣ на уставъ, послѣдній естественно терялъ всякое дѣйствительное значеніе, и

Digitized by Google

канцелярія не обращала на него ни малѣйшаго вниманія. Вотъ что болѣе всего возмущало и озлобляло Ломоносова — отсутствіе всякой положительной законности, твердаго, предуставленнаго и закономъ укрѣпленнаго порядка. Здѣсь должно искать причины, почему имъ рѣшительно и безусловно отвергнуты совѣты Тауберта, а не въ одномъ личномъ раздраженіи. Такъ, онъ отвергаетъ все мнѣніе Тауберта вообще, какъ несогласное съ уставомъ, который онъ обходитъ по укоренившемуся тогда обычаю: «такихъ подложныхъ отпусковъ я производить не привыкъ, послѣдуя всегда правдѣ, по моему крайнему разумѣнію. И нѣтъ въ Шлецерѣ такой надобности, чтобы хотя на черту отступить отъ порядку» (731); въ-частности онъ отвергаетъ не только присвоеніе новаго званія академическаго адъюнкта, но и вообще право его на званіе адъюнкта академіи, на основаніи устава: «академическимъ адъюнктомъ онъ не бывалъ, говоритъ Ломоносовъ, да и быть не могъ, по силѣ регламента, какъ иноземецъ»; отвергаетъ и назначаемое Таубертомъ жалованье Шлецеру, справедливо утверждая, что «нѣтъ еще примѣру, чтобы не токмо какой адъюнктъ, но ниже кто изъ старшихъ профессоровъ, которые многія показали услуги академіи, съ толь знатною пенсіею отпущены были» (731). Особенно же онъ вооружается противъ отправленія за границу студентовъ для занятій означенными выше предметами, подъ руководствомъ Шлецера, которому бы онъ не ввѣрилъ «ниже волоса студентскаго». Замѣчательны основанія, приводимыя имъ по этому случаю. Отправлять студентовъ за границу, по его мнѣнію, слѣдуетъ къ людямъ, имѣющимъ уже прочно установившуюся ученую репутацію, и не для оріентальныхъ языковъ, которымъ Шлецеръ самъ только намѣренъ еще учиться и изученіе которыхъ удобнѣе въ Россіи, по сосѣдству съ востокомъ (о чемъ онъ обѣщаетъ пред-

Digitized by Google

ставить мѣры, «съ здравымъ разсужденіемъ сходныя»), а также не для изученія исторіи и древностей сѣверныхъ народовъ, для чего достаточно предпринимающему писать Россійскую исторію изученіе писателей объ этихъ народахъ. Его возмущаетъ, наконецъ, мысль, которую онъ видитъ въ мнѣніи Тауберта — приготовлять будущихъ историковъ Россіи въ нѣмецкихъ университетахъ, да еще подъ руководствомъ Шлецера. «Коль бы сіе развратно и позорно было, говоритъ онъ, когда бы природные Россіяне принуждены были учиться разумѣть Россійскія историческія книги у иноземца, которой недавно при ихъ глазахъ началъ самъ учиться по Россійски, и спрашивался въ томъ у ихъ братьи» (Матер., стр. 732).

Послѣ всего этого, Ломоносовъ уже настоятельно требуетъ безусловнаго отпуска Шлецера за границу и не допускаетъ никакого соглашенія съ нимъ, какъ потому, что самъ онъ не представляетъ ничего, чѣмъ бы особенно дорожить должно, такъ и потому, что, «будучи еще новопришлецъ, не обинулся здѣсь оказывать грубости старшимъ академикамъ и обиды тѣмъ, коихъ онъ благодарить и почитать долженъ».

Нельзя отрицать, что оскорбленное личное самолюбіе Ломоносова играло не послѣднюю роль въ составленіи этихъ примѣчаній, но нельзя также отрицать, что основанія, приводимыя въ нихъ, имѣютъ свое значеніе и при чисто-объективной оцѣнкѣ, при соображеніи о *моральномъ характерѣ* Шлецера, особенно объ оказанной имъ неблагодарности Миллеру. Мнѣніе его объ изученіи восточныхъ языковъ въ Россіи заслуживаетъ полнаго вниманія; безъ сомнѣнія, ему не удалось подробнѣе развить его, такъ-какъ послѣ подачи этихъ примѣчаній ему оставалось всего полгода жизни. Содержаніе иностранныхъ ученыхъ за границей, въ званіи адъюнктовъ или академиковъ, съ жало-

Digitized by Google

ваньемъ, соотвѣтствующимъ этимъ званіямъ, основательно не допускается ни одною академіей, и, какъ примѣръ исключительный для Шлецера, былъ бы весьма вреднымъ прецедентомъ. Порученіе студентовъ молодому человѣку, о нравственныхъ качествахъ котораго самъ Таубертъ имѣлъ весьма невыгодное мнѣніе, конечно, не дѣлаетъ чести послѣднему.

Въ такомъ положеніи (по изданнымъ теперь Матеріаламъ) находилось дѣло Шлецера, когда совершенно неожиданно явился знаменательный указъ Екатерины слѣдующаго содержанія: «Академія наукъ имѣетъ въ службу нашу принять адъюнкта Шлецера профессоромъ исторіи ординарнымъ на кондиціяхъ при семъ приложенныхъ» (Матер., стр. 733). Указъ подписанъ 3 января. Изъ приложенныхъ къ нему и упомянутыхъ въ немъ кондицій особенно замѣчательна слѣдующая: «а дабы какъ историческія его (Шлецера) сочиненія такъ и прочіе труды, склоняющіеся къ народной пользѣ, тѣмъ безпрепятственнѣе могли производимы быть въ печать, то позволяется ему оные для засвидѣтельствованія его усердія всеподданнѣйше представлять Ея Императорскому Величеству, или кому отъ Ея Величества разсмотрѣніе оныхъ поручено будетъ». Ломоносовъ, въ своихъ замѣчаніяхъ, написанныхъ по поводу этого неожиданнаго обстоятельства, за три мѣсяца до смерти, выразился такъ объ этомъ безпримѣрномъ преимуществѣ, дарованномъ Шлецеру: «какое разсужденіе произойдетъ между учоными и всѣми знающими, что, выше всякаго примѣра на свѣтѣ, Шлецеровы сочиненія выключены и освобождены отъ общаго академическаго рассужденія и рассмотрѣнія, отчего нигдѣ ни единой академикъ, ни самой учоной и славной не бывалъ свободенъ. Правда, что для Шлецера то надобно; за тѣмъ что опасается отдать на раз-

Digitized by Google

смотрѣніе иноземецъ природнымъ: ученикъ учителямъ, начавшей многотрудившимся» (Матер., стр. 735).

Издатель Матеріаловъ и здѣсь ставитъ Ломоносова, по нашему мнѣнію, въ ложное трагическое положеніе. «Эта развязка, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія, была для него громовымъ ударомъ, и однако онъ не только не потерялъ духа, не остался, сложа руки, *въ нѣмомъ удивленіи и отчаяніи*, но имѣлъ еще силу попытаться на противодѣйствіе совершившемуся факту, и притомъ не вовсе безъ успѣха». Издателю хотѣлось и здѣсь поразить читателя трагичностію положенія Ломоносова, что доказывается преднамѣреннымъ размѣщеніемъ относящихся сюда документовъ и столь-же преднамѣреннымъ, по собственному его признанію, опущеніемъ изъ автобіографіи Шлецера объясненія указа Екатерины, отъ 3 января, «чтобы читатель тѣмъ живѣе почувствовалъ неожиданность развязки и то впечатлѣніе, которое она должна была произвесть на противниковъ Шлецера». Но искусственность положенія Ломоносова въ этомъ случаѣ выдаютъ, въ глазахъ внимательнаго читателя, самыя даты поставленныхъ рядомъ документовъ, т. е. послѣднихъ примѣчаній его на мнѣніе Тауберта объ условіяхъ отпуска Шлецера за границу, и указа Императрицы: первыя помѣчены еще 15 октября 1764 года, а второй, какъ извѣстно, подписанъ 3 января 1765 года. Внимательный читатель, изъ простаго соображенія почти трехмѣсячнаго разстоянія между этими числами, безъ труда пойметъ, что это время, по всей вѣроятности, не оставалось пустымъ, что въ эти три мѣсяца ни Ломоносовъ съ Миллеромъ, ни Шлецеръ съ Таубертомъ не оставались безъ дѣла и работали усердно каждый для себя, что слѣдовательно Ломоносовъ, безъ сомнѣнія, въ послѣднее время могъ предвидѣть развязку и что указъ Екатерины не могъ быть для него громовымъ ударомъ, не могъ при-

Digitized by Google

весть его въ нѣмое удивленіе и отчаяніе. Оттого и «слѣдствія отъ принятія Шлецерова ординарнымъ профессоромъ исторіи», написанныя имъ, вѣроятно, въ-слѣдъ за указомъ 3 января, не обнаруживаютъ ни малѣйшихъ признаковъ тревожнаго состоянія духа, и удивленіе издателя силѣ характера Ломоносова въ этомъ случаѣ едва-ли не напрасно, или по-крайней-мѣрѣ преувеличено. Лучше было бы, кажется, помѣстить изъ автобіографіи Шлецера нѣсколько строкъ, объясняющихъ появленіе указа 3 января, чтобы предохранить и Ломоносова отъ ложнаго положенія, и читателя отъ ложныхъ впечатлѣній. Издатель не останавливается и на этомъ искусственномъ преувеличеніи вліянія указа на Ломоносова: ему непремѣнно хочется парализировать этимъ указомъ всю послѣдующую дѣятельность Ломоносова, доказать полную апатію его къ самымъ дорогимъ для него интересамъ, за которые онъ ратовалъ до сихъ поръ безъ устали, къ интересамъ университета, къ производившемуся тогда исправленію академіи новымъ регламентомъ и къ привилегіямъ академіи. «Въ остальные три мѣсяца жизни Ломоносова, говоритъ онъ, мы не видимъ никакого слѣда его заботъ о новомъ регламентѣ и привиллегіяхъ академіи», — и все оттого, что Шлецеръ занялъ мѣсто въ академіи съ преимуществами, какихъ не имѣлъ онъ самъ. Будущій біографъ Ломоносова, конечно, подробно разскажетъ о послѣднемъ времени его жизни и покажетъ, что не послѣдніе три мѣсяца, а послѣдніе годы его жизни, начиная отъ смерти Елисаветы, не приносили ему прежнихъ радостей, что во всѣ эти годы все болѣе и болѣе скоплялось въ его тревожной и кипѣвшей дѣятельностью душѣ тяжелыхъ думъ и впечатлѣній, что въ эти годы его прежде сильный духъ, вдругъ потерявшій главную опору своихъ стремленій, среди враждебной обстановки, слабѣлъ постепенно вмѣстѣ съ тѣломъ,

Digitized by Google

разрушались его планы, падали надежды, что, наконецъ, среди этихъ бурь и впечатлѣній не видное мѣсто занимаетъ и впечатлѣніе отъ указа 3 января. Ломоносовъ весь, со всею своею дѣятельностью, принадлежитъ царствованію Елисаветы; тамъ его корень, главныя опоры его общественнаго положенія, тамъ его свѣтлые идеалы. Со смертью Елисаветы и паденіемъ Шувалова, котораго ненавидѣла Екатерина, съ появленіемъ новыхъ людей, новыхъ порядковъ и новыхъ взглядовъ, съ которыми уже трудно было свыкаться Ломоносову, пошатнулось въ своемъ основаніи прежнее его положеніе. Ненависть новой императрицы къ Шувалову не могла не отразиться на Ломоносовѣ, и можно съ вѣроятностью заключать, что Екатерина не любила Ломоносова. Ея вниманію, заботливости (въ письмахъ къ Олсуфьеву), даже ея посѣщенію, конечно, нельзя придавать большаго значенія. Ломоносовъ, разумѣется, отлично сознавалъ тогдашнее свое положеніе и еще больше чувствовалъ, и это сознаніе и чувство отнимали у него руки, ослабляли его силы, его прежнюю неизмѣнную энергію, его кипучую дѣятельность. Враги его спѣшили усердно пользоваться безвременьемъ Ломоносова, наносили ему множество мелкихъ оскорбленій. Въ тѣхъ-же примѣчаніяхъ на мнѣніе Тауберта онъ говоритъ о распространяемыхъ о немъ слухахъ, «дабы отвратить отъ него его доброжелателей и пріятелей; а особливо уничтожить послушаніе его подчиненныхъ, которые уже давно настращаны Таубертомъ, боятся Ломоносову оказывать исполненіе дѣлъ законныхъ по командѣ» (Матер., стр. 736). Онъ потерялъ вѣру въ будущее, что неоднократно высказывалъ самъ въ послѣднее время. Вотъ гдѣ должно искать источникъ его тяжелыхъ впечатлѣній, его грустныхъ думъ въ послѣдніе годы... Говорить серьезно объ ослабленіи его дѣятельности въ послѣдніе три мѣсяца его жизни нельзя уже и

Digitized by Google

потому, что нужно же было умереть ему, хоть сколько-нибудь поболѣть предъ смертью; не скоропостижно же онъ умеръ. Извѣстно, что, еще года за три до смерти, Ломоносовъ постоянно хворалъ, и бумаги большею частію были отправляемы къ нему на-домъ (565, 569 и др.). Изъ изданныхъ теперь Матеріаловъ можно видѣть, какъ давно начались его тѣлесные недуги и какъ часто препятствовали они ему участвовать въ обычныхъ академическихъ засѣданіяхъ.

Digitized by Google

4. ЛОМОНОСОВЪ,

ЗАВѢДУЮЩІЙ УЧЕНЫМИ И УЧЕБНЫМИ УЧРЕЖДЕНІЯМИ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Мы сказали, что Ломоносовъ своею годичною дѣятельностью въ канцеляріи успѣлъ убѣдить президента въ необходимости принять рѣшительныя мѣры къ исправленію академіи наукъ во всѣхъ ея частяхъ. Одною изъ такихъ мѣръ было отдѣленіе вѣдомства ученыхъ и учебныхъ учрежденій академій отъ канцеляріи и порученіе ихъ Ломоносову. На эту мѣру дѣйствительно должно смотрѣть какъ на непосредственное слѣдствіе годичнаго участія его въ академическомъ управленіи, какъ на результатъ его представленій. Такъ-какъ главнѣйшая дѣятельность Ломоносова въ канцеляріи и всѣ его представленія направлены были на улучшеніе прежде всего этихъ учрежденій, то и естественно, что президентъ поспѣшилъ немедленно же пресѣчь зло въ самой существенной части академіи, поручивъ завѣдываніе ими Ломоносову. Указъ президента объ отдѣленіи ученыхъ и учебныхъ учрежденій отъ общаго управленія послѣдовалъ 24 марта 1758 г.

Хотя, по смыслу этого указа, самостоятельность распоряженій Ломоносова во вновь отдѣленномъ для него вѣдомствѣ должно представлять себѣ весьма относительною, такъ-какъ ему предписывается все, «что къ лутчему произведенію ученыхъ дѣлъ и къ приращенію наукъ усмотритъ, представлять въ канцеляріи гдамъ членамъ,

Digitized by Google

гдѣ по общему согласію о томъ чинить разсужденія и опредѣленія и докладывать для конфирмаціи его сіятельству гдну президенту», тѣмъ не менѣе нельзя не придавать ему особенную важность. Для насъ въ настоящемъ случаѣ не столько важно то, что исполнено по представленіямъ Ломоносова, сколько самыя его представленія и начинанія; для насъ важны мысли Ломоносова объ устройствѣ гимназіи и университета и мѣры для осуществленія этой мысли, хотя бы самыя мѣры и не получили практическаго примѣненія.

Во всякомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія при этомъ на слѣдующее обстоятельство. Извѣстно, что тѣмъ-же приказомъ президента 24 марта, которымъ поручены были ученые и учебные департаменты академіи въ особливое прилежное стараніе и смотрѣніе Ломоносова, совершенно въ томъ-же смыслѣ и съ употребленіемъ тѣхъ-же выраженій, поручались Штелину департаменты академіи художествъ, а Тауберту — типографія, пунсонная, механическая лабораторія, переплетная и книжная лавка. Между тѣмъ, на стр. 387 Матеріаловъ упоминается объ особомъ ордерѣ президента *9 іюня 1759 года* (хотя, къ сожалѣнію, неизвѣстно почему, не приводится самый ордеръ), которымъ академическая типографія (только) поручается *въ единственное вѣденіе совѣтника Тауберта.* Какой смыслъ имѣетъ этотъ ордеръ, это усиленное выраженіе независимости дѣйствій Тауберта, это отдѣленіе именно типографіи отъ остальныхъ подвѣдомственныхъ ему частей? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ, особенно когда не знаешь самаго ордера, но нельзя сомнѣваться, что былъ поводъ, послѣ указа 24 марта 1758, къ выдѣленію типографіи изъ положенія, опредѣленнаго этимъ указомъ, и къ усиленію, въ отношеніи къ ней, независимости Тауберта. Ломоносовъ, очевидно, не могъ не обратить вниманія на такое исклю-

Digitized by Google

чительное положеніе Тауберта относительно типографіи и на весьма сильное выраженіе, употребленное въ ордерѣ президента, а потому долгомъ считалъ съ своей стороны объяснить, какъ онъ понималъ это выраженіе — «единственное вѣденіе». Таковъ смыслъ сохранившихся его собственноручныхъ примѣчаній на полѣ копіи съ этого ордера. «Единственое вѣденіе разумѣю, говоритъ онъ, чтобъ имѣть объ ней во всемъ попеченіе и содержана бъ была въ добромъ порядкѣ, а не такъ чтобы оною совсѣмъ одинъ овладѣлъ и что хотѣлъ дѣлалъ, да и мастеровые какъ и протчіе состояли подъ канцеляріею»; въ другомъ примѣчаніи сказано: «вновь о людехъ принимаемыхъ должно знать и опредѣлять отъ канцеляріи, и смотрѣть, чтобъ ни въ чемъ подозрительны не были»; въ третьемъ предписывается доносить канцеляріи о всемъ, печатаемомъ въ типографіи, чрезъ каждые три мѣсяца (Матер., стр. 387). Весьма вѣроятно, что эти примѣчанія сдѣланы были Ломоносовымъ для объясненія съ президентомъ. Менѣе вѣроятно предположеніе издателя Матеріаловъ, что они, *судя по ихъ тону*, какъ-бы записаны со словъ президента, и что категорическій тонъ ихъ ничего не доказываетъ, тѣмъ болѣе, что Ломоносовъ дѣлалъ всѣ эти примѣчанія для себя, для памяти, и можно указать на множество такого рода его примѣчаній, отличающихся совершенно тѣмъ-же тономъ. Смыслъ же другаго замѣчанія издателя Матеріаловъ трудно и понять: «касательно порученія университета и гимназіи *въ единственное вѣденіе* Ломоносова, говоритъ онъ, незамѣтно ни малѣйшаго слѣда подобныхъ ограниченій. Гдѣ же это порученіе Ломоносову учебныхъ учрежденій въ *единственное* вѣденіе? Въ ордерѣ 9 іюня 1759 года говорится только о типографіи, порученной въ единственное вѣденіе Тауберта, что и вызвало ограничительныя примѣчанія Ломоносова, а объ университетѣ и гимназіи мы за-

Digitized by Google

мѣтили пока только, что они указомъ 24 марта 1758 года поручены были послѣднему въ особливое и прилежное стараніе и смотрѣніе, какъ приведенныя выше отдѣльныя части академіи поручены Штелину и Тауберту. Какихъ-же слѣдовъ и какихъ ограниченій ищетъ издатель, когда не было къ нимъ ни малѣйшаго повода въ это время? Поводъ *къ примѣчаніямъ*, выражающимъ личный взглядъ Ломоносова (а не къ *дѣйствительнымъ ограниченіямъ*, какъ хочетъ думать издатель), былъ только относительно типографіи, порученной Тауберту, неизвѣстно почему, въ *единственное вѣдѣніе*. Извѣстно, что такой-же указъ о *единственномъ вѣдѣніи* для университета и гимназіи состоялся только въ январѣ 1760 года и, разумѣется, къ нему Ломоносовъ не писалъ своихъ объяснительныхъ и ограничительныхъ примѣчаній.

Тѣмъ не менѣе указомъ 24 марта Ломоносовъ достигалъ своей главной цѣли, пріобрѣтая право и возможность съ большею самостоятельностію дѣйствовать въ той средѣ, которую онъ справедливо считалъ разсадникомъ будущихъ россійскихъ Ломоносовыхъ; онъ вмѣстѣ съ нимъ получалъ и больше средствъ для осуществленія своихъ самыхъ дорогихъ, самыхъ задушевныхъ стремленій. Ломоносовъ, конечно, отлично понималъ, что цѣль академіи наукъ — разработывать и двигать науку, но въ то-же время онъ уже изъ одного тогдашняго состава ея членовъ ясно видѣлъ, что его время есть время заготовленія будущихъ дѣятелей науки, а потому всѣ его усилія, всѣ его заботы, всѣ его непрерывныя и докучливыя представленія президенту и канцеляріи направлены были главнымъ образомъ на приведеніе гимназіи и университета въ то состояніе, которое хотя сколько-нибудь соотвѣтствовало бы ихъ назначенію. Едва-ли не наибольшую долю непріятностей и огорченій пришлось перенести Ломоносову именно

Digitized by Google

за эти заботы, за эту докучливость, потому что заправлявшіе всѣмъ академическимъ управленіемъ нѣмцы, по весьма понятнымъ соображеніямъ, наиболѣе неблагосклонно смотрѣли на приставленныя къ академіи учебныя учрежденія. «Куда де столько студентовъ и гимназистовъ, куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ», говаривали они обыкновенно. Ломоносовъ долженъ былъ встрѣчать препятствія и сопротивленія своимъ мѣрамъ по учебной части даже послѣ указа 1758 года, въ-слѣдствіе оффиціальныхъ отношеній къ канцеляріи. Такое явно-враждебное отношеніе академической канцеляріи къ учебнымъ учрежденіямъ, а равно жалкое и почти безцѣльное состояніе послѣднихъ, никакъ нельзя нравственно оправдывать однимъ узкимъ взглядомъ на господствовавшій на западѣ составъ академій: самыя простыя, самыя элементарныя соображенія, доступныя не только Миллеру, прямо запрещавшему читать лекціи студентамъ (061), не только Шумахеру и Тауберту, старавшимся всѣми мѣрами парализировать учебную дѣятельность при академіи, но и нѣмецкой академической прислугѣ, указывали на то, что учебныя учрежденія составляли тогда первую и самую насущную потребность для Россіи, что ученая дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ еще не имѣла органическаго отношенія къ той почвѣ, на которой академіи приходилось дѣйствовать. Знали же академики, куда ѣхали, что за обязанности и что за дѣятельность ихъ ожидаетъ въ новой службѣ. Въ крайнемъ случаѣ упомянутый взглядъ на академію могъ привести къ представленіямъ объ отдѣленіи учебныхъ учрежденій отъ академіи и о самостоятельномъ ихъ устройствѣ, а не къ пренебреженію и къ преднамѣренному приведенію ихъ въ бѣдственное и безполезное состояніе.

Теперь Ломоносовъ получилъ, наконецъ, то, чего домогался давно, получилъ право устроивать эту среду, которою онъ боль-

Digitized by Google

ше всего дорожилъ. Мы остановимся на дѣятельности его по этому новому назначенію, особенно на регламентаціи университета и гимназіи, а также на предпринятой въ концѣ его жизни регламентаціи всей академіи.

Университетъ и гимназія прежде всего не могли соотвѣтствовать своему назначенію по числу учащихся въ нихъ. Извѣстно, что студентовъ опредѣлено по штату 30, а гимназистовъ всего 20; и то и другое число, очевидно, было крайне недостаточно, особенно гимназистовъ, изъ которыхъ далеко не всѣ поступали въ университетъ. Невозможность имѣть требуемое штатомъ число студентовъ изъ получившихъ образованіе въ академической гимназіи заставляла академію прибѣгать къ старой мѣрѣ, къ выпискѣ молодыхъ людей изъ семинарій. Впрочемъ, должно сказать, что академія вообще очень мало заботилась и о столь ограниченномъ штатномъ числѣ учащихся. Ломоносовъ неоднократно указывалъ и прежде, какъ на ненормальное отношеніе числа учащихся въ университетѣ и гимназіи, такъ и на несоотвѣтствіе наличныхъ учениковъ даже штатному опредѣленію. Такъ въ 1755 году, въ извѣстномъ намъ планѣ преобразованія академіи, онъ именно жалуется на это несоотвѣтствіе, а равно и на ограниченное число студентовъ въ университетѣ. Особенно его возмущало исключеніе изъ обученія податнаго состоянія, вредное по недостатку ученыхъ людей вообще и по незначительности преимуществъ послѣднихъ, удерживающей и дворянъ отъ поступленія въ академическія учебныя заведенія (448).

А каково было внутреннее состояніе обоихъ заведеній и при такомъ ограниченномъ числѣ, видно изъ слѣдующаго мѣста тогоже проекта: «ни единъ школьникъ въ студенты изъ гимназіи не выпущенъ, кромѣ одного или двухъ, которые прежде въ другихъ школахъ доброе положили основаніе» (439); въ универ-

Digitized by Google

ситетѣ не было студентовъ, ни лекцій, ни лекціямъ каталоговъ, ни диспутовъ, ни формальныхъ промоцій въ лиценціаты и доктора (441). Въ приведенной выше запискѣ начала 1758 г. «объ излишествахъ, недостаткахъ и замѣшательствахъ въ академіи» Ломоносовъ говоритъ, между прочимъ, что студенты и школьники ведутъ себя *развращеннымъ образомъ*, безъ надлежащаго присмотра, предлагаетъ набрать новыхъ школьниковъ и снабдить и университетъ и гимназію опредѣленными регламентами. Здѣсь-же онъ упоминаетъ о совѣтахъ доброхотовъ русскаго просвѣщенія уничтожить совсѣмъ академическія учебныя учрежденія и передать все, имъ принадлежащее, московскому университету.

При такомъ положеніи дѣлъ, Ломоносовъ, получивъ въ свое вѣденіе эти учрежденія, естественно долженъ былъ озаботиться прежде всего объ увеличеніи числа учащихся въ нихъ, чтобы они могли соотвѣтствовать своему назначенію. Дѣйствительно, въ донесеніи въ канцелярію (въ іюнѣ 1758 года) онъ говоритъ, что «*о умноженіи учениковъ въ гимназіи и студентовъ въ университетѣ и о распространеніи наукъ въ Россіи отъ меня представлено письменно*», т. е. президенту, и требуетъ 1200 руб. въ годъ на содержаніе наличныхъ учениковъ гимназіи (373). По всей вѣроятности, это представленіе подано было президенту вскорѣ послѣ указа 24 марта; жаль, что оно не сохранилось или не отыскано. Выдача 1200 рублей инспектору Модераху для расходованія, «по расположенію колл. сов. гдна Ломоносова», разрѣшено президентомъ 18 августа.

Изъ слѣдующихъ за-тѣмъ одного за другимъ распоряженій Ломоносова видно, что онъ прежде всего принялся за гимназію. Такъ, въ началѣ слѣдующаго года, представлены имъ въ канцелярію и одобрены составленныя имъ самимъ «узаконенія для учащихся въ гимназіи» (378—379), опредѣляющія общее по-

Digitized by Google

веденіе учениковъ въ отношеніи къ учителямъ и другъ къ другу, а также наставленія противъ лѣности, неопрятности, лжи и прч. Правила эти, безъ сомнѣнія, предназначались для вывѣски на стѣнахъ.

Въ началѣ того-же года предложена имъ канцеляріи весьма важная въ педагогическомъ отношеніи мѣра и ею одобрена, чтобы профессоры, каждый по своей профессіи, сочинили «краткое и ясное понятіе о своей наукѣ токмо въ дефиниціяхъ и въ главныхъ раздѣленіяхъ состоящее, такъ чтобы каждая въ печати полулиста не превосходила» (Матер., стр. 380). Ломоносовъ въ этомъ случаѣ собственно имѣлъ въ виду оканчивающихъ курсъ гимназистовъ, чтобы облегчить для нихъ обзоръ содержанія пройденныхъ ими наукъ и чтобы «они могли себѣ избрать всякъ по своей склонности, въ которой употребить главное свое упражненіе». Мѣра эта безспорно весьма важная и много говоритъ въ пользу педагогическаго такта Ломоносова. И въ наше время, при лучшемъ положеніи учебнаго дѣла, обширныя руководства, усвоиваемыя гимназистами по частямъ и въ продолжительное время, крайне затрудняютъ обзоръ всей науки, пониманіе общаго смысла и цѣльности его содержанія, а также взаимнаго отношенія отдѣльныхъ его частей. Задайте и теперь хорошо окончившему курсъ гимназисту вопросъ объ общемъ составѣ и смыслѣ усвоеннаго имъ предмета, о взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ его частей — и вы навѣрное или не получите отвѣта, или встрѣтите въ отвѣтѣ неясность, сбивчивость представленій, хотя тотъ-же гимназистъ безъ затрудненія и удовлетворительно отвѣтитъ на каждый вопросъ по той или другой части этого предмета. И въ наше время такіе краткіе обзоры всего содержанія предмета весьма полезны и даже желательны, и не только для указанной Ломоносовымъ цѣли, т. е. для выпускныхъ гимназистовъ и для

Digitized by Google

сознательнаго выбора ими факультета, но и какъ важное пособіе для сознательнаго усвоенія обширнаго и подробнаго руководства, потому что, только при такомъ пособіи, каждая отдѣльная, изучаемая имъ, часть предмета представляется въ ясной для него связи со всѣмъ содержаніемъ и со всѣми остальными частями того-же предмета. Если же такъ должно судить теперь о мѣрѣ, предложенной Ломоносовымъ въ 1759 г., то что же должно сказать о ней въ ея примѣненіи къ академической гимназіи его времени. Предложеніе было одобрено канцеляріей и тогда-же (3 марта 1759 г.) сообщено профессорскому собранію. Въ протоколѣ послѣдняго, 5 марта, записано: «прочтенъ указъ, которымъ предлагается каждому профессору составить краткій конспектъ своей науки; профессоры дали обѣщаніе составить» (381). Въ засѣданіи конференціи 17 мая Ломоносовъ напомнилъ объ исполненіи предписанія канцеляріи, на что также послѣдовало обѣщаніе профессоровъ (386). Слишкомъ черезъ годъ (11 іюля 1760 г.), Ломоносовъ снова объявилъ въ канцеляріи, что и по-нынѣ отъ многихъ профессоровъ краткихъ обзоровъ не подано, почему и рѣшено снова подтвердить указомъ (456); отвѣта изъ конференціи не было. Въ апрѣлѣ 1762 г. былъ третій подтвердительный указъ. На этотъ разъ секретарь (Миллеръ), вѣроятно, для очистки бумаги, убѣждалъ профессоровъ исполнить предписаніе; но здѣсь все дѣло сведено на простое указаніе уже существующихъ печатныхъ краткихъ учебниковъ и на русскій ихъ переводъ, а потому секретарь просилъ только, чтобы кто-нибудь представилъ списокъ такихъ учебниковъ [1]. Тѣмъ дѣло и кончилось. Такая заботливость профессоровъ объ устройствѣ учебнаго дѣла при академіи

[1] Ut quilibet indicem talium librorum exhibeat, Secretarius monuit Academicos.

Digitized by Google

тѣмъ болѣе замѣчательна и характеристична, что для нихъ, разумѣется, нисколько не было затруднительно составленіе конспекта въ полъ-листа. Впрочемъ и здѣсь, какъ видно изъ примѣчанія издателя Матеріаловъ (381), составляетъ отрадное исключеніе тотъ-же добросовѣстный Браунъ, о которомъ всегда съ такимъ сочувствіемъ отзывается Ломоносовъ за его постоянное усердіе въ дѣлѣ обученія: его idea philosophiae generalis, вѣроятно, составлена вслѣдствіе предписанія канцеляріи. Въ маѣ того-же года назначенъ былъ экзаменъ студентамъ и гимназистамъ, а отъ профессоровъ университета затребованъ былъ каталогъ лекцій для будущаго семестра.

Въ-слѣдъ за-тѣмъ началась энергическая дѣятельность Ломоносова по общей регламентаціи университета и гимназіи. Такъ-какъ онъ и прежде въ разныхъ своихъ представленіяхъ не однократно указывалъ на недостатокъ регламентовъ для академическихъ учебныхъ заведеній, какъ на величайшее зло, то естественно, что, принявъ въ свое вѣденіе эти заведенія, онъ спѣшилъ устранить отъ нихъ это зло составленіемъ для нихъ регламентовъ. Дѣйствительно, еще въ августѣ 1759 г., въ журналѣ канцеляріи упоминается «о переводѣ регламента университету и гимназіи, сочиненнаго Ломоносовымъ на нѣмецкій языкъ»; а опредѣленіемъ канцеляріи 17 сентября предписывается: «сочиненныя гдномъ Ломоносовымъ регламенты университету и гимназіи разсмотрѣть прилѣжно гдамъ профессорамъ: Миллеру, Фишеру, Брауну и Модераху, и для того оные напредь отослать къ гдну Фишеру, и ежели ими какія сумнительства или недостатки усмотрѣны будутъ, о томъ свои изъясненія подать въ канцелярію».

Гдѣ же гимназическій и университетскій регламенты? Ихъ нѣтъ въ Матеріалахъ; должно думать, что ихъ нѣтъ и въ ака-

Digitized by Google

демическихъ архивахъ; можетъ быть, они и отыщутся со-временемъ [1]. Теперь же, къ сожалѣнію, мы должны пока довольствоваться тѣми немногими отрывочными замѣчаніями, какія сдѣланы были на него нѣкоторыми профессорами, въ-слѣдствіе опредѣленія канцеляріи отъ 17 сентября 1759 г.

Изъ этихъ замѣчаній нѣсколько пространнѣе и опредѣлительнѣе, какъ и должно было ожидать, тѣ, которыя сдѣланы были инспекторомъ гимназіи Модерахомъ, хотя они больше относятся къ матеріальной обстановкѣ гимназистовъ. Такъ, онъ выражаетъ желаніе вообще, чтобы все, что касается экономической части, было съ особенною обстоятельностію опредѣлено, разсчитано и изложено; причемъ онъ замѣчаетъ, что, по причинѣ возвышенія цѣнъ на предметы продовольствія, нѣтъ никакой возможности довольствоваться 30 рублями на каждало гимназиста, какъ было до сихъ поръ, и что при этой цифрѣ воспитанники должны будутъ имѣть самое жалкое содержаніе и нуждаться въ самомъ необходимомъ. Видно, уставъ, предложенный Ломоносовымъ, ограничился общими опредѣленіями въ этомъ отношеніи и прежними 30 рублями на каждаго гимназиста. Модерахъ находитъ также неудовлетворительнымъ постановленіе относительно содержанія больныхъ, положеніе которыхъ было до сихъ поръ, по его словамъ, крайне бѣдственнымъ. Что же касается до учебной части,

---

[1] Издатель Матеріаловъ говоритъ: «я не нашелъ ихъ въ архивѣ, въ которомъ, можетъ быть, и нѣтъ и даже никогда не было ихъ списка. Подлинникъ должно было приготовить для представленія на высочайшее утвержденіе вмѣстѣ съ привилегіей; а въ спискѣ не могло быть надобности, покуда не послѣдовало высочайшаго утвержденія» (420).. Сомнительно, чтобы въ канцеляріи не осталось копій съ документовъ столь важныхъ, когда онѣ сохранялись въ дѣлахъ вовсе незначительныхъ.

Digitized by Google

то, по его мнѣнію, излишни слишкомъ точныя и строгія опредѣленія о лекціяхъ и вообще учебныхъ занятіяхъ гимназистовъ, чтобы удобнѣе дѣлать въ послѣдствіи необходимыя измѣненія по этой части. Должно полагать, что Ломоносовъ, взыскательный къ учебнымъ обязанностямъ учащихъ и учащихся и знавшій о существовавшей небрежности въ этомъ отношеніи, о чемъ можно заключать изъ прежнихъ его распоряженій, считалъ необходимымъ съ особенною точностію опредѣлить эту существенную сторону гимназіи. Предписанія о методѣ обученія Браунъ находитъ также слишкомъ строгими: «надлежитъ оставить нѣчто, говоритъ онъ, и на смотрѣливость и благоразуміе учащаго, однако усматривается то при самомъ дѣлѣ, ибо при обрасцѣ ученія не можно дать столь строгихъ предписаній, чтобъ по усмотрѣнію обстоятельствъ нельзя было чего отмѣнить». Модерахъ указываетъ и на другую слабую сторону учебной части гимназіи — на недостатокъ учебныхъ руководствъ, и требуетъ, что бы были приняты мѣры для полученія ихъ во всякое время въ надлежащемъ количествѣ.

Столь-же строгія предписанія, какъ видно, заключались въ уставѣ и для нравственнаго надзора за учениками, потому что, по замѣчанію Модераха, нѣкоторыя обязанности, возлагаемыя въ этомъ отношеніи на гимназическихъ надзирателей, невыполнимы, при настоящемъ ихъ составѣ.

Замѣчательно, наконецъ, послѣднее общее замѣчаніе Модераха о необходимости поддержки со стороны высшей власти для того, кому будетъ поручена гимназія и на кого будетъ возложено практическое примѣненіе устава, потому что безъ этой поддержки не возможно будетъ преодолѣть тѣ препятствія и затрудненія, которыя въ разныхъ обстоятельствахъ навѣрное представятся во множествѣ. Трудно рѣшить, имѣетъ ли это за-

Digitized by Google

мѣчаніе общій и безотносительный смыслъ, или заключаетъ въ себѣ скрытный и осторожный намекъ на необходимость обезпеченія инспектора гимназіи отъ неумѣренныхъ притязаній самого Ломоносова, какъ главнаго и непосредственнаго начальника.

Вотъ въ сущности и всѣ замѣчанія на гимназическій регламентъ Ломоносова, если не придавать большой важности тѣмъ окупаціямъ по реторикѣ, которыхъ требуетъ Штелинъ. Изъ немногочисленности и самаго характера замѣчаній, представленныхъ лицами, наиболѣе компетентными и заинтересованными въ этомъ дѣлѣ, должно заключать, что составленный Ломоносовымъ гимназическій регламентъ вообще удовлетворялъ понятіямъ тогдашнихъ ученыхъ нѣмцевъ о гимназическомъ устройствѣ. Профессоръ Браунъ, всегда добросовѣстно выполнявшій свои учебныя обязанности и слѣдовательно отлично знакомый съ учебною частію, прямо говоритъ, что онъ «при регламентѣ гимназическомъ не нашолъ ничего, чтобъ достойно было главнаго примѣчанія», и ограничивается приведеннымъ выше замѣчаніемъ о методѣ обученія, а Штелинъ, хотя и примѣтилъ нѣкоторое различіе въ проектированномъ Ломоносовымъ гимназическомъ устройствѣ сравнительно съ прочими славными гимназіями, въ которыхъ онъ препроводилъ свои молодыя лѣта, но объясняетъ это различіе мѣстными обстоятельствами и точнымъ знакомствомъ автора съ русскимъ юношествомъ и образомъ, какъ поступать съ онымъ. Остальные профессоры, по видимому, не обратили надлежащаго вниманія на гимназическій регламентъ, по крайней мѣрѣ не касаются его во всѣхъ своихъ замѣчаніяхъ, такъ-что тѣ *пространнѣйшія примѣчанія и возраженія*, о которыхъ упоминаетъ Штелинъ (410), или были только устными объясненіями, или относились къ университетскому регламенту.

Впрочемъ и университетскій регламентъ постигла не лучшая

Digitized by Google

участь: онъ также до сихъ поръ не отысканъ въ академическихъ архивахъ, а сохранившійся и напечатанный въ Матеріалахъ черновой листъ, написанный рукою Ломоносова, заключаетъ въ себѣ общій планъ всего регламента въ однихъ заглавіяхъ статей. Приведемъ здѣсь эти заглавія, развитіе которыхъ составляетъ существенную часть регламента: «*Часть I. О учащихъ.* Глава 1: о произведеніи и пріемѣ профессоровъ и о ихъ содержаніи, 2) о профессорскихъ должностяхъ, 3) о ихъ сочиненіяхъ, 4) о диспутахъ и другихъ екзерциціяхъ, 5) о произведеніяхъ въ градусы, 6) о принятіи профессорамъ должностей въ другихъ командахъ, 7) о магистрахъ учащихъ, 8) о должности проректорской. *Часть II. О учащихся.* Глава 1: о произведеніи и пріемѣ студентовъ, 2) о раздѣленіи ихъ на три класса и о хожденіи ихъ на лекціи, 3) о содержаніи студентовъ, 4) о студентскихъ екзерциціяхъ, 5) о экзаменахъ и произведеніяхъ, 6) о студентскихъ узаконеніяхъ, награжденіяхъ и наказаніяхъ, 7) о выпускахъ студентовъ» (стр. 417—18). Объ одной и весьма важной изъ перечисленныхъ здѣсь статей, а именно — о раздѣленіи студентовъ на три класса, можно сказать нѣсколько больше, чѣмъ сколько говоритъ само заглавіе ея. Ломоносовъ, очевидно, былъ и теперь того-же мнѣнія о занятіяхъ студентовъ, какое онъ высказалъ 12 лѣтъ тому назадъ (7 декабря 1748 г.), по поводу обсужденія университетскаго регламента, послѣ утвержденія устава 1747 г. Вотъ это мнѣніе: «студентовъ раздѣлить на три класса; перваго класса студенты ходятъ на всѣ лекціи, для того, чтобы имѣть понятіе о всѣхъ наукахъ и чтобы всякъ могъ видѣть, къ какой кто наукѣ больше способенъ и охоту имѣетъ. Второго класса студенты ходить должны на лекціи только того класса, въ которомъ ихъ наука. Третьяго класса студенты тѣ, которые опредѣлены уже къ од-

Digitized by Google

ному профессору и упражняются въ одной наукѣ» (стр. 119). Число каѳедръ, по видимому, то-же, какое предложено было Ломоносовымъ и въ 1755 г. (стр. 454).

Изъ замѣчаній профессоровъ также немного можно извлечь свѣденій о содержаніи регламента. Здѣсь болѣе подробныя замѣчанія принадлежатъ Брауну и Модераху; остальные профессоры касаются только вопроса о рангахъ и пенсіяхъ. Изъ замѣчаній Брауна, во-первыхъ, видно, что и университетскій регламентъ Ломоносова заключалъ въ себѣ, какъ и гимназическій, по его мнѣнію, слишкомъ строгія и точныя предписанія, особенно въ разсужденіи екзерцицій и диспутовъ, которыя должны затруднять тѣ изъятія, какія впослѣдствіи могли оказаться необходимыми, *по различію обстоятельствъ;* во-вторыхъ, что онъ, повидимому, не приведенъ былъ къ окончательному виду, по-крайней-мѣрѣ такъ казалось Брауну. Изъ тѣхъ-же замѣчаній по учебной части видно, что въ ряду общихъ (генеральныхъ) наукъ, т. е. входящихъ въ первый студентскій курсъ, не дано проектомъ Ломоносова надлежащаго мѣста историческимъ наукамъ, которыя, по справедливому мнѣнію Брауна, «и здѣсь въ разсужденіе необходимо приняты быть должны»; видно также, что обученіе новымъ языкамъ, по проекту, должно производиться совмѣстно съ гимназистами, съ чѣмъ также не согласенъ Браунъ потому, что «гимназисты и студенты живутъ не очень согласно»; видно, кромѣ того, что проектъ придавалъ важное значеніе чтенію книгъ студентами всѣхъ курсовъ, съ чѣмъ также Браунъ не вполнѣ соглашается: по его мнѣнію, чтеніе книгъ полезно только для высшаго курса, потому что «къ настоящему книгъ употребленію требуются напередъ знаніе началъ наукъ, и вообще начинающій студентъ долженъ читать не много, дабы ему не притти въ замѣшательство, ежели онъ еще не твердо знаетъ начала» (411).

Digitized by Google

Остальныя замѣчанія Брауна касаются разныхъ университетскихъ степеней, причемъ онъ высказываетъ, между прочимъ, мысль о равенствѣ степеней, по ихъ значенію, во всѣхъ факультетахъ. Нѣкоторыя замѣчанія Модераха непонятны безъ текста регламента: такъ, онъ полагаетъ, что вся вторая глава требуетъ, по своей важности, особенной точности и обстоятельности опредѣленія, для устраненія множества затрудненій и безпорядковъ и проч.; изъ остальныхъ — одно признаетъ недостаточнымъ надзоръ за столомъ однихъ недѣлей и требуетъ присутствія болѣе вліятельнаго лица, другое касается рѣчей, которыя, по проекту, студенты должны выучивать наизусть, и признаетъ для неодаренныхъ хорошею памятью достаточнымъ простое прочтеніе ихъ. Что за рѣчи разумѣются въ проектѣ, видно изъ слѣдующаго мѣста доклада Ломоносова въ высокоучрежденную слѣдственную коммисію академіи наукъ (Всенижайшее мнѣніе и т. д.), написаннаго имъ еще въ 1742—43 годахъ: «каждый студентъ, который на государевомъ коштѣ содержится, на каждый годъ дважды имѣетъ публичные диспуты подъ управленіемъ профессорскимъ, или читаетъ рѣчь въ присутствіи ректора, профессоровъ и всего университета» (Чт. общ. и т. д. 1865 кн. 1, стр. 58).

Вообще изъ замѣчаній, сдѣланныхъ всѣми профессорами на университетскій регламентъ Ломоносова, можно заключить, что онъ въ общемъ своемъ составѣ удовлетворялъ понятіямъ и требованіямъ тогдашнихъ академиковъ, и слѣдовательно былъ принятъ и одобренъ ими[1]; по-крайней-мѣрѣ нѣтъ отрицательнаго

[1] Въ своей Исторіи академической канцеляріи Ломоносовъ говоритъ, что примѣчанія профессоровъ на проекты его регламентовъ «были по большой части справедливы и приняты въ уваженіе» (стр. 080).

Digitized by Google

мнѣнія въ этомъ смыслѣ. Впрочемъ, по одному оглавленію статей и по приведеннымъ немногимъ замѣчаніямъ, невозможно составить хотя сколько-нибудь опредѣлительное понятіе о достоинствѣ обоихъ регламентовъ. Преждевременность сужденія, въ настоящемъ случаѣ, представляется тѣмъ болѣе излишнею, что далеко не потеряна надежда на открытіе самаго текста регламентовъ: никакъ не вѣрится, особенно при соображеніи прежняго состоянія академическихъ архивовъ, чтобы столь важные документы могли пропасть безслѣдно, не оставивъ послѣ себя даже копій.

Съ регламентаціей университета Ломоносовъ постоянно соединялъ мысль о его инавгураціи и особыхъ привилегіяхъ.

Вопросъ объ инавгураціи академическаго университета занималъ Ломоносова, можно сказать, съ первыхъ дней его поступленія въ академію, и мысль о ея необходимости онъ высказывалъ каждый разъ, какъ только касался университета, что, конечно, было не рѣдко. Сохранился особый документъ, подъ заглавіемъ: «нижайшее доказательство о томъ, что здѣсь, при академіи наукъ, нѣтъ университета», написанный имъ еще въ 1742 — 43 годахъ, гдѣ онъ, между другими доказательствами несостоятельности академическаго университета, приводитъ и то, что надъ нимъ не была совершена церемонія инавгураціи [1].

[1] Подлинность этого документа, по нашему мнѣнію, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и строгая требовательность относительно его издателя Матеріаловъ (0102 и 0103) представляется совершенно излишнею. Безспорно, что для вполнѣ точной постановки документа важны подпись и означеніе времени; полезно знать, *оффиціальный ли подлинникъ былъ въ рукахъ г. Ламанскаго, или собственноручная черновая Ломоносова, или, наконецъ, только какая-нибудь копія;* интересно также знать, *подана ли была эта бумага въ*

Digitized by Google

«Подъ инавгураціею, скажемъ словами Ломоносова, разумѣются публичныя учрежденія, которыя напередъ, за нѣсколько мѣсяцей, по ученымъ собраніямъ и университетамъ программою публикованы бываютъ, къ чему изъ разныхъ мѣстъ профессоры и студенты съѣзжаются, при которомъ публичномъ собраніи, по благодарственной Божіей службѣ, читается Государева грамота и отдаются новоизбранному ректору надлежащія къ университету

слѣдственную коммиссію и принята ли ею во вниманіе: но было бы крайнимъ преувеличеніемъ утверждать, что «пока не сдѣлано подобныхъ справокъ, напечатанный документъ *почти* все равно что не существуетъ, потому что изъ него нельзя сдѣлать употребленія». Чего требуетъ г. издатель? Что документъ дѣйствительно принадлежитъ Ломоносову и написанъ имъ, это видно изъ первыхъ его строкъ и въ этомъ никто не можетъ допустить ни малѣйшаго сомнѣнія; самъ издатель, по сходству этого документа съ Всенижайшимъ мнѣніемъ Ломоносова 1755 г., *видитъ возможность* приписать его Ломоносову. Время документа опредѣляется его заглавіемъ, потому что слѣдственная коммисія начала свои засѣданія 7 октября 1742 г. и кончила 15 декабря 1743 г. (Матер. стр. 15), и самъ издатель *допускаетъ*, что «для опредѣленія времени достаточно подписи документа». Такимъ образомъ два главнѣйшихъ условія для правильной и надлежащей постановки документа существуютъ, съ чѣмъ согласенъ и издатель. Объ остальныхъ же, конечно, никто не скажетъ, чтобы которое-нибудь изъ нихъ способно было набросить хотя бы малѣйшую тѣнь сомнѣнія на подлинность какого бы то ни было документа, при существованіи первыхъ двухъ условій. Впрочемъ, такая требовательность издателя для насъ не имѣетъ важности и потому, что и онъ допускаетъ, что «до тѣхъ поръ (т. е. до рѣшенія всѣхъ поднятыхъ имъ вопросовъ) въ немъ (въ документѣ) основательнѣе видѣть только *намѣреніе* Ломоносова, а не фактъ, который бы имѣлъ значеніе въ его жизни». Для нашей настоящей цѣли совершенно довольно и намѣренія.

Digitized by Google

признаки и привиллегіи и вольности съ церемоніями, а потомъ разсылаются по другимъ университетамъ о томъ печатныя извѣстія, чтобы оные новоучрежденный университетъ за университетъ почитали» (Чт. общ. и т. д., 1865 г., кн. 1 стр. 56). Нѣтъ нужды доказывать, что подъ этими публичными учрежденіями Ломоносовъ разумѣлъ не пустую церемонію, что онъ видѣлъ въ нихъ существенное значеніе, сообщающее университету общественный и государственный характеръ. Важнѣйшее право университета возводить въ ученыя степени, дающее получившему ихъ опредѣленное положеніе въ государствѣ, дѣйствительно только тогда, когда оно утверждено точнымъ положительнымъ закономъ и признано всѣми учрежденіями того же наименованія и значенія. Ломоносовъ понималъ, что самое утвержденіе этого права закономъ и практическое его примѣненіе, по своей важности для жизни общественной, должны неминуемо и немедленно повлечь за собой и полную организацію всего университета. Онъ лично и хорошо знакомъ былъ съ устройствомъ нѣмецкихъ университетовъ, а другіе послѣ изучалъ по книгамъ, а потому нельзя сомнѣваться, что составленный имъ университетскій регламентъ заключалъ въ себѣ все существенно важное для этой полной организаціи университета.

Этотъ улучшенный и организованный, по его проекту, въ возможно-полномъ составѣ университетъ онъ спѣшилъ, пользуясь ввѣренною ему властію, утвердить положительнымъ закономъ и обезпечить за нимъ посредствомъ инавгураціи общее признаніе его дѣйствительнаго значенія и тѣхъ правъ, какими пользуются въ образованномъ мірѣ всѣ учрежденія того-же наименованія. Его крайне оскорбляла мысль, что основанный при академіи, по мысли преобразователя Россіи, университетъ не имѣлъ никакого общественнаго и практическаго значенія, былъ только по имени

Digitized by Google

университетомъ и вовсе не походилъ на хорошо извѣстные ему заграничные университеты, что, говоря его словами, «при академіи наукъ не токмо настоящаго университета не бывало, но еще ни образа, ни подобія университетскаго не видно» (Чт. общ. стр. 59). Патріотическое чувство Ломоносова крайне оскорблялось тѣмъ, что за учеными степенями изъ русской академіи обращались въ заграничные университеты, что, напримѣръ, нѣмецкій студентъ отправляетъ свою диссертацію на степень доктора въ Кенигсбергъ, или русскій студентъ Протасовъ отправляется Таубертомъ въ Голландію для полученія докторской степени, когда Высочайше утвержденнымъ уставомъ предоставлено президенту производить въ ученыя степени: «будьто бы здѣшняя монаршеская власть не была толь важна какъ голландская», говоритъ Ломоносовъ (Ист. ак. канц., стр. 081).

Что Ломоносовъ подъ инавгураціей понималъ не пустую церемонію, можно заключать и изъ противодѣйствія ей Тауберта и Миллера, которые, разумѣется, отлично понимали его намѣреніе. Таубертъ, какъ говоритъ Ломоносовъ, объ университетской инавгураціи не хотѣлъ и слушать, не подписался подъ проектомъ привилегіи, не подписался и подъ ордеромъ, вызывавшимъ Протасова изъ Голландіи для производства въ докторы при инавгураціи, «отзываясь, что какіе де здѣсь постановленія въ докторы, не будутъ де его почитать» (тамъ-же). Миллеръ, въ своемъ мнѣніи объ университетскомъ регламентѣ Ломоносова, высказался рѣшительно противъ инавгураціи, объясняя свой отказъ тогдашнимъ состояніемъ университета, хотя онъ не могъ не знать, что Ломоносовъ хлопоталъ объ инавгураціи вновь проектированнаго имъ университета по образцу европейскихъ, а не того его вида, въ какомъ онъ находился въ то время. Замѣчательны подлинныя слова Миллера, въ которыхъ онъ выразилъ важность инавгура-

Digitized by Google

ціи университета вообще: «а прежде какъ университетъ въ такомъ состояніи будетъ, не думаю я, что инавгурацію учинить должно, потому что она значитъ полнаго университета совершенство» (409). Въ этомъ смыслѣ, разумѣется, понималъ ее и Ломоносовъ. Впрочемъ, онъ не отказывалъ въ значеніи и самой церемоніи, независимо отъ ея внутренняго значенія. Сохранилась слѣдующая памятная замѣтка на оборотной страницѣ собственноручнаго черноваго оргинала его латинской рѣчи, написанной по поводу инавгураціи: «всѣ говорятъ, что нѣтъ ничего. Церемоніи ободряютъ и сказываютъ, что мы живы» (408).

За исключеніемъ Миллера, остальные профессоры высказались въ пользу инавгураціи [1].

Столь-же усердно хлопоталъ Ломоносовъ и о томъ, чтобы вновь устроенному университету дарованы были опредѣленныя *привилегіи*, или вольности, по образцу европейскихъ университетовъ. Въ томъ-же черновомъ листѣ, на которомъ набросано оглавленіе статей регламента, сохранилось и перечисленіе слѣдующихъ привилегій для университета: 1) чтобы университетъ имѣлъ власть производить въ градусы; 2) чтобы по здѣшнимъ законамъ

[1] Сохранился и проектированный Ломоносовымъ слѣдующій порядокъ инавгураціи: «*Пріуготовленіе:* 1) публичной гимназической экзаменъ гимназистовъ верхняго класса къ произведенію въ студенты, 2) экзаменъ въ градусы и 3) избраніе проректора и относящіеся сюда диспуты и рѣчи, 4) программа, 5) расположеніе мѣстъ. *Дѣйствіе:* 1) обѣдня съ концертомъ и проповѣдью, 2) чтеніе привилегій, 3) благодарной молебенъ, съ пальбою и музыкою, 4) рѣчь благодарственная ея имп. величеству, 5) назначеніе проректора и декановъ, 6) произвожденіе въ градусы, 7) обѣдъ съ пальбою и музыкою. *Слѣдствіе:* 1) напечатаніе всего дѣйствія, 2) поздравленіе на домахъ, 3) россылка копій съ привилегій и протчаго по всѣмъ университетамъ (Матер., стр. 418).

Digitized by Google

назначить пристойные ранги, и по генеральной табели на дворянство дипломы; 3) снять полицейскія тягости; 4) уволять на каникулярные дни; 5) сумму отпускать прежде всѣхъ и ни какого нечинить изъятія, развѣ именнымъ указомъ точно на оную будетъ указано; 6) студентовъ не водить въ полицію, но прямо въ академію; 7) духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ (тамъ-же).

Подлинникъ этихъ привилегій въ ихъ подробномъ развитіи, какъ и обоихъ регламентовъ, не сохранился, или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не отысканъ. Но за-то сохранился составленный Ломоносовымъ *проэктъ привилегіи академіи наукъ* вообще, извѣстный и прежде (напеч. въ «Оч. Россіи», кн. 5 стр. 5—12), въ который вошли и приведенныя выше университетскія привилегіи, за исключеніемъ послѣдней, касающейся духовенства, и съ добавленіемъ статьи о пенсіяхъ. Въ дополненіе къ приведенному выше перечисленію университетскихъ привилегій, можно присоединить отсюда слѣдующія свѣденія: за производство въ ученыя степени предписывается не брать въ казну ни малѣйшей платы; получившіе степени лиценціата и магистра награждаются чиномъ поручика, а доктора — чиномъ капитана, хотя бы они еще и не поступали въ дѣйствительную службу; дворяне, окончившіе курсъ въ университетѣ съ добрымъ аттестатомъ, получаютъ, при поступленіи въ военную службу, старшинство при производствѣ въ первый чинъ, причемъ время ученія засчитывается за дѣйствительную службу; разночинцы, окончившіе курсъ съ добрыми аттестатами, приравниваются на службѣ съ неучившимися или неаттестованными дворянами; собственные или наемные дома членовъ академіи, или въ которыхъ они живутъ, освобождаются отъ постоя и отъ всѣхъ полицейскихъ повинностей;

Digitized by Google

никто изъ академическаго корпуса не долженъ быть взятъ или позванъ къ суду безъ дозволенія собранія, кромѣ важныхъ криминальныхъ дѣлъ, «ибо академія сама имѣетъ власть давать внутрь своего правленія между своими судъ и расправу»; для каникулярнаго времени назначается іюль; вдовамъ умершихъ академиковъ или выдается единовременно годовой окладъ ихъ мужьевъ, или, по ихъ желанію, шестая часть этого оклада до смерти; несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ до совершеннолѣтія производится пенсія, на основаніи положеній адмиралтейскаго регламента.

Такова сущность университетскихъ привилегій, представленныхъ Ломоносовымъ на разсмотрѣніе академическаго собранія 10 января 1760 г. Нельзя не замѣтить, что въ нихъ предусмотрѣны всѣ существенныя права и преимущества ученаго сословія, какія были признаны необходимыми и утверждены закономъ въ недалекомъ отъ насъ прошедшемъ.

Что же касается до времени составленія Ломоносовымъ этого проекта для всего академическаго корпуса, то не подлежитъ сомнѣнію, что въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ Очеркахъ Россіи и въ Матеріалахъ, онъ составленъ не ранѣе 1764 г., вмѣстѣ съ регламентомъ для всей академіи. Объ этой именно привилегіи говорится и въ коллективномъ письмѣ того-же года гр. Орлову, съ просьбою содѣйствовать объ утвержденіи регламента академіи наукъ и привилегіи, и въ составленномъ Ломоносовымъ проектѣ объявительнаго указа о новомъ учрежденіи спб — ской академіи наукъ. Этотъ проектъ, въ началѣ, прямо ссылается на новый штатъ и регламентъ *реченнаго ученаго корпуса* (т. е. академіи наукъ), представленные Ломоносовымъ 10 сентября 1764 г. Въ немъ говорится объ инавгураціи не одного университета, о которомъ только и была рѣчь въ 1760 г., но и всей академіи, что могло быть только послѣ 1760 г. Въ

Digitized by Google

нѣмъ сказано также: «и для того (т. е. для выдачи пенсіи изъ книжныхъ доходовъ отъ казенныхъ типографій) *оное книжное печатаніе хотя отъ академическаго корпуса нынѣ и отдѣляется,* однако...» и т. д. (406). Дѣйствительно, такое отдѣленіе книжной промышленности отъ академіи произведено только регламентомъ Ломоносова 1764 г., въ которомъ сказано то-же самое и въ тѣхъ-же выраженіяхъ: «она (т. е. академическая типографія) *по нынѣшнему новому стату со всѣмъ отъ академіи отдѣляется,* дабы теченію наукъ и ученому обществу покупками матеріаловъ и проч. никакова помѣшательства не учинилось, каковое прежде искуствомъ извѣдано: однако...» и т. д. (666). То-же повторено и въ упомянутомъ выше проектѣ объявительнаго указа 1764 г.: «типографію и книжную лавку отдѣлить въ особливый корпусъ и учредить надъ нимъ особливую директорію, и къ ней присоединить вѣдомостную экспедицію и грыдоровальное художество» (672). Вообще не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что *проэктъ привиллегіи академіи наукъ,* въ извѣстномъ намъ печатномъ видѣ, долженъ быть отнесенъ именно къ 1764 г., когда былъ составленъ Ломоносовымъ и новый регламентъ для всей академіи [1].

---

[1] Такъ думаетъ и издатель Матеріаловъ, который на стр. 671, приводя извѣстное коллективное письмо академиковъ гр. Орлову (1764 г.), восклицаетъ: «и такъ вотъ когда именно сочинена академическая привиллегія!» Послѣ этого восклицанія, да и по самой очевидности времени составленія этого документа, могутъ показаться совершенно излишними тѣ пространныя примѣчанія, въ которыхъ онъ старается доказать, что «проэктъ привиллегіи академіи наукъ» никакъ не могъ быть составленъ въ 1760 г., что въ этомъ послѣднемъ году Ломоносовъ составилъ только университетскія привилегіи. Если издатель, вполнѣ увѣренный въ дѣйствительномъ времени составленія проекта (1764), въ-слѣдствіе видимой обмолвки

Digitized by Google

Составленный Ломоносовымъ университетскій регламентъ былъ такимъ образомъ разсмотрѣнъ членами академическаго собранія и одобренъ. «Примѣчанія (Теплова и троихъ профессоровъ — Фишера, Брауна и Модераха, какъ наиболѣе компетентныхъ), кои были по большой части справедливы, приняты въ уваженіе». (Ист. ак. канц. 080). Проектъ инавгураціи, а также университетскихъ привилегій, какъ видно изъ напечатанныхъ въ Матеріалахъ мнѣній академиковъ (409 — 415), за исключеніемъ

въ рапортѣ профессорскаго собранія, призналъ нужнымъ напечатать его подъ 1760 г., то могъ бы и ограничиться тѣмъ замѣчаніемъ, которое онъ сдѣлалъ на стр. 402: «пусть читатель рѣшитъ это, имѣя предъ глазами текстъ самаго документа», потому что читатель не только изъ содержанія послѣдняго, но и изъ всѣхъ документовъ, относящихся къ этому времени, дѣйствительно ясно видитъ, что въ 1760 г. только и была рѣчь объ университетскомъ регламентѣ и объ университетскихъ привилегіяхъ, знаетъ, что Миллеръ въ своемъ мнѣніи даже замѣтилъ, что «привиллегію надлежитъ сочинить общую, а не для одного университета» (409); читатель знаетъ также, прибавимъ отъ себя, что въ указѣ президента, поручающемъ ученыя и учебныя учрежденія академіи *въ исключительное* вѣденіе Ломоносова (янв. 1760 г.), прямо сказано, что еще въ 1758 г. (т. е. при назначеніи его главнымъ начальникомъ этихъ учрежденій) ему прямо поручено было особымъ ордеромъ составить регламенты для университета и гимназій, что эти регламенты были уже готовы и переданы на разсмотрѣніе въ канцелярію (Im verflossenen 1758 Jahr habe ich dahero dem Herrn Collegien-Rathe Lomonossow vermittellst Ordre aufgetragen, für die Universität und Gymnasium ein Reglement abzufassen, welches selbiger auch ins Werk gerichtet und solches auf meine Ordre der Canzelley zur Untersuchung abgegeben, um mir zur Approbation unterlegt zu werden, 423). Все это читатель ясно видитъ и знаетъ, какъ и то, что, на оборотъ, ни въ одномъ изъ относящихся сюда документовъ нѣтъ и помину объ общемъ академическомъ регламентѣ и привилегіяхъ все

Digitized by Google

Миллера, также былъ принятъ и одобренъ всѣми. Оставалось только подписать всѣ эти документы и представить президенту на утвержденіе. Ломоносовъ уже заказалъ большую пергаменную кожу для написанія университетстой привилегіи. Но когда онъ, въ засѣданіи 14 февраля 1764 г., предложилъ прочимъ членамъ канцеляріи, т. е. Тауберту и Штелину, подписать регламенты гимназіи и университета и привилегіи послѣдняго, то они *отказались*, на томъ основаніи, что такъ-какъ ордеромъ прези-

академіи. Вся бѣда произошла отъ упомянутой нами выше видимой обмолвки въ рапортѣ профессорскаго собранія отъ 10 января 1760 г., въ которомъ сказано: «гдномъ совѣтникомъ Ломоносовымъ читанъ проектъ о привилегіяхъ *академическаго корпуса*», вмѣсто *университетскаго* (402). Что это дѣйствительно обмолвка или описка, ясно видно изъ того, что *на другой-же день*, послѣ прочтенія проекта въ чрезвычайномъ профессорскомъ собраніи, 11 января, Ломоносовъ спросилъ академиковъ: «какого они мнѣнія *о университетскихъ* привилегіяхъ, имъ предложенныхъ» (408). Inde lacrimæ. Отсюда видно, что *проэкта привиллегіи академіи наукъ* никакъ не слѣдовало печатать подъ 1760 г., гдѣ онъ только запутываетъ дѣла этого времени, а слѣдовало отнести къ 1764 г. и напечатать вслѣдъ за составленнымъ, въ этомъ послѣднемъ году, Ломоносовымъ новымъ регламентомъ всей академіи. Вообще все это примѣчаніе, кажется, доказываетъ, что сначала самому издателю дѣло представлялось въ такомъ видѣ, что требовало подробныхъ доказательствъ, а послѣ разъяснилось само собой; тѣмъ не менѣе примѣчаніе осталось, можетъ быть, и потому, что было уже напечатано. Въ изданныхъ Матеріалахъ можно найдти и другія примѣчанія того-же свойства, доказывающія замѣтную поспѣшность работы. Напр. на стр. 313, напечатавши отрывокъ изъ письма Гейнзіуса къ Шумахеру (отъ 22 декабря 1756 г.), въ которомъ первый рекомендуетъ магистра Шмидта на мѣсто профессора механики или географіи въ московскомъ университетѣ, издатель замѣчаетъ: «не онъ ли является потомъ въ географическомъ департаментѣ адъ-

Digitized by Google

дента отъ 19 января «университетъ и гимназія поручены въ единственное смотрѣніе гдну сов. Ломоносову, то имъ тѣхъ опредѣленій подписывать не для чего» (429). Новое, неожиданное затрудненіе для Ломоносова, конечно, вполнѣ увѣреннаго въ благопріятномъ исходѣ усиленныхъ и неутомимыхъ трудовъ по регламентаціи ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеній.

Что за причина отказа, что особенно важнаго и непріятнаго для канцеляріи заключалось въ этомъ ордерѣ президента отъ 19 января? Что этимъ ордеромъ университетъ и гимназія поручались въ единственное и исключительное вѣденіе Ломоносова, въ этомъ канцелярія еще не могла видѣть большой бѣды для себя, такъ-какъ она вообще съ большою небрежностью и свысока смотрѣла на эти учрежденія; возможность ихъ будущаго процвѣтанія, подъ управленіемъ Ломоносова, — причина слишкомъ отдаленная и отвлеченная для такого практическаго человѣка какъ Таубертъ. Мы видѣли, что точно въ такомъ-же смыслѣ и тоже особымъ ордеромъ президента, вызвавшимъ извѣстныя намъ ограничительныя примѣчанія Ломоносова, поручена была академическая типографія Тауберту еще 9 іюня 1759 г.

Дѣйствительно, въ январскомъ ордерѣ заключалась другая, болѣе существенная для канцеляріи, причина отказа — это усиленіе матеріальныхъ средстъ университета и гимназіи на счетъ канцеляріи. Въ немъ, между прочимъ, сказано: «особенно же академическая канцелярія должна обратить вниманіе на то, чтобы назначенная для университета сумма не только не должна

юнктомъ?» А на стр. 573, встрѣтившись съ тѣмъ-же Шмидтомъ, уже адъюнктомъ академіи (поступилъ въ 1757 г.), онъ самъ-же отвѣчаетъ на собственный прежній вопросъ: «адъюнктъ Шмидтъ есть тотъ самый магистръ Як. Шмидтъ, котораго рекомендовалъ Гейнзіусъ» (см. выше стр. 313).

Digitized by Google

быть растрачиваема ни на какіе другіе расходы, но и остающійся за канцеляріей отъ прежнихъ годовъ долгъ университету долженъ быть уплаченъ изъ академическаго коммиссаріата, или книжной лавки, въ теченіе 12-ти лѣтъ». Вотъ почему особенно не нравился Тауберту ордеръ президента! Онъ не только лишалъ его возможности пользоваться учебною суммой для другихъ цѣлей и тѣмъ держать оба заведенія въ бѣдственномъ и безнадежномъ состояніи, но и увеличивалъ прежнюю, и безъ того недостаточную, сумму на счетъ другихъ болѣе интересныхъ для него статей, да еще заставлялъ расплачиваться за прежнія неправды. Въ весьма важномъ и любопытномъ указѣ канцеляріи академіи, отъ *14 февраля* 1760 г., подписанномъ президентомъ, Ломоносовымъ и секретаремъ Гурьевымъ, точнѣе опредѣляющемъ новое положеніе университета, слѣдующимъ образомъ разсчитаны новыя денежныя средства обоихъ учебныхъ заведеній сравнительно съ прежними: «хотя въ академическомъ штатѣ положена сумма на университетъ восемь тысячь девяносто рублевъ, а на гимназію двѣ тысячи восемьсотъ рублевъ, всего десять тысячь восемьсотъ девяносто рублевъ, однако нынѣ при обстоятельномъ учрежденіи оныхъ корпусовъ усмотрѣно, что оной суммы къ надлежащему ихъ содержанію достать не можетъ; ибо изо всей опредѣленной на академію суммы, изъ пятидесяти трехъ тысячь дву сотъ девяносто восьми рублевъ положено на помянутые два департамента, которые къ распространенію наукъ и къ размноженію ученыхъ россіянъ въ отечествѣ нужнѣе протчихъ академическихъ департаментовъ, только одна пятая доля. Того ради будущимъ при университетѣ и гимназіи производить впредь жалованье по приложенному при семъ учиненому вновь штату, а именно: на университетъ по девяти тысячъ по сту рублевъ, а на гимназію по шести тысячъ по сту по сороку по восьми рублевъ, всего

Digitized by Google

по пятнадцати тысячъ по двѣсти по сороку по восьми рублевъ въ годъ» (Матер., стр. 428). Здѣсь должно искать причину отказа. Въ томъ-же засѣданіи *14 февраля*, Таубертъ и Штелинъ, сославшись на ордеръ 19 января, не замедлили опредѣлительнѣе объяснить причину своего отказа: «въ разсужденіи того, сказано въ журналѣ канцеляріи, что вмѣсто прежней положенной въ апробованномъ штатѣ суммы 10300 рублей велѣно впредь отъ коммиссарства ежегодно производить на университетъ и гимназію 15248 рублевъ, приказали: сочинить вѣдомость всѣмъ академическимъ служителямъ съ показаніемъ ихъ окладовъ, къ чему пріобщить и всѣ неминуемые при академіи сверхъ жалованья ежегодные расходы для представленія его сіятельству и истребованія резолюціи, отъ какихъ именно чиновъ и расположенныхъ въ апробованномъ штатѣ на разные департаменты суммъ вышеписанное 5000 рублевъ состоящее превосходство отнято и на университетъ и гимназію прибавлено быть имѣетъ; такожь впредь по департаментно ли щитать всю положенную въ апробованномъ штатѣ на академію сумму и отъ одного департамента на другой не употреблять, или счислять только генеральную сумму, какъ то понынѣ наблюдаемо было» (Матер., стр. 429). Подписи Ломоносова подъ этой статьей журнала, разумѣется, нѣтъ. Объ остальныхъ же опредѣленіяхъ указа 14 февраля, какъ наименѣе важныхъ и интересныхъ для Тауберта, напр. о выпискѣ изъ-за границы профессора общихъ правъ, объ отведеніи особаго помѣщенія для чтенія лекцій студентамъ, о росписаніи лекцій, сдѣлано было надлежащее распоряженіе въ засѣданіи 18 февраля.

Не смотря однако на отказъ канцеляріи, такъ-какъ упомянутый указъ 14 февраля предписывалъ непремѣнное исполненіе по дѣлу объ университетскихъ привилегіяхъ, приготовленія къ

Digitized by Google

предстоявшему торжеству продолжались: 29 февраля опредѣлено канцеляріей купить разныя украшенія для университетской привилегіи; 15 марта опредѣлено заказать для нея-же ящикъ и шнуры, 25 мая купить пять аршинъ тафты для ея переплета (415).

Во все это время Ломоносовъ, въ виду враждебныхъ ему усилій, конечно, не оставался безъ дѣла. Къ этому времени относится нѣсколько его писемъ къ Шувалову, наполненныхъ самыми убѣдительными просьбами содѣйствовать окончанію университетскаго дѣла и въ которыхъ онъ въ то-же время хлопоталъ о вице-президентствѣ. «Мое единственное желаніе, писалъ онъ 17 апрѣля, состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойдти многочисленные Ломоносовы... Сіе будетъ больше всѣхъ благодѣяніе, которые ваше высокопревосходительство мнѣ въ жизнь сдѣлали» (Матер., стр. 432). Интересно, что въ письмахъ этихъ Ломоносовъ старается побудить Шувалова къ содѣйствію своему дѣлу обѣщаніемъ приложить *особливое раченіе въ словесныхъ наукахъ:* «сіе (т. е. окончаніе университетскаго дѣла), говоритъ онъ въ одной запискѣ къ Шувалову, ободритъ меня къ сочиненію въ одинъ годъ Петріады» (433).

Дѣло объ университетской привилегіи и инавгураціи дѣйствительно подвигалось быстро впередъ. Оно было утверждено президентомъ, переписано на пергаменѣ съ надлежащими украшеніями и со всѣми принадлежностями подано въ бывшую тогда придворную конференцію, гдѣ также было апробовано и уже контрасигновано канцлеромъ М. И. Воронцовымъ, для поднесенія императрицѣ. «Но приключившіяся тогда болезни и скорая ея кончина сіе пресѣкли», говоритъ Ломоносовъ въ своей Исторіи акад. канцеляріи (081).

Такимъ образомъ и теперь Ломоносовъ, бывшій, такъ сказать,

Digitized by Google

на-канунѣ полнаго торжества своихъ продолжительныхъ, энергическихъ и въ высшей степени полезныхъ усилій, въ-слѣдствіе упорнаго противодѣйствія неутомимо преслѣдовавшей его враждебной партіи, дѣйствовавшей въ этомъ случаѣ, конечно, не въ видахъ общественной пользы, долженъ былъ разстаться съ своими свѣтлыми надеждами и, можно сказать, на-всегда. Въ наставшее за-тѣмъ бурное время политическихъ переворотовъ было не до регламентаціи академіи, да и положеніе Ломоносова во время и послѣ этихъ переворотовъ было уже не то, что прежде. Еще разъ, уже предъ смертью, блеснула для него надежда, явилась вѣра въ успѣхъ дѣла, снова онъ горячо принялся за работу, явился новый регламентъ академіи наукъ — и опять, не смотря на новую и сильную опору, пріобрѣтенную имъ въ новой придворной обстановкѣ, ему не суждено было увидѣть благопріятный конецъ долголѣтнихъ усилій.

Впрочемъ, если ему и не удалось добиться Высочайшаго утвержденія привилегій и инавгураціи университета, то составленные имъ гимназическій и университетскій регламенты, какъ видно изъ напечатанныхъ теперь документовъ, не остались вовсе безъ дѣйствія и значенія въ той средѣ, для которой они предназначались.

Еще 22 февраля 1760 г., въ Прибавленіяхъ къ спб. вѣдомостямъ объявлено о распоряженіи президента, по которому, «для большаго приращенія наукъ въ Россіи», увеличивалось число гимназистовъ *въ трое противъ прежняго* (429); въ маѣ 1760 года состоялся указъ канцеляріи объ отсылкѣ инспектору гимназіи Модераху копіи съ новаго штата для гимназіи и объ опредѣленіи, на его основаніи, новыхъ учителей и увольненіи лишнихъ; 21 августа состоялся новый указъ канцеляріи Модераху, «чтобы онъ по университетскому и гимназическому регла-

Digitized by Google

ментамъ, которые ему отданы, поступалъ во всемъ непремѣнно (457). Въ указѣ, отъ 15 сентября того-же года, говорится «*о новомъ учрежденіи* отъ его высокографскаго сіятельства А. Н. г-на президента для университета, по которому при академическомъ университетѣ положено студентовъ тридцать человѣкъ, и на каждаго, для содержанія пищею, платьемъ и обувью по сту рублевъ въ годъ» (тамъ-же). Извѣстно, что Ломоносовъ придавалъ весьма важное значеніе публичнымъ диспутамъ студентовъ; въ извѣстномъ намъ его доношеніи въ слѣдственную коммиссію (1742) онъ называетъ ихъ «главнымъ дѣломъ и почти душою прямаго университета (Чт. общ. и т. д., 1865 г., кн. 1, стр. 58): указомъ канцеляріи, отъ 14 ноября 1760 г., предписывается произвести въ университетѣ публичный диспутъ, около 18 декабря, и профессорамъ Брауну и Модераху, «отобравъ лучшихъ студентовъ, чинить приватно экзерциціи»; тѣмъже указомъ назначалась въ гимназіи публичная ораторская экзерциція (472). Нѣтъ сомнѣнія, что эти распоряженія должно объяснять только слѣдствіемъ новыхъ постановленій. Дѣйствіе этихъ новыхъ постановленій и безъ Высочайшаго утвержденія, какъ извѣстно, могло быть допущено по распоряженію президента, на основаніи послѣдняго пункта устава 1747 г.

Отсюда можно заключить, что дѣятельность Ломоносова во ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, по-крайней-мѣрѣ въ учебномъ отношеніи, наименѣе важномъ для канцеляріи, могла совершаться въ порядкѣ, имъ-же опредѣленномъ, и по правиламъ, имъ-же составленнымъ. Такъ, въ маѣ 1761 г., по словесному объявленію Ломоносова о великомъ недостаткѣ учебныхъ книгъ для студентовъ (ибо де инымъ не всѣ, а другимъ никакихъ не выдано), канцелярія немедленно опредѣлила отпускать

Digitized by Google

изъ книжной лавки и выписывать изъ-за границы учебныя книги, по требованію инспектора гимназіи (511).

Другое дѣло — экономическая часть. Здѣсь Ломоносовъ не могъ освободиться отъ частыхъ и непріятныхъ столкновеній съ канцеляріей до тѣхъ поръ, пока сумма, назначенная на учебныя заведенія, сливалась съ общею академическою суммой и пока расходованіе ея находилось въ зависимости отъ расходовъ по всей академіи. Въ своей запискѣ о Миллерѣ и Таубертѣ, отправленной къ президенту въ январѣ 1761 г., Ломоносовъ жалуется на затрудненія въ этомъ отношеніи, представляемыя канцеляріей: «всегда требуетъ (канцелярія) росчоту о расходахъ гимназическихъ, говоритъ онъ, и съ трудомъ получаю умѣренное число денегъ на гимназію и университетъ, не смотря на то, что подаются всегда исправныя счоты въ надлежащее время и деньги употребляются съ бережью» (492). Но и это затрудненіе было вскорѣ устранено. Указомъ канцеляріи, отъ 31 мая 1761 г., опредѣлено: «впредь отъ принимаемой на академію наукъ сумму отдѣлять опредѣленную на университетъ и гимназію по новому штату сумму особливо, и ни на какіе другіе расходы не употреблять, но содержать за казенною и его гна совѣтника Ломоносова и коммисарскою печатьми, дабы онъ по ввѣренному ему единственному надъ вышеписанными департаментами смотрѣнію могъ производить нужное, государству полезное смотрѣніе въ приращеніи наукъ въ отечествѣ безпрепятственно и изъ оной суммы по насылаемымъ указамъ производить жалованье университетскимъ профессорамъ и всѣмъ гимназическимъ учителямъ и прочимъ служителямъ по третямъ года, а для содержанія пищею студентовъ и гимназистовъ отпускать, сколько когда востребуется, и о томъ академическому комисару Панкратьеву дать указъ» (522). Сумма, опредѣленная по новому положенію, была 15,248 рублей. Изъ содержанія указа можно заклю-

Digitized by Google

чить, что это новое распоряженіе канцеляріи было слѣдствіемъ просьбы Ломоносова и предписанія президента (которыхъ, впрочемъ, нѣтъ въ Матеріалахъ), такъ-какъ экономическіе интересы университета и гимназіи естественно должны были страдать отъ несвоевременной выдачи, и притомъ по частямъ, назначенной для нихъ суммы, «за долговременнымъ неполученіемъ отъ статсъ-конторы суммы бываютъ въ деньгахъ недостатки, сказано въ томъ-же указѣ канцеляріи, а студентамъ и гимназистамъ содержаніе должно быть безпрерывно, и потребныя на нихъ съѣстные припасы и другія потребности покупать заблаговременно не въ дорогую пору, когда привозъ чему есть, для наблюденія интереса Ея И. В-а, и чтобы все было свѣжее и требуемой доброты для пропорціональнаго по окладу учащихся удовольствія» (тамъ-же). Этотъ указъ предоставлялъ полную самостоятельность дѣятельности Ломоносова во ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, а слѣдовательно тѣмъ самымъ слагалъ съ общаго академическаго управленія всю отвѣтственность за ихъ недостатки, если окажутся, въ какомъ бы то ни было отношеніи, возлагая всю отвѣтственность на Ломоносова [1].

---

[1] Спустя нѣсколько дней, 11 іюня, состоялся подобный же указъ для Тауберта, по его управленію мастерскими палатами (М. 527—29). Въ этомъ указѣ есть своя весьма характеристичная особенность. Дѣло въ томъ, что Таубертъ выхлопоталъ у президента возвращеніе всего, что академія оставалась должна библіотекѣ и кунсткамерѣ, около 20,000 р. (Мат. 537), «*на дѣло въ палатахъ библіотеки и кунсткамеры шкафовъ и протчихъ приличныхъ украшеній*». Такое распоряженіе президента вызвало оффиціальный и совершенно справедливый протестъ Ломоносова (536). Чтобы объяснить справедливость этого смѣлаго, особенно для того времени, протеста, должно замѣтить, что послѣ пожара въ академіи

Digitized by Google

Университетъ и гимназія крайне нуждались еще въ одномъ весьма важномъ и существенномъ улучшеніи—въ удобномъ и при-

наукъ *, по опредѣленію сената, выдана была особая сумма въ 23,089 руб. на исправленіе академическихъ зданій и ихъ принадлежностей, и сверхъ того израсходовано для той-же цѣли изъ академической суммы до $2^1/_2$ тысячи. Однако и въ 1761 г. академическія зданія не были исправлены за недостаткомъ денегъ. Опасаясь просить новой суммы изъ сената, особенно когда по разсчету Ломоносова съ архитекторомъ новое, немного меньшее, зданіе обошлось бы въ 17,000 р., Таубертъ выхлопоталъ себѣ у президента упомянутый указъ, по которому получилъ полномочіе расходовать на устройство шкафовъ и прочихъ украшеній ординарную сумму, опредѣленную прежде всего на обогащеніе библіотеки и кунсткамеры книгами и рѣдкостями. Кромѣ того, за академіей былъ весьма значительный долгъ, накопившійся отъ ежегодной недоплаты изъ тѣхъ 2,000 р., которые должны поступать изъ доходовъ книжной лавки на библіотеку и кунсткамеру: Таубертъ имѣлъ въ виду воспользоваться и этимъ долгомъ для означенной въ указѣ цѣли. А потому Ломоносовъ совершенно справедливо протестовалъ противъ такого распоряженія, хотя оно и утверждено было президентомъ, указывая на прямое назначеніе 2,000 р. и образовавшагося отъ недоплаты этой суммы долга, и основательно утверждая, что вся эта сумма и должна быть употреблена на пріобрѣтеніе книгъ и вещей для кунсткамеры, и что если нужно дѣлать новые шкафы, хотя еще нѣтъ необходимости, то для этой цѣли должно просить о назначеніи особой суммы. Библіотека, замѣчаетъ при этомъ Ломоносовъ, не состоитъ въ золотыхъ шкафахъ, но въ книгахъ, коими наша весьма недостаточна (497). Замѣчательно, что въ-послѣдствіи, въ сентябрѣ 1762 года, когда сенатъ потребовалъ обстоятельныхъ и краткихъ вѣдомостей о государствен-

* «Разныя были о семъ пожарѣ рассужденія, говоритъ Ломоносовъ въ Исторіи академ. канцеляріи, говорено и о Геростратѣ, но слѣдствія не произведено никакова. А сторожъ тѣхъ покоевъ пропалъ безвѣстно, о коемъ и не было надлежащаго иску». 062. Срвн. Мат. стр. 494.

Digitized by Google

личномъ помѣщеніи. Канцелярія, какъ оказывается, не обнаруживала особой заботливости объ учебныхъ заведеніяхъ и въ этомъ отношеніи. Чтобы ознакомиться съ тогдашнимъ бѣдственнымъ помѣщеніемъ гимназіи, приведемъ нѣсколько строкъ изъ рапорта въ канцелярію, отъ 6 августа 1764 г., инспектора Котельникова (опредѣл. 6 марта 1761 г., по рекомендаціи Ломоносова, 508): «со вступленія моего въ гимназію инспекторомъ подавалъ я каждый годъ въ канцелярію академіи наукъ рапорты о починкѣ дому, въ которомъ гимназія, всегда заблаговременно; но починка зачиналась очень поздо и никогда не приходила къ окончанію: отъ чего домъ безпрестанно приходилъ въ большее разрушеніе и живущіе въ немъ претерпѣвали зимою отъ

ныхъ доходахъ, Таубертъ отвѣчалъ, что академія, кромѣ штатной суммы по уставу, никакихъ государственныхъ доходовъ не имѣетъ, и, чтобы отстоять доходъ отъ книжной лавки, указываетъ прямо на регламентъ, предписывающій «изъ книжныхъ доходовъ *на размноженіе библіотеки книгами* употреблять по двѣ тысячи рублевъ въ годъ». Извѣстно, что Ломоносовъ по этому случаю подалъ особое мнѣніе, въ которомъ совершенно справедливо говоритъ, что штатная сумма есть государственный расходъ, а не доходъ, а доходы съ книжной лавки дѣйствительно должно считать государственнымъ доходомъ, какъ и отъ другихъ промышленныхъ заведеній, а потому сенатъ основательно требуетъ отчета (569—570). Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣлъ упомянутый выше протестъ: изъ справки, сдѣланной въ 1762 г., видно, что опредѣлено было требовать денегъ отъ сената, «однако за недокончаніемъ (?) представленія еще не учинено». Извѣстно, что Ломоносовъ неоднократно, оффиціально и неоффиціально, жаловался на неправильное употребленіе библіотечной суммы, на расходованіе ея на разныя подѣлки и украшенія, такъ-что настоящій протестъ никакъ нельзя объяснять однимъ враждебнымъ отношеніемъ.

Digitized by Google

холоду нужду. Часто учители ради нестерпимой стужи не окончавъ лекцій выходить принуждены и учениковъ распускать. Двери во всемъ домѣ такъ ветхи, что не токмо не можно плотно затворить и запереть, но и замка и петель прибить нельзя. Окончины такожде ради ветхости стеколъ не держутъ, которые часто выбиваетъ, чего ради въ покояхъ у учениковъ и студентовъ такожде и въ классахъ принуждены сторожа зимою окны трепицами и рогожами завѣшивать, которыя лѣтомъ стоятъ полы, какъ то и теперь еще можно видѣть. Въ сѣняхъ не токмо стеколъ, но и окончинъ нѣту; двери весьма ветхи, которые ни запереть ни затворить не можно. Подъ кровлею въ слуховыхъ окнахъ ставни индѣ худы, индѣ вовсе нѣту. Зимою набиваетъ снѣгъ какъ подъ кровлею на потолки такъ и въ сѣни, отъ котораго въ оттепели подопрѣваетъ у потолковъ подмаска и обваливается. Такожде и въ покояхъ подмаска весьма худа. Разъ убило было мою жену, а въ другой дѣтей. О передѣлкѣ кухни, гдѣ на студентовъ и гимназистовъ стряпаютъ, поданъ мною репортъ уже третьяго году. Она такъ худа, что зимою тѣсто въ квашнѣ мерзнетъ» (М. 650).

Ломоносовъ давно уже хлопоталъ о пріобрѣтеніи новаго и удобнаго помѣщенія. Изъ представленія его въ канцелярію, отъ 11 сентября того-же года, видно, что «*торгъ Строгоновскаго дома, близъ академіи, за нѣсколько лѣтъ происходилъ для университета и гимназіи*». Но противъ всѣхъ предписаній Ломоносова, безъ его вѣдома и согласія, вопреки предписанію президента подвергать дѣла этого рода общему обсужденію, этотъ домъ назначенъ былъ Таубертомъ «подъ книжное дѣло, которое и такъ наукамъ уже давно тягостно и препятственно, также подъ разныя иныя помѣщенія людей, другъ съ другомъ неимѣющихъ никакого надобства въ общежитіи». Назначеніе это было уже утверждено президентомъ. По-

Digitized by Google

дробныя доказательства неправильности такого назначенія Строгоновскаго дома Ломоносовъ заключаетъ слѣдующими словами: «изо всего сего непристойнаго помѣщенія людей и вещей разнаго рода какъ въ нѣкоторой народной трактиръ, коимъ безъ шумовъ и опасности вмѣстѣ быть нельзя, явствуетъ, что сія покупка учинена и домъ оторванъ отъ университета и гимназіи безъ основанія» (680). Въ это-же зданіе Ломоносовъ представляетъ необходимымъ перевести инструментальную лабораторію и физическій кабинетъ. Таубертъ, съ своей стороны, не замедлилъ представить пространную записку въ защиту своего распоряженія. Дѣло окончилось, однако, въ пользу представленія Ломоносова: президентъ, лично присутствовавшій въ засѣданіи канцеляріи 13 сентября, по обсужденіи обоихъ представленій, уничтожилъ прежнее свое распоряженіе и приказалъ передать Строгоновскій домъ подъ университетъ и гимназію.

Мы привели существенныя черты дѣятельности Ломоносова по академическимъ учебнымъ заведеніямъ, и изъ нихъ можно видѣть, что онъ дѣйствовалъ на пользу ихъ въ высшей степени энергически, добросовѣстно и честно. Такое заключеніе не можетъ казаться преувеличеннымъ даже въ глазахъ пристрастнаго и предубѣжденнаго судьи. Ломоносовъ ясно понималъ великое значеніе этихъ заведеній, какъ разсадниковъ будущихъ русскихъ ученыхъ людей, видѣлъ въ нихъ дорогой для него залогъ будущаго процвѣтанія самостоятельной науки въ Россіи, понималъ, что только благодаря имъ, хотя-бы и въ отдаленномъ будущемъ, можно, наконецъ, освободиться отъ иностранной зависимости, которая обошлась такъ дорого ему самому. А потому онъ не щадилъ никакихъ усилій для того, чтобы привести ихъ въ возможность выполнять свое назначеніе, и въ этомъ, особенно въ послѣднія семь лѣтъ, полагалъ задачу своей жизни. Не уже-

Digitized by Google

ли можно сомнѣваться въ искренности его работъ и въ виду вновь обнародованныхъ теперь свѣденій? Можетъ быть, и теперь найдутся судьи, которые постараются объяснить всю, относящуюся сюда, дѣятельность Ломоносова домогательствомъ вице-президентства. Не должно забывать, что, при тогдашней обстановкѣ, каждая мѣра, направленная на улучшеніе этихъ заведеній, встрѣчала препятствія, непреодолимыя для меньшей силы воли, что каждый шагъ онъ долженъ былъ брать съ бою. Ему обходились дешевле только распоряженія по учебной части, по причинѣ ихъ маловажности во мнѣніи академической канцеляріи. Что онъ сдѣлалъ для университета и гимназіи? Изъ изданныхъ теперь документовъ ясно видно, что прежній университетъ ни образа, ни подобія университета не имѣлъ, по выраженію Ломоносова. И регламентомъ, и привилегіями, и инавгураціей, и расширеніемъ его размѣровъ онъ хотѣлъ сообщить ему то общественное значеніе, какое онъ имѣетъ во всемъ образованномъ мірѣ; неутомимо заботился о приведеніи въ возможно лучшее состояніе учебной части обоихъ заведеній; уничтожилъ тягостную и вредную зависимость ихъ отъ канцеляріи въ экономическомъ отношеніи и тѣмъ утвердилъ ихъ самостоятельное положеніе; выхлопоталъ удобное и приличное помѣщеніе. Кто скажетъ, что все это гимназія и университетъ могли бы получить и безъ Ломоносова? Изъ тѣхъ-же вновь изданныхъ документовъ видно, что ихъ ожидало не только прежнее жалкое и бѣдственное состояніе, но и совершенное уничтоженіе: припомнимъ, что канцелярія не затруднилась высказаться прямо въ пользу уничтоженія университета и передачи всего, ему принадлежащаго, московскому университету. Вообще дѣятельность Ломоносова на пользу университета и гимназіи есть великая общественная заслуга, и самъ онъ въ ней является для потомства великимъ обществен-

Digitized by Google

нымъ дѣятелемъ. Не его вина, что большей части его стремленій не суждено было осуществиться при его жизни.

Фактовъ, относящихся непосредственно къ внутреннему быту университета и гимназіи, къ сожалѣнію, и новые Матеріалы представляютъ слишкомъ мало, чтобы можно было съ нѣкоторою послѣдовательностью и документальностью прослѣдить ихъ постепенное улучшеніе. Общимъ же увѣреніямъ самого Ломоносова въ улучшеніи ихъ внутренняго состоянія, сравнительно съ прежнимъ, въ непродолжительное время его управленія, можетъ не довѣрять строгій и особенно предубѣжденный судъ. Но въ показаніяхъ Ломоносова есть факты, представляемые начальству оффиціально, которымъ недовѣрять нельзя. Читатель уже знакомъ съ нѣкоторыми изъ этихъ фактовъ. Приведемъ здѣсь, въ дополненіе, нѣсколько свѣдѣній изъ сохранившихся черновыхъ оффиціальныхъ отчетовъ, представленныхъ въ январѣ 1763 г., «безъ всякаго приватнаго пристрастія кромѣ того, какое онъ имѣетъ къ распространенію наукъ въ отечествѣ», какъ сказано въ приложенномъ къ нимъ письмѣ къ президенту. Изъ этихъ отчетовъ видно, что студентовъ всѣхъ въ этомъ году было 17, что они, по объявленію профессора Котельникова, ведутъ себя предъ прежнимъ весьма смирно, объ успѣхахъ ихъ предъ экзаменомъ подаются профессорами рапорты, что лекціи продолжаются безпрерывно (чего, какъ извѣстно, прежде никогда не было) по каталогу (копія котораго приложена къ отчету). «Черезъ годъ, пишетъ Ломоносовъ, изъ помянутыхъ студентовъ человѣкъ двухъ надѣяться можно адъюнктовъ, ежели прежнее употребятъ прилѣжаніе, которые будутъ дѣйствительные академическіе питомцы, съ самаго начала изъ нижнихъ классовъ по наукамъ произведенные, а не изъ другихъ школъ выпрошенные» (586). Отчетъ о состояніи гимназіи интересенъ по замѣчанію Ломоносова о поведеніи гимнази-

Digitized by Google

стовъ. Сказавши о результатахъ послѣдняго экзамена предъ новымъ (1763) годомъ и о томъ, что производства гимназистовъ въ студенты въ этотъ разъ не было, по причинѣ продолжительной болѣзни преподавателей — Козицкаго и Мотониса, хотя между гимназистами верхняго класса есть и острыя головы, онъ продолжаетъ: «чтожъ до поведенія гимназистовъ надлежитъ, то легко подумать можно, что малые ребята какъ были прежде въ вольности и только за недѣлю до выдачи жалованья въ гимназію прихаживали, нынѣ въ тѣсныхъ предѣлахъ содержанія происходить можетъ. Однако уже старые бывшіе на волѣ привыкаютъ къ лутчему, а вновь принимающіеся при нынѣшнемъ учрежденіи прежняго небреженія не зная, ведутъ себя подобострастнѣе. И посему твердо надѣюсь, когда старая вольница поведеніями поправлена, или какъ скоро для затвердѣлаго злонравія изъ гимназіи изтреблена будетъ; то не иначе какъ нынѣшніе студенты, или всѣ новые, и гимназисты станутъ себя вести смирно и порядочно» (Мат., стр. 586)[1]. Въ справедливости этихъ общихъ отзывовъ, основанныхъ на оффиціальныхъ донесеніяхъ непосредственныхъ начальниковъ и преподавателей обоихъ заведеній, а равно и въ точности предлагаемыхъ отчетами цифръ сомнѣваться нельзя (хотя онѣ въ черновыхъ не поставлены и издателемъ Матеріаловъ не дополнены изъ имѣющихся, какъ онъ самъ говоритъ на стр. 572, въ академическомъ архивѣ списковъ). Нравственный уровень воспитанниковъ, и особенно гимназистовъ, безъ-

[1] Нужно замѣтить, что многіе изъ тогдашнихъ гимназистовъ по лѣтамъ были старше теперешнихъ студентовъ. Такъ, изъ четверыхъ, не подававшихъ никакой надежды на производство въ студенты и опредѣленныхъ въ 1761 г. въ географическій департаментъ, одинъ оказался 24-хъ лѣтъ (въ гимназіи съ 1750 г.), другой 23-хъ лѣтъ.

Digitized by Google

сомнѣнія, былъ не высокъ, что зависѣло, прежде всего, отъ нравственнаго уровня тогдашняго общества вообще, тогдашнихъ школъ въ особенности и менѣе всего отъ Ломоносова.

Какъ человѣкъ, одаренный крѣпкимъ здравымъ смысломъ, онъ не могъ не предвидѣть, при самомъ простомъ соображеніи тогдашняго состоянія нашего общества и особенно положенія всего учебнаго дѣла, всѣхъ затрудненій, недостатковъ и неизбѣжныхъ отступленій, при первоначальномъ устройствѣ ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеній, не могъ не предвидѣть, что и университетъ и гимназія вначалѣ далеки будутъ отъ проектированнаго вида. Гдѣ взять гимназистовъ и студентовъ? Несостоятельность стараго источника — семинарій, оказывавшаяся и прежде, становилась еще виднѣе теперь. И однако нужно было начинать когда-нибудь, нужно было наполнять и гимназію и университетъ. Легко понять, что въ первое время было не до строгой разборчивости. И дѣйствительно, Ломоносовъ, какъ видно, заботился вначалѣ о возможно большемъ наполненіи обоихъ заведеній, въ той увѣренности, что изъ принятыхъ долженъ впослѣдствіи оказаться весьма большой процентъ несостоятельныхъ. Если мы приведемъ на память хоть немногія существующія свѣденія о плохой дисциплинѣ и грубости нравовъ, господствовавшихъ въ тогдашнихъ школахъ, то не будемъ удивляться, если та-же грубость нравовъ окажется и въ Ломоносовскихъ новобранцахъ, тѣмъ болѣе, что Ломоносовъ, какъ и должно ожидать, не различалъ при наборѣ ни сословій, ни званій, а можетъ быть даже и отдавалъ предпочтеніе простому сословію[1]. Приведеніе обоихъ заведеній въ надлежащее

[1] Образчикъ тогдашнихъ нравовъ не только учениковъ, но и учителей гимназіи, приведенъ и въ Матеріалахъ на стр. 482—485. Напечатанное здѣсь дѣло живо изображаетъ пьянаго и буйнаго учителя гимназіи (Введенскаго), содержавшагося подъ крѣпкимъ

Digitized by Google

состояніе требовало весьма продолжительнаго времени и большихъ усилій, а потому судить безотносительно о новыхъ порядкахъ въ университетѣ и гимназіи по первымъ годамъ и представлять во всемъ отвѣтственнымъ завѣдывавшаго ими, было бы большою несправедливостью.

Между тѣмъ сохранился весьма интересный документъ, составленный вскорѣ послѣ смерти Ломоносова (10 мая 1765 г.) и подписанный Таубертомъ (Матер., стр. 745), въ которомъ именно указывается, по рапорту профессора Котельникова, на большіе недостатки и безпорядки въ академическихъ учебныхъ заведеніяхъ, и притомъ съ явнымъ намѣреніемъ не только бросить камень на свѣжую могилу Ломоносова, но и тотчасъ-же разрушить то, устройство чего стоило ему столько времени и трудовъ. Мы не станемъ отрицать, что *почти половина* студентовъ и гимназистовъ были пьяницы, забіяки, лѣнивые, непонятные и въ ученіи никакого успѣха не оказавшіе, что были гимназисты двадцати и болѣе лѣтъ, признававшіе ученіе себѣ крайнимъ принужденіемъ и тягостью, что и надзиратели ихъ были люди далеко не безупречной нравственности: но никакъ не можемъ согласиться, во-первыхъ, съ тѣмъ, чтобы ученики принимаемы были *единственно* для наполненія числа, безъ всякаго вниманія къ ихъ лѣтамъ, состоянію и способности къ наукамъ; во-вторыхъ, что «учиненные съ 1759 г. разные опыты собраніемъ въ общежитіе какъ академическихъ студентовъ, такъ и гимназистовъ, ни мало не соотвѣтствовали намѣренію академіи»; въ-третьихъ, что «все (въ университетѣ и гимназіи) ни мало

карауломъ за нехожденіе въ классы. Академическій прапорщикъ Галлъ, состоявшій при арестованныхъ, битъ Введенскаго плетью, какой лошадей погоняютъ; у Введенскаго дѣйствительно оказались на спинѣ боевые знаки.

Digitized by Google

не соотвѣтствуетъ съ высочайшимъ намѣреніемъ Е. И. В. и съ ожидаемою отъ академіи народною пользою». Самая безусловость и общность порицанія уже обличаютъ его несправедливость, тѣмъ болѣе, что подъ этимъ порицаніемъ скрывается явное намѣреніе уничтожить то дѣйствительное значеніе университета, какое имѣлъ въ виду Ломоносовъ и какое имѣютъ всѣ европейскіе университеты, и свести его, равно и гимназію, въ прежніе жалкіе размѣры и въ прежнее бѣдственное состояніе. Что вся эта бумага основана именно на такомъ намѣреніи, доказывается предложеніемъ *отправлять вмѣсто того молодыхъ людей за границу для обученія*, что и дешевле стоитъ. Предложеніе такъ краснорѣчиво само по себѣ, что не нуждается ни въ какомъ объясненіи, а потому ограничимся приведеніемъ его въ подлинномъ видѣ: «употребленной на нихъ и на содержаніе при нихъ профессоровъ, учителей и всякихъ другихъ нижнихъ служителей, весьма великой коштъ не замѣняется пользою отечеству, такъ-что ежели весь сей великій расходъ расположить поголовно какъ на казенныхъ студентовъ, такъ и на гимназистовъ, то каждый обойдется въ такую сумму, за которую бы можно было содержать въ чужихъ краяхъ съ довольствомъ и во всемъ пріобрѣсть гораздо скорѣйшіе и надежнѣйшіе успѣхи, не только въ наукахъ и языкахъ, но и въ благонравіи и въ пристойномъ свѣтскомъ поведеніи». Притомъ, чтобы судить вполнѣ безпристрастно объ этой бумагѣ, нужно помнить все противодѣйствіе нѣмцевъ заботамъ Ломоносова объ университетѣ, всѣ ихъ усилія парализировать успѣхъ этихъ заботъ, всю преднамѣренную ихъ небрежность въ дѣлѣ образованія русскаго юношества вообще. Особенно имъ не нравилось допущеніе простаго сословія къ обученію въ гимназію: «а набираемы были, сказано въ томъ-же документѣ, всѣ изъ самой подлости, и потому не имѣли добраго воспитанія, и въ обще-

Digitized by Google

житіи никакого о томъ попеченія не приложено». Здѣсь необходимо повторить сдѣланное выше замѣчаніе, что если дѣйствительно были большіе безпорядки въ академическихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ управленіе ими Ломоносова, и если дѣйствительно эти безпорядки происходили отчасти и отъ недостатка практическаго умѣнья взяться за порученное ему важное дѣло и руководить имъ: то, кажется, слѣдовало бы прежде всего озаботиться устраненіемъ безпорядковъ и приведеніемъ заведеній въ надлежащее состояніе, соотвѣтственно тому ихъ назначенію, какое имѣлъ въ виду Ломоносовъ и какое они имѣли во всемъ образованномъ мірѣ. То-же назначеніе, безъ-сомнѣнія, имѣлъ въ виду и ясно понималъ и великій ихъ основатель, примкнувшій ихъ къ академіи, единственно по весьма понятной экономіи учебныхъ силъ. Парализировать же основную мысль этихъ заведеній, преднамѣренно приводить ихъ въ то состояніе, въ какомъ они рѣшительно не могли достигать своего назначенія, и предлагать, въ замѣнъ приготовленія посредствомъ ихъ не только ученыхъ, но и вообще полезныхъ и крайне нужныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ общественной службы, отправленіе молодыхъ людей за границу для обученія — значитъ, по меньшей мѣрѣ, не понимать ни состоянія, ни потребностей страны, и задерживать естественный и самостоятельный процессъ ея умственнаго и нравственнаго развитія. Въ виду такихъ цѣлей не должны находить себѣ мѣста мелочные экономическіе разсчеты, и если дѣйствительно установленное по идеямъ и планамъ Ломоносова гимназическое и университетское образованіе обходилось неумѣренно-дорого (о чемъ, впрочемъ, нѣтъ никакой возможности судить по изданнымъ Матеріаламъ), то слѣдовало только озаботиться приведеніемъ его въ нормальное состояніе и въ экономическомъ отношеніи. Факты же, приводимые Ломоносовымъ для сравненія прежняго состоя-

Digitized by Google

нія этихъ заведеній и въ его управленіе, справедливость которыхъ, какъ оффиціально представляемыхъ непосредственному начальству, отвергать нельзя, крайняя небрежность, какую постоянно обнаруживали академики вообще къ дѣлу обученія, за весьма немногими исключеніями, противодѣйствіе ихъ мѣрамъ Ломоносова къ приведенію ихъ въ лучшее состояніе, — все это, конечно, не способно усилить довѣріе къ разсматриваемому документу, который Таубертъ поспѣшилъ представить начальству спустя мѣсяцъ по смерти Ломоносова.

Сохранился еще одинъ оффиціальный документъ, также произведеніе Тауберта, набрасывающій нѣкоторую тѣнь на экономическое состояніе университета и гимназіи. Въ ноябрѣ 1762 г., по случаю поданнаго инспекторомъ гимназіи Котельниковымъ обычнаго рапорта о выдачѣ денегъ на содержаніе студентовъ и гимназистовъ, Таубертъ потребовалъ сочиненія точнаго штата, по примѣру обоихъ кадетскихъ корпусовъ и другихъ тому подобныхъ учрежденій, « сколько каждому студенту и гимназисту слѣдуетъ дать въ годъ всякаго платья и обуви, и во что оное все коштовать имѣетъ » (570). Требованіе это, въ сущности справедливое, записано было въ журналъ канцеляріи 13 ноября. Но Ломоносовъ не подписалъ этого журнала и объявилъ, что « онъ того журнала подписывать не будетъ для того, что *штата сочинять не надлежитъ* ». Мы не знаемъ ближайшихъ причинъ ни требованій Тауберта, ни отказа Ломоносова подписать журналъ; объясненіе послѣдняго, конечно, нельзя считать удовлетворительнымъ. Чтобы удовлетворительно объяснить все это, необходимо подробнѣе и точнѣе ознакомиться съ хозяйственною стороной академическихъ учебныхъ заведеній и съ распоряженіями Ломоносова въ этомъ отношеніи. Изданные теперь Матеріалы не даютъ для того никакихъ средствъ, хотя ихъ издатель и имѣлъ

Digitized by Google

ихъ въ рукахъ; въ одномъ мѣстѣ онъ указываетъ на сохранившіяся въ академическомъ архивѣ приходо-расходныя книги, но, къ сожалѣнію, не счелъ нужнымъ напечатать хотя-бы краткое извлеченіе изъ нихъ. Не имѣя данныхъ для опредѣлительнаго заключенія объ этомъ интересномъ дѣлѣ, мы позволимъ себѣ слѣд. предположеніе: Ломоносовъ, можетъ быть, потому отказался отъ сочиненія штата, что, встрѣчая постоянно затрудненія въ полученіи денегъ, при полной независимости въ экономическомъ отношеніи, опасался еще большей притязательности со стороны канцеляріи, при точномъ обозначеніи статей расхода и опредѣленіи цифръ расхода по каждой статьѣ. Притомъ, штаты въ этомъ смыслѣ не существовали и въ другихъ академическихъ департаментахъ. Нельзя не обратить также вниманія на слѣд. обстоятельство. Извѣстно, что, въ іюнѣ 1761 г., Ломоносовъ особымъ указомъ предписалъ произвести подробную и строгую ревизію библіотеки, состоявшей подъ такимъ-же смотрѣніемъ Тауберта, какъ ученые и учебные департаменты подъ смотрѣніемъ Ломоносова. Таубертъ сильно, хотя и напрасно, протестовалъ противъ такого незаконнаго, по его мнѣнію, вторженія во внутреннее управленіе независимыхъ отъ канцеляріи учрежденій. Не было ли требованіе Тауберта, въ настоящемъ случаѣ, отвѣтомъ на ревизію библіотеки, или по-крайней-мѣрѣ не понималъ ли его въ этомъ смыслѣ Ломоносовъ? Впрочемъ, возможно и то, что Ломоносовъ, по высокому понятію о своемъ положеніи въ академіи, въ виду ожидаемаго имъ вице-президентства, считавшій себя въ правѣ вторгаться во внутреннее управленіе по вѣдомству Тауберта и требовать отъ него строгой отчетности, считалъ недостойнымъ себя унизиться до отчетности предъ Таубертомъ по своему вѣдомству и позволить какое бы то ни было вмѣшательство въ свои распоряженія.

Digitized by Google

Таубертъ, зять и непосредственный преемникъ Шумахера въ канцелярскомъ самовластіи, находился, какъ мы видѣли, въ крайне враждебномъ отношеніи ко всѣмъ планамъ и заботамъ Ломоносова, направленнымъ на улучшеніе состоянія академическихъ учебныхъ заведеній. Онъ употреблялъ, съ своей стороны, всѣ усилія, чтобы парализировать эту дѣятельность Ломоносова, и, дѣйствительно, замедленіе дѣла по регламентаціи этихъ заведеній и несостоявшееся, въ-слѣдствіе того, ея утвержденіе обязаны прежде всего Тауберту. Заслуга, конечно, незавидная предъ тогдашнимъ обществомъ и потомствомъ, которое въ-послѣдствіи укажетъ ей подобающее мѣсто въ исторіи русскаго образованія. Ломоносовъ, съ своей стороны, разумѣется, не могъ быть благодаренъ ему за эту заслугу, и отношенія между ними въ скоромъ времени принимаютъ, если можно, еще болѣе враждебный характеръ и оставили по себѣ слѣды во многихъ оффиціальныхъ документахъ. Шумахеръ, какъ видно, предъ смертью ослабѣлъ и дѣйствовалъ далеко не съ прежнею энергіей, по-крайней-мѣрѣ такъ должно судить по напечатаннымъ теперь Матеріаламъ (онъ умеръ лѣтомъ 1761 г.). Тѣмъ съ большимъ упорствомъ и настойчивостью, но за-то, кажется, съ меньшею осторожностью и осмотрительностью, начинаетъ дѣйствовать подготовленная имъ свѣжая сила, Таубертъ. Легко представить себѣ раздраженіе и озлобленіе Ломоносова противъ этой возродившейся враждебной нѣмецкой стихіи. Самый фактъ возрожденія Шумахера въ Таубертѣ долженъ былъ возмущать его до крайней степени. Если въ прежнее время, будучи еще адъюнктомъ и молодымъ человѣкомъ, онъ не могъ выносить Шумахера, и въ своихъ отношеніяхъ къ нему нимало не стѣснялся ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ, то какъ долженъ былъ онъ относиться къ Тауберту, усвоившему вполнѣ направленіе своего тестя,

Digitized by Google

въ то время, когда онъ былъ статскимъ совѣтникомъ, когда онъ съ бою занялъ мѣсто въ канцеляріи, отбилъ отъ нея въ свое единственное завѣдываніе всѣ ученые и учебные департаменты академіи наукъ, когда онъ пріобрѣлъ непоколебимую ученую и литературную репутацію, составлявшую гордость тогдашняго образованнаго русскаго общества, и когда онъ притомъ опирался на казавшіяся столь-же непоколебимыми опоры при дворѣ; не должно забывать и того, какъ высоко самъ Ломоносовъ цѣнилъ свои достоинства, свое званіе и свое положеніе.

Дѣйствительно, изъ новыхъ Матеріаловъ видно, съ какою смѣлостью, настойчивостью и запальчивостью вооружился онъ противъ Тауберта. Извѣстно, что еще въ январѣ 1761 года онъ подалъ отдѣльную записку о Миллерѣ и Таубертѣ. Сказавши о наслѣдованномъ въ послѣднемъ отъ тестя обычаѣ вооружать молодыхъ профессоровъ и адъюнктовъ противъ старыхъ профессоровъ, онъ представляетъ факты злоупотребленій Тауберта: безотчетность въ расходованіи библіотечной и типографской суммъ и книжной лавки, самовольное распоряженіе денежными суммами безъ общаго опредѣленія, вопреки существовавшимъ постановленіямъ, столь-же самовольное распоряженіе академическими помѣщеніями, употребленіе инструментальныхъ мастеровъ для частныхъ занятій, къ явному подрыву ихъ дѣйствительнаго назначенія и проч. (492—496). Записка эта не ограничивается однимъ общимъ обвиненіемъ, а представляетъ факты крайне предосудительнаго свойства, угрожавшіе Тауберту весьма серьезными послѣдствіями. Въ то-же время (янв. 1761 г.) написано имъ извѣстное увѣщательное письмо Теплову и «краткій способъ приведенія академіи наукъ въ доброе состояніе», гдѣ онъ, между прочимъ, проситъ прибавить въ канцелярію еще одного русскаго члена для равновѣсія въ голосахъ между русскими и ино-

Digitized by Google

странцами, устранить Тауберта отъ всякаго участія въ дѣлахъ, касающихся науки. Въ томъ-же году, въ іюнѣ, состоялся, за подписью Ломоносова, весьма непріятный указъ канцеляріи, предписывавшій произвести строгую ревизію библіотекѣ и обратить особенное вниманіе на выписку книгъ, на порядокъ ихъ содержанія и на причины, почему «не изданъ чрезъ столь долгое время новой каталогъ книгамъ для пользы ученыхъ и любящихъ науки». Указъ объясняется безотчетностью дѣйствій Тауберта, не смотря на неоднократныя напоминанія. Ревизія распредѣлена по отдѣльнымъ наукамъ и возложена на Фишера, Брауна, Котельникова, Федоровича и ад. Протасова. Таубертъ сильно вооружился противъ нея, ссылаясь на распоряженіе президента, поручившаго библіотеку въ особливое его смотрѣніе, однако Ломоносовъ настоялъ на ней, указывая на необходимость для канцеляріи имѣть общія свѣденія о состояніи всѣхъ академическихъ департаментовъ. Впрочемъ, вѣроятно, Таубертъ съумѣлъ отклонить отъ себя ревизію, потому что въ изданныхъ Матеріалахъ не оказывается никакихъ ея послѣдствій. Наконецъ, къ исходѣ того-же года, Ломоносовъ, въ особомъ донесеніи президенту, прямо требуетъ преданія суду Тауберта, перечисливъ, въ особо приложенной къ донесенію запискѣ, его злоупотребленія, или пункты продерзостей. Рѣзкость этого донесенія обнаруживаетъ крайнюю степень озлобленія. Упомянувши о недѣйствительности многократныхъ прежнихъ донесеній объ академическомъ несчастіи, онъ приводитъ указъ Петра Великаго, разрѣшающій подчиненнымъ объявлять прямо государю о противозаконныхъ дѣйствіяхъ своихъ начальниковъ, когда не уважено представленіе въ высшей инстанціи, и заключаетъ свое донесеніе слѣдующими словами: «ежели же Ваше высокографское Сіятельство не соблаговолите сей важной моей долговременной жалобы уважить и

Digitized by Google

привести въ дѣйствіе въ скоромъ времени ради вашего недолгаго, какъ видно, здѣсь пребыванія, то принужденъ буду принять законную смѣлость непремѣнно поступить по высокопомянутому монаршескому указу, для избавленія восходящихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ отъ наглаго утѣсненія» (Матер., стр. 552). Относительно же пунктовъ продерзостей онъ смѣло объявляетъ президенту, что «для подтвержденія ихъ имѣетъ довольныя и вѣрныя доказательства, живыхъ свидѣтелей и письменныя документы». Однако Таубертъ, видно, крѣпко утвердилъ свою позицію, потому что устоялъ въ ней, не смотря на рѣшительныя намѣренія Ломоносова сбить его съ этой позиціи силою такъ заботливо собранныхъ имъ пунктовъ продерзостей, не смотря на его готовность доказать дѣйствительность этихъ продерзостей и живыми свидѣтелями и письменными документами, не смотря на то, что многіе изъ собранныхъ имъ пунктовъ таковы, что, по своей важности, казалось, должны были неминуемо повлечь за собою именно тѣ послѣдствія, какія онъ имѣлъ въ виду.

Изъ новыхъ документовъ, напротивъ, видно, что Таубертъ по прежнему продолжалъ дѣйствовать противъ Ломоносова и не безъ успѣха. Нѣтъ сомнѣнія, что и неожиданно поразившая его въ началѣ 1763 г. бѣда, удаленіе отъ географическаго департамента и назначеніе вмѣсто него Миллера, приготовлена была именно Таубертомъ, что доказывается и самымъ ходомъ всего этого дѣла. Дѣйствительно, изъ всѣхъ предшествующихъ документовъ, относящихся къ управленію Ломоносовымъ географическимъ департаментомъ, не оказывается ни одного, которымъ бы можно было непосредственно объяснить тотъ грозный и въ высшей степени оскорбительный для завѣдывающаго этимъ департаментомъ указъ, какой подписанъ былъ президентомъ 31 августа 1762 г.: «отъ географическаго департамента, такъ начинается

Digitized by Google

этотъ замѣчательный указъ, уже нѣсколько лѣтъ почти ничего новаго къ поправленію россійской географіи на свѣтъ не произведено, чему по большой части причиною нераченіе опредѣленныхъ при ономъ географическомъ департаментѣ» (574). Легко можно себѣ представить, какъ долженъ былъ подѣйствовать на Ломоносова этотъ указъ и какую бурю долженъ былъ произвести онъ. Извѣстно, что Ломоносовъ даже въ оффиціальныхъ документахъ, представляемыхъ президенту, когда ему приходилось или оправдываться отъ клеветы, или открывать вопіющее злоупотребленіе, не привыкъ стѣсняться въ выраженіи. Таубертъ, разумѣется, больше чѣмъ кто-либо понималъ, что находившійся уже въ его рукахъ указъ можетъ угрожать и ему самому большими непріятностями; онъ долженъ былъ ожидать, что Ломоносовъ въ своихъ оправданіяхъ не обойдетъ канцелярію и его лично. Этими опасеніями, кажется, должно прежде всего объяснять то въ высшей степени замѣчательное и оригинальное обстоятельство, что указъ, подписанный 31 августа, пять мѣсяцевъ скрываемъ былъ Таубертомъ, и только 28 января 1763 г. словесно объявленъ въ канцеляріи, причемъ было опредѣлено: «для вѣдома гдну колл. сов. Ломоносову съ ордера его В. Г. С—а сообщить копію» (574). Миллеру секретно сообщено было объ этомъ указѣ еще за двѣ недѣли до объявленія его въ канцеляріи. Въ своемъ не менѣе грозномъ представленіи въ канцелярію, отъ 6 февраля, Ломоносовъ объясняетъ, что этотъ указъ «истребованъ хитростно для нѣкоторыхъ приватныхъ намѣреній, что паче всего потому не оспоримо, что помянутый ордеръ держался подъ спудомъ, *пока я былъ боленъ;* а какъ только выздоровѣлъ и о произведеніи въ печать атласа по прежнему началъ стараться, то гднъ стат. сов. Таубертъ началъ производить оной къ наглому препятствованію мнѣ въ дѣлѣ отечества полезномъ» (579).

Digitized by Google

Онъ прямо объявляетъ указъ недѣйствительнымъ уже потому что онъ «безъ произведенія въ дѣло оставленъ и уже полгода просроченъ», и протестуетъ противъ его исполненія до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ президенту подробнаго отчета о состояніи географическаго департамента. Дѣйствительно, въ-слѣдъ за-тѣмъ Ломоносовъ подалъ президенту подробную записку, подъ заглавіемъ: «краткое показаніе о происхожденіяхъ географическаго департамента» (579 — 585). Не имѣю въ виду, въ настоящее время, разбора этой записки, для котораго впрочемъ окажутся недостаточными сообщаемые ею факты. Записка составлена мастерски, проникнута глубокимъ сознаніемъ правоты дѣла и собственнаго достоинства и отличается всѣми качествами пера Ломоносова — ясностью взгляда, основательностію неотразимыхъ доводовъ, строгою послѣдовательностію ихъ изложенія, точностью и рѣзкостью выраженія. А что факты, приведенные въ этой запискѣ, были дѣйствительны и убѣдительны — доказательствомъ отчасти можетъ служить исходъ самаго дѣла. Записка начинается съ 1745 г., съ изданія россійскаго атласа и съ указанія на его неисправность, по причинѣ раздоровъ между профессорами, завѣдывавшими этимъ дѣломъ. Въ слѣдовавшее за-тѣмъ время, а также въ управленіе Миллера географическимъ департаментомъ (съ 1753 г.), ничего не сдѣлано для исправленія и изданія атласа. Только съ поступленіемъ этого департамента въ его управленіе, приняты были мѣры для выполненія столь важнаго предпріятія: затребованы отъ сената и синода необходимыя свѣденія и предложено отправить обсерваторовъ, для опредѣленія долготы и широты нужнѣйшихъ мѣстъ государства, согласно съ опредѣленіемъ всего пространства послѣдняго; опредѣлено число общихъ и спеціальныхъ картъ; предписано правильное обученіе геодезистовъ и студентовъ составленію картъ и проекцій, чего прежде не было.

Digitized by Google

Не смотря на сильныя противодѣйствія этимъ мѣрамъ, четыре тома свѣденій уже были доставлены для цѣлой половины государства. Географическая же экспедиція задержана по недостатку инструментовъ, доставленіе которыхъ принялъ на себя сначала Таубертъ, а потомъ Штелинъ, недоставившіе ихъ, впрочемъ, въ теченіе трехъ лѣтъ. Между тѣмъ составлялись карты, и уже было приготовлено 9 спеціальныхъ картъ. Изданіе ихъ встрѣтило новыя препятствія: «сколько разъ я, говоритъ Ломоносовъ, въ канцеляріи моимъ товарищамъ ни представлялъ о произведеніи въ печать картъ уже готовыхъ; однако все молчаніемъ или поспѣшеніемъ другихъ дѣлъ канцелярскихъ маловажныхъ, и до наукъ ничего не надлежащихъ, безъ уваженія оставлено» (583). Напрасно Ломоносовъ доказывалъ, что нѣтъ ни единой карты на свѣтѣ безъ погрѣшностей, что совершеннаго атласа не дождутся и праправнуки — «произведеніе атласа въ печать остановилось только одною очевидною завистью». Въ заключеніе, указывая на несносную обиду, причиненную указомъ, Ломоносовъ проситъ президента оставить географическій департаментъ въ его вѣденіи, строго предписавъ немедленно издавать приготовленныя къ печати карты, по довольномъ разсмотрѣніи ихъ и одобреніи большинствомъ голосовъ.

Записка эта, естественно, должна была произвести свое дѣйствіе. Географическій департаментъ остался за Ломоносовымъ. Но онъ не ограничился этою запиской. Ему хотѣлось немедленно же приступить къ изданію картъ и тѣмъ фактически доказать правоту своего дѣла. Для этого требовалось одобреніе по-крайней-мѣрѣ со стороны большинства членовъ историческаго собранія — и этого одобренія ему нужно было добиться во что бы то ни стало. Затрудненіе усиливалось тѣмъ, что въ мартѣ

Digitized by Google

прошлаго (1762) года, во время болѣзни Ломоносова, свидѣтельствованы были, по предписанію канцеляріи, карты, приготовленныя къ изданію, и Миллеромъ указаны погрѣшности въ наименованіи финскихъ деревень (592), а потому не одобрены къ изданію. По новому указу канцеляріи, отъ 15 января 1763 г., о вторичномъ освидѣтельствованіи картъ безъ придирокъ къ мелочнымъ неисправностямъ, засѣданіе назначено было на 16 января, но не состоялось (573). За-то бурное было засѣданіе историческаго собранія, состоявшееся 10 марта 1763 года. Явившись на него послѣ, Ломоносовъ, по описанію этого засѣданія Миллеромъ (591), тотчасъ прервалъ докладъ конференцъ-секретаря (Миллера) и потребовалъ освидѣтельствованія картъ, доказывая, что прошлогоднія замѣчанія — пустое дѣло, что методъ составленія картъ давно уже былъ одобренъ, что слѣдовало только смотрѣть на точное соотвѣтствіе ихъ картамъ оригинальнымъ. Когда секретарь сослался на указъ, въ силу котораго происходило прошлогоднее свидѣтельствованіе, и на протоколъ, подписанный всѣми членами, Ломоносовъ отвѣчалъ: «подписанія членовъ ничего не значатъ, ибо не безъизвѣстно, что можно ихъ получить отъ каждаго; что мошенническимъ образомъ—auf eine spitzbüberische Weise (на обоихъ языкахъ сіи произносилъ ругательства) дѣлу преполѣзному воспрепятствовано». Послѣ такого оскорбленія и канцеляріи и историческаго собранія, Миллеръ вышелъ изъ засѣданія, не смотря на увѣреніе Ломоносова, что «сіи его слова не до него касаются». Тогда, уже въ отсутствіе Миллера, составленъ былъ протоколъ, которымъ опредѣлено требовать отъ него, чтобы онъ указалъ и доказалъ замѣченныя имъ *историческія* погрѣшности въ картахъ; четыре же члена (Фишеръ, Браунъ, Поповъ и Цейгеръ) признали карты луч-

Digitized by Google

шими прежнихъ, достойными вырѣзанія на мѣди и печатанія[1]. Такимъ образомъ Ломоносовъ добился одобренія отъ большинства членовъ.

Не обращая вниманія на ѣдкую приписку Миллера къ этому протоколу, въ которой онъ настаиваетъ на преждевременности печатанія и отказывается отъ указанія погрѣшностей, предоставляя ихъ тому, кто ищетъ себѣ смотрѣнія надъ географическими сочиненіями, Ломоносовъ, опираясь на большинство, указомъ канцеляріи предписываетъ немедленно приступить къ печатанію картъ, по экземпляру первоначальныхъ оттисковъ посылать на-домъ къ присутствующимъ въ географическомъ департаментѣ для замѣчаній и, по обсужденіи послѣднихъ и исправленіи по нимъ, «производить въ дѣйствіе безъ потерянія времени». Для этихъ занятій указъ предписываетъ всѣмъ присутствующимъ въ географическомъ департаментѣ собираться въ недѣлю два раза. Указъ этотъ ясно доказываетъ торжество Ломоносова, отстоявшаго географическій департаментъ. Нѣтъ сомнѣнія, что записка своими фактическими доказательствами должна была уяснить президенту дѣйствительное положеніе дѣла, сравнительно съ прежнимъ, и обнаружить интригу; пятимѣсячное укрывательство указа также не могло послужить въ пользу Тауберта.

Ломоносовъ не ограничился и этимъ указомъ. Въ то-же время онъ отправилъ изъ канцеляріи къ Миллеру оффиціальное письмо съ запросомъ — намѣренъ ли онъ присутствовать въ географическомъ департаментѣ, и если не намѣренъ, то почему (595). Нужно замѣтить, что оба послѣднія опредѣленія отправлены по назначенію безъ согласія Тауберта. Ломоносовъ, какъ мы замѣчали неоднократно, въ порывахъ сильнаго раздраженія, не стѣ-

[1] Подъ послѣднимъ заявленіемъ не подписались: Эпинусъ, Котельниковъ и Румовскій.

Digitized by Google

снялся формою и оффиціальными отношеніями: онъ увлекся и здѣсь, и скоро самъ долженъ былъ сознатся въ своемъ увлеченіи. 3 апрѣля секретаремъ канцеляріи Гурьевымъ записана въ журналъ забавная исторія о томъ, какъ Ломоносовъ объявилъ регистратору, разносившему бумаги по-домамъ, что онъ никакого опредѣленія Тауберта подписывать не будетъ «и чтобы ни по какимъ дѣламъ, а особливо о расходѣ денежной казны, до пріѣзду ево въ канцелярію исполненія не чинить», безъ предварительной резолюціи президента. Таубертъ, съ своей стороны, объявилъ, что онъ приведенныхъ нами выше опредѣленій Ломоносова также подписывать не будетъ безъ воли президента; исполнять же дѣла по протоколамъ, по его приказанію составленнымъ, хотя-бы и не подписаннымъ Ломоносовымъ, будетъ, принимая на себя въ томъ всю отвѣтственность. Спустя недѣлю, Ломоносовъ призываетъ къ себѣ секретаря, приказываетъ принести всѣ неподписанные протоколы, начиная отъ 6 марта, и подписываетъ всѣ *безспорно*, за исключеніемъ секретарской записки 3 апрѣля, которую онъ, какъ сказалъ секретарю, и безъ подписи своей утверждаетъ. Не извѣстно, чѣмъ вызвано было такое неожиданное благодушіе Ломоносова [1].

[1] Сомнительно только, чтобы оно было добровольное: спустя три дня, Ломоносовъ опять не подписалъ протокола, составленнаго Таубертомъ въ свое оправданіе отъ доноса Волчкова въ томъ, «якобы академія отъ продажи ево книгъ съ 1737 года болѣе пятидесяти тысячь рублевъ получила, а его не токмо ни чѣмъ не наградила, но и по тремъ указамъ изъ пр. сената печатныхъ и письменныхъ его переводу книгъ въ типографію сенатскую по нынѣ не присылаетъ, и одну книгу Цицерона о должностяхъ напечатавъ подъ чужимъ именемъ и пустя въ продажу его раззоряетъ». «Мнѣ довольно, пишетъ Ломоносовъ, объясняя свой отказъ подписать протоколъ, и одного надъ науками смотрѣнія, которыхъ приращенію

Digitized by Google

Президентъ, указомъ канцеляріи отъ 17 апрѣля, утвердилъ всѣ распоряженія Ломоносова и тѣмъ совершенно уничтожилъ прежнее распоряженіе о назначеніи Миллера. Онъ призналъ даже излишнимъ запросъ, сдѣланный послѣднему Ломоносовымъ, намѣренъ ли онъ присутствовать въ географическомъ департаментѣ, такъ-какъ, пишетъ президентъ, въ академіи каждый долженъ поступать по предписаннымъ законамъ, а не по своей волѣ; только отправленіе географическихъ экспедицій пріостановлено до подачи отдѣльныхъ мнѣній Ломоносовымъ и Таубертомъ—«какимъ образомъ учредить тѣ двѣ экспедиціи, чтобъ какъ кошть напрасно не былъ потерянъ, такъ и честь академіи была сохранена, а государству чрезъ то послѣдовала польза» (599) [1].

Такъ рушилась интрига Тауберта и Миллера и таковъ былъ исходъ этого интереснаго дѣла. Мы остановились на немъ съ нѣкоторою подробностью и потому, что имъ можно объяснить отношеніе Ломоносова къ этому особому учрежденію академіи, находившемуся въ его вѣденіи.

Лишь только онъ успѣлъ отклонить отъ себя угрожавшую ему опасность, удержать за собою географическій департаментъ, отстоять россійскій атласъ, какъ, спустя три мѣсяца, предстала предъ нимъ та-же опасность, только въ другомъ видѣ: 14 іюля въ канцеляріи слушано было сообщеніе президента, составленное

всякими оттяжками моихъ полезныхъ стараній онъ гднъ Таубертъ препятствуетъ, а особливо что не хочетъ подписывать такихъ дѣлъ, въ коихъ никакого нѣтъ сомнѣнія, но явная польза. И такъ сего рапорта не подписываю, для того что я на гдна Волчкова въ жалобахъ не помощникъ, а особливо противу Ея И. В. Высочайшаго повелѣнія» (598).

[1] Особое представленіе Ломоносова по этому предмету было подано президенту въ сентябрѣ 1764 года (Мат. 674—678).

Digitized by Google

Тепловымъ, которымъ предписывалось, по высочайшему повелѣнію, оставивъ всѣ работы по географическому департаменту, немедленно заняться составленіемъ такъ называемыхъ «картъ Россійскихъ продуктовъ» въ трехъ томахъ — для европейской Россіи, Малороссіи и Сибири, съ картами для остъ-зейскихъ провинцій, чтобы каждый томъ заключалъ въ себѣ столько картъ, «сколько какихъ продуктовъ и прочаго экономическаго въ Россіи родится, чтобы была особая карта хлѣбная, пенечная, льняная, табачная, рудокопная, фабрикъ и мануфактуръ» и т. д., съ обозначеніемъ особливыми красками наибольшаго количества и наилучшаго качества означенныхъ продуктовъ. Непосредственное наблюденіе надъ составленіемъ этихъ картъ поручено было Тауберту и Миллеру.

Сохранились интересныя примѣчанія Ломоносова къ этому сообщенію (604 — 607). «Краткое содержаніе сего указа, замѣчаетъ онъ, есть сіе: *въ географическомъ департаментѣ оставить дѣло россійскаго атласа, затѣмъ, чтобы дѣлать россійскій атласъ*. Причина тому, что оной сочиняется подъ смотрѣніемъ совѣтника Ломоносова, а сей имѣетъ сочиняться подъ надзираніемъ д. с. с. гдна Теплова. Всѣхъ картъ для четырехъ частей (двѣ сибирскія) должно быть 1200, т. е. въ сорокъ разъ больше изданнаго россійскаго атласа; а при дробленіи продуктовъ на виды, «ни самому, мню, всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ подано Ломоносовымъ въ сенатъ доношеніе, въ которомъ онъ, перечисливъ мѣры, принятыя имъ, съ разрѣшенія сената, къ составленію атласа, объясняетъ, что упомянутое сообщеніе должно остановить работу на многіе годы, вопреки намѣренію и ожиданію сената и государственной пользѣ. Все это происходило въ концѣ іюля, а 4 августа въ канцеляріи Таубертъ объяснилъ словесно, что онъ при-

Digitized by Google

зыванъ былъ ко двору, гдѣ ему объявлено Высочайшее повелѣніе поручить составленіе картъ россійскихъ продуктовъ колл. совѣт. Ломоносову, а 11 августа уже состоялся указъ канцеляріи, за подписью Ломоносова, о доставленіи въ академію изъ сената и разныхъ коллегій свѣденій, необходимыхъ для составленія атласа.

Восторжествовавши снова надъ своими врагами и отстоявши свое положеніе и свои права въ географическомъ департаментѣ, Ломоносовъ, однако, не могъ не чувствовать большихъ затрудненій въ выполненіи Высочайшаго повелѣнія относительно составленія картъ росс. продуктовъ, и нельзя не согласиться, что онъ съ большимъ искусствомъ и достоинствомъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія, придумавъ среднюю, примирительную мѣру. Мѣра эта состояла въ томъ, чтобы продолжать составленіе атласа на прежнемъ основаніи и въ прежнемъ видѣ, а только приложить къ нему «экономическій лексиконъ росс. продуктовъ», расположивъ въ немъ названія всѣхъ росс. товаровъ, производимыхъ натурою и искусствомъ, по алфавиту, съ обозначеніемъ мѣстъ ихъ рожденія и производства; на самыхъ же картахъ сдѣлать потребныя дополненія, напр. по теченію судоходныхъ рѣкъ поставить значки судовъ, какія по нимъ ходятъ, обозначить особыми значками лѣтнія пересухи, соединенія вершинъ, пристани, волоки, пороги, мосты, заставы для пошлинъ и т. д.

На обѣ эти исторіи въ географическомъ департаментѣ, окончившіяся полнымъ торжествомъ Ломоносова, должно смотрѣть какъ на рѣшительныя попытки Таберта и Миллера оттереть его, какъ онъ самъ выражается, отъ главнаго смотрѣнія надъ этимъ департаментомъ (604). Обѣ эти исторіи въ то-же время доказываютъ, что положеніе Тауберта не только не поколебалось отъ извѣстныхъ намъ усилій Ломоносова оттѣснить его отъ академіи, но и было такъ крѣпко, что онъ въ-слѣдъ за-тѣмъ успѣлъ

Digitized by Google

двумя состоявшимися уже указами президента нанести ему два пораженія по одному изъ важныхъ отдѣленій, находившихся въ его управленіи; онѣ доказываютъ, что это время было временемъ наибольшаго сближенія Тауберта съ Тепловымъ, а слѣдовательно и наиболѣе сильнаго вліянія его на президента.

Весьма замѣчательно, что именно къ этому времени, къ промежутку между этими двумя исторіями, относится и третье, вѣроятно тѣми-же путями подготовленное, пораженіе Ломоносова — его увольненіе отъ академіи наукъ съ чиномъ статскаго совѣтника. Въ присутствіи канцеляріи, 15 мая, копіистъ К. Ефимовъ объявилъ, что «онъ ходилъ къ гдну сов. Ломоносову съ протоколами и журналами для подписанія, но онъ тѣхъ протоколовъ и журналовъ не подписалъ, а объявилъ, что онъ гднъ сов. получилъ отъ его пр-ва гдна генералъ-прокурора Глѣбова письмо и копію съ имяннаго Ея И. В. указу о пожалованіи ево статскимъ совѣтникомъ съ отставкою отъ академіи» (603). Извѣстная записка Екатерины II къ Олсуфьеву, отъ 28 апрѣля того-же 1763 года[1], вѣроятно, находится въ связи съ этимъ обстоятельствомъ. Можетъ быть, увольненіе Ломоносова, подсказанное его врагами, между прочимъ, было признано и лучшимъ средствомъ обезпечить успѣхъ задуманнаго императрицей новаго географическаго предпріятія, которое, естественно, должно было встрѣтить со стороны Ломоносова самое энергическое противодѣйствіе; упомянутый же способъ соглашенія и той и другой стороны могъ повести къ отмѣнѣ состоявшагося уже распоряженія объ увольненіи. Какъ бы то ни было, указа объ увольненіи канцелярія не получала и исполненія по нему, какъ видно, вовсе

[1] «Адамъ Васильевичь! я чаю—Ломоносовъ беденъ: зговоритесь съ Гетманомъ, не можно ли ему пенсіонъ дать, и скажи мнѣ отвѣтъ».

Digitized by Google

не было[1]; по-крайней-мѣрѣ въ концѣ іюля Ломоносовъ, какъ *коллежскій совѣтникъ,* подаетъ въ сенатъ извѣстное намъ доношеніе объ остановкѣ работъ по составленію россійскаго атласа[2].

Среди этихъ тяжелыхъ испытаній для Ломоносова, сильно волновавшихъ его, уже больнаго, въ послѣдніе годы его жизни, были и радостныя событія, поддерживавшія и оживлявшія его упадавшій духъ.

Къ нимъ должно отнести избраніе его, какъ «открывшаго, къ славѣ Россіи столь рѣдкое еще въ свѣтѣ мозаичное искуство», въ почетные члены академіи художествъ, 10 октября 1763 года, совершенное съ лестнымъ для его самолюбія торжествомъ и съ публичнымъ признаніемъ его заслугъ не только въ наукахъ, но и художествахъ (618 — 620); производство въ статскіе совѣтники съ усиленнымъ окладомъ; избраніе въ члены болонской академіи наукъ (13 апр. 1764 г.), по предложенію канцлера М. И. Воронцова; снова и уже въ послѣдній разъ, при жизни Ломоносова, поднятый указомъ самого президента вопросъ о преобразованіи академіи наукъ и, наконецъ, посѣщеніе его въ собствен-

---

[1] Въ статскіе совѣтники, съ окладомъ 1875 р., Ломоносовъ произведенъ, какъ извѣстно, въ декабрѣ 1763 года.

[2] При крайней напряженности враждебныхъ отношеній между Ломоносовымъ и Таубертомъ въ послѣднее время, замѣчательна собственно-ручная записка перваго, отъ окт. 63 года, въ которой, между прочимъ, говорится о переплетѣ его сочиненія о металлургіи въ золотой и серебряный глазетъ для императрицы и наслѣдника. Къ этой запискѣ Таубертъ собственноручно приписалъ: «я бы лучше совѣтовалъ подносимые ея величеству и его высочеству книги переплесть въ красной сафьянъ съ богатою позолотою, а прочіе въ мраморной бантъ, потому что и прежде отъ академіи такъ подносилися; а впрочемъ для меня все равно». А въ-слѣдъ за-тѣмъ приписано Ломоносовымъ: «очень изрядно. Я согласенъ» (617).

Digitized by Google

номъ домѣ самою императрицею (7 іюня 1764 г.). Скажемъ нѣсколько словъ, въ заключеніе нашего обозрѣнія, объ этой новой попыткѣ преобразованія академіи наукъ.

Въ началѣ марта 1764 года, состоялся слѣд. указъ президента: «усмотрѣлъ я изъ представленнаго мнѣ во время присутствія моего въ оной канцеляріи сего марта 4 дня списка всѣмъ состоящимъ при академіи чинамъ и служителямъ многія несходства съ апробованнымъ штатомъ, которыя, какъ я самъ признаваю, произошли отъ невозможности, чтобы все учредить и содержать точно на такомъ основаніи, какъ въ томъ апробованномъ регламентѣ положено. Къ тому жъ и самые опыты оказали, что разные, въ регламентѣ предписанные распорядки не соотвѣтствуютъ ожидаемой отъ оныхъ пользѣ. Того ради гдамъ присутствующимъ въ оной канцеляріи статскимъ совѣтникамъ Тауберту и Ломоносову обще, или естли не согласятся, то порознь, приглася каждому къ себѣ изъ гдъ профессоровъ, кого пожелаютъ, учинить проекты, во первыхъ, на какомъ основаніи академическому ученому корпусу по нынѣшнему состоянію и впредь быть должно, а потомъ и прочимъ департаментамъ порознь, токмо бъ располагаемая сумма не превосходила апробованнаго штата, и по сочиненіи представить мнѣ» (637). Замѣчательно, что канцелярія распорядилась сообщеніемъ этого указа по принадлежности, для исполненія, только 21 мая. Едва-ли можно сомнѣваться, что и теперь, какъ прежде, иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала Ломоносову, и весьма вѣроятно, что она находится въ связи съ вопросомъ объ университетской привилегіи. «Ломоносовъ, справедливо замѣчаетъ издатель Матеріаловъ, долженъ былъ считать (приказъ президента) за исполненіе своего давняго желанія, своей задушевной мысли, и онъ съ жаромъ принялся за выполненіе задачи, для которой онъ и не переставалъ

Digitized by Google

трудиться, справедливо разсчитывая, что должно же наконецъ настать время для ея осуществленія» (637). Какъ горячо принялся Ломоносовъ за свою прежнюю работу, доказываетъ представленный ими еще въ началѣ сентября проектъ новаго регламента академіи наукъ, подъ заглавіемъ: «*новое примѣрное расположеніе и учрежденіе санктпетербургской императорской академіи наукъ, на высочайшее расмотрѣніе и апробацію сочиненное*» (652). Проекта Тауберта и вообще слѣдовъ его участія въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ не отыскалось.

Что касается до самаго содержанія новаго проекта, то съ большею его частью мы уже знакомы изъ прежнихъ проектовъ. Первѣйшими персонами академическаго общества въ немъ назначаются президентъ и *вице-президентъ*. Первый долженъ быть «человѣкъ именитой и знатной, имѣющій свободный доступъ до монаршей особы, чтобъ могъ представлять академическія надобности... Сверхъ того долженъ быть знающъ нужнѣйшихъ языковъ и обще вникателенъ во всѣ науки; природной Россіянинъ. Вице-президенту хотя и прилично быть въ обществѣ знатныхъ, однако-же знаемость его требуется больше по наукамъ, нежели по другимъ преимуществамъ, дабы онъ удобнѣе могъ видѣть все состояніе академіи, достоинство членовъ и другихъ служителей, труды и склонности и протчее, и о томъ изъяснять президенту и съ нимъ дѣла обще рассматривать»; а потому послѣдній *долженъ быть знающъ въ разныхъ наукахъ и избираемъ изъ ординарныхъ академиковъ, служившихъ въ здѣшней академіи не малое время и показавшихъ свое въ наукахъ отмѣнное знаніе изданными въ свѣтъ сочиненіями*. Перечисливъ и опредѣливъ кругъ знаній и обязанностей всѣхъ академиковъ, онъ и теперь настаивалъ на взаимную ихъ связь, выводя ее изъ связи сродныхъ между собою наукъ (654). Отсюда, а также изъ соображенія весьма огра-

Digitized by Google

ниченнаго числа академиковъ по каждой отдѣльной наукѣ, объясняется то важное значеніе, какое придавалъ Ломоносовъ полигисторамъ, т. е. знающимъ разныя науки, «чтобъ было кому разсуждать о предлагаемыхъ собранію сочиненіяхъ».

Весьма замѣчательно также то обстоятельство, что Ломоносовъ, при опредѣленіи круга дѣятельности академиковъ по наукамъ юридическимъ, историческимъ и филологическимъ, постоянно старается обратить ихъ на изученіе Россіи. Такъ, первая должность исторіографа должна состоять, по его мнѣнію, въ сообщеніи всякаго рода историческихъ извѣстій для академической библіотеки и для своего свѣденія, «надлежащихъ до дѣяній россійскихъ и до порученныхъ ей и сосѣднихъ народовъ, особливо же коихъ исторія мало или недовольно на свѣтѣ свѣдома; юриспрудентъ долженъ собирать все, что надлежитъ до россійскихъ новыхъ и древнихъ правъ и для ихъ объясненія и приводить въ систематическое расположеніе, для пользы при сочиненіи правъ россійскихъ; древностей ординарный академикъ, по знанію своему старинныхъ языковъ, которые уже изъ употребленія вышли, и по искусству въ древностяхъ еврейскихъ, греческихъ, римскихъ и сѣверныхъ народовъ, долженъ въ оныхъ все изыскивать, что надлежитъ къ свѣдѣнію древняго состоянія россійскихъ предковъ, также единоплеменныхъ славянскихъ и другихъ съ ними смѣшанныхъ народовъ, дабы пріобрѣсти большее просвѣщеніе въ россійскихъ древностяхъ, въ чемъ съ исторіографомъ сносясь могутъ подавать одинъ другому доброе взаимное вспоможеніе; знающій восточные языки долженъ... собирать всякія книги и извѣстія о состояніи тамошнихъ странъ, а особливо сосѣдственныхъ народовъ, въ разсужденіи исторіи, поелику можно пользоваться тѣмъ въ описаніи россійскихъ древностей и сосѣдственнаго политическаго взаимства»; даже анатомъ, при описаніи внѣшняго

Digitized by Google

вида и внутренняго строенія звѣрей, птицъ, рыбъ и гадовъ, долженъ обращать особенное вниманіе на здѣшнихъ, «рознящихся отъ иностранныхъ или и совсѣмъ индѣ неизвѣстныхъ» (660—661).

Кромѣ спеціальнаго знанія академиками своей науки и сродныхъ съ нею, проектомъ требуется отъ нихъ знаніе хотя элементарныхъ наукъ математическихъ, «ибо и въ акедеміяхъ примѣчено, что иногда химики, анатомики, ботаники, историки почти никакого знанія первыхъ математическихъ основаній не имѣютъ; и для того не могутъ своей практики и расположить порядочно, и сообразить разсужденіемъ, которому, купно съ логикою, надежная предводительница есть геометрія». Равнымъ образомъ всѣ академики должны быть «достаточны въ чистомъ и порядочномъ штилѣ, хотя и не требуется, чтобы каждой изъ нихъ былъ ораторъ или стихотворецъ», такъ-какъ въ академіяхъ примѣчено, «что весьма знающіе въ своихъ наукахъ профессоры мало при томъ искусны въ словесныхъ наукахъ, такъ что ихъ сочиненія излишними распространеніями, неявственными, сомнительными и ненатуральными выраженіями въ чтеніи скучны и невразумительны».

Проектъ касается и нравственнаго достоинства академиковъ, требуетъ, чтобы они были «честнаго поведенія, прилежные и любопытные люди, и въ наукахъ бы упражнялись больше для пріумноженія познанія, нежели для своего прокормленія, и не такъ какъ нѣкоторые, снискавъ себѣ хлѣбъ, не продолжаютъ больше упражненія въ ученіи съ ревностію; паче же всего не надлежитъ быть академическимъ членамъ упрямымъ самолюбамъ, готовымъ стоять въ несправедливомъ мнѣніи и спорить до самыхъ крайностей».

Всѣ академики должны быть природные россіяне, по доброму примѣру парижской академіи: «честь россійскаго народа требуетъ,

Digitized by Google

чтобъ показать способность и остроту его въ наукахъ и что наше отечество можетъ пользоваться собственными своими сынами, не токмо въ военной храбрости, и въ другихъ важныхъ дѣлахъ, но и въ разсужденіи высокихъ знаній. До тѣхъ же поръ, пока нынѣ сего исполнить не можно, выписывать въ ординарные и экстраординарные члены изъ другихъ земель со всякою предосторожностію людей достойныхъ; но статью сію, повторяетъ проектъ, исполнять до времени, пока изъ природныхъ россіянъ ученые умножатся и не будетъ нужды чужестранныхъ выписывать». Для предотвращенія пристрастія и вліянія партій, Ломоносовъ точно опредѣляетъ порядокъ избранія [1].

Особенно интересна въ проектѣ вторая глава—«о должностяхъ и трудахъ академическаго собранія», гдѣ онъ, недовольный прежнимъ порядкомъ, весьма заботливо старается подвести подъ точное опредѣленіе и строгій контроль ученую дѣятельность академиковъ. Заботясь о совершенствованіи своей науки новыми изобрѣтеніями, академикъ обязанъ каждое полугодіе «объявлять и въ собраніи въ запискѣ отдавать таковыя свои предпріятія», и, сверхъ того, издавать книги по своей профессіи; послѣднее,

[1] «Когда избирается кто балотированіемъ въ классъ математическій, члены онаго кладутъ балы въ особливой ящикъ и съ ними президентъ и вицепрезидентъ. И такъ ихъ оставляютъ. Академики протчихъ двухъ классовъ кладутъ свои балы въ особливой сосудъ. Потомъ оба сосуда должны быть отворены. Въ первомъ сосудѣ, въ коемъ преимуществующаго класса балы, купно съ президентскимъ и вицепрезидентскимъ, имѣютъ силу цѣлаго голоса. Протчихъ же классовъ силу половиннаго голоса. Такимъ образомъ поступать, когда физическій или историческій классъ преимуществуетъ для избранія въ оной (ономъ) члена. При семъ наблюдать, что президентъ кладетъ два бала, а вицепрезидентъ одинъ. А за отсутствіемъ или небытностію президентскою и онъ кладетъ два же».

Digitized by Google

впрочемъ, не требуется безусловно отъ всѣхъ, такъ-какъ «можно быть удачливымъ въ частныхъ изобрѣтеніяхъ, но не достаточно одареннымъ систематическимъ смысломъ». Засѣданія академиковъ, кромѣ чрезвычайныхъ, назначаемыя по два раза въ недѣлю, имѣютъ двоякую цѣль: разсмотрѣніе трудовъ академиковъ и дѣла экономическія. При разсмотрѣніи ученыхъ трудовъ въ собраніи «убѣгать надлежитъ всякихъ шумовъ и досадительныхъ рѣчей, что главные командиры всячески отвращать должны увѣщаніями, выговорами и наложеніемъ молчанія, а буде и того не послушаютъ, денежнымъ штрафомъ». Въ особенно-спорныхъ случаяхъ можно обратиться къ иностраннымъ членамъ, «чего однако для чести собранія убѣгать должно» [1]. Кромѣ обыкновенныхъ засѣданій, проектъ назначаетъ по-крайней-мѣрѣ одно публичное, въ январѣ, или послѣ праздника Петра и Павла, 1-го іюля. Для этого собранія должны быть приготовлены и предварительно одобрены конференціей три сочиненія, по одному изъ каждаго класса; одно изъ нихъ должно быть на русскомъ языкѣ, а остальныя могутъ быть и на латинскомъ.

Почетные члены, жалованные и безжалованные, должны быть избираемы по баллотировкѣ всѣмъ академическимъ собраніемъ изъ разныхъ народовъ (изъ Германіи и Франціи по два, изъ Италіи, Испаніи, Англіи, Швеціи и славянскихъ владѣній по одному). Жалованные члены обязаны присылать въ академію хотя одну диссертацію въ годъ, для напечатанія въ академическихъ комментаріяхъ. Корреспондентовъ, для наблюденій по натурѣ и

---

[1] Въ засѣданія академики должны являться въ началѣ одиннадцатаго часа «и не позднѣе какъ одною четвертью»; не явившійся безъ законнаго и заблаговременнаго извиненія подвергается вычету изъ жалованья, по силѣ генеральнаго регламента.

Digitized by Google

исторіи, академія должна имѣть не только по всѣмъ россійскимъ губерніямъ, но и въ отдаленныхъ чужихъ земляхъ.

Вообще этотъ новый регламентъ академіи наукъ, написанный Ломоносовымъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, какъ результатъ многолѣтняго размышленія его о средствахъ исправить академію и привести ее въ согласіе съ ея назначеніемъ, есть явленіе въ высшей степени замѣчательное. Изъ нашего обозрѣнія можно видѣть, какъ часто и какъ сильно волновало Ломоносова противозаконное и вредное преобладаніе канцеляріи, художествъ и книжной промышленности надъ ученою и учебною частями академіи, составляющими ея задачу и цѣль. Такое ненормальное, болѣзненное состояніе академіи, укоренившіеся въ ней оттого величайшіе безпорядки, парализировавшіе прямое ея назначеніе и представлявшіе ее чужеяднымъ растеніемъ, не давали покоя Ломоносову и заставляли его непрерывавшимися во всю его академическую службу протестами и жалобами не давать покоя тѣмъ, на оффиціальной и нравственной отвѣтственности которыхъ лежали честь и польза академіи.

Кто внимательно обсудитъ всѣ обнародованныя теперь свѣдѣнія о Ломоносовѣ, вдумается въ эту безспорно великую личность и въ результаты дѣятельности этой личности на разнообразныхъ поприщахъ его службы въ академіи, тотъ, конечно, не станетъ объяснять эти непрерывные протесты и жалобы одними личностями и безпокойнымъ характеромъ. Быть покойнымъ и молчать — легко, но вѣдь не въ спокойствіи и молчаніи заключаются честь и достоинство общественнаго дѣятеля. Ломоносову тѣмъ проще было оставаться спокойнымъ зрителемъ академической неурядицы и молчать, что наука, съ ея необозримыми задачами, могла поглотить собою всю его дѣятельность; какъ глубокій спеціалистъ, онъ, конечно, могъ погрузиться въ страстно любимую имъ науку

Digitized by Google

до полнѣйшаго отрѣшенія отъ окружавшей его неурядицы, и въ такомъ случаѣ, можетъ быть, и Шумахеръ съ Таубертомъ были бы внимательнѣе къ его нуждамъ и требованіямъ; а предъ потомствомъ онъ явился бы съ большимъ числомъ ученыхъ трудовъ и открытій, а слѣд. и съ большимъ правомъ на уваженіе его ученой репутаціи. Но не таковъ былъ характеръ Ломоносова, рожденнаго быть горячимъ общественнымъ дѣятелемъ. Все его прошедшее, казавшееся ему самому чудеснымъ, внушало ему мысль о призваніи служить дѣлу русскаго просвѣщенія. Его горячая, страстная натура не давала ему замкнуться въ предѣлахъ однихъ ученыхъ изслѣдованій и непрерывно вызывала его въ жизнь, въ общественную среду, и прежде всего въ его ближайшую служебную обстановку; а эта обстановка была такова, что могла вызвать къ дѣятельности и безстрастнаго человѣка.

Самымъ же больнымъ мѣстомъ въ ней было, какъ мы сказали, преобладаніе канцеляріи, художествъ и книжной промышленности надъ существенными частями академіи, а потому Ломоносовъ и преслѣдовалъ канцелярію до послѣднихъ дней своей жизни. Послѣдній его проектъ преобразованія академіи подрываетъ всякое значеніе канцеляріи и даетъ полный просторъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя и составляютъ цѣль академіи. Въ проектѣ объявительнаго указа о новомъ учрежденіи спб-ской академіи наукъ прямо сказано: «департаментъ художествъ соединить съ новоучрежденною нашею академіею художествъ, сколько по ея апробованному стату вмѣстно будетъ, а протчихъ людей разопредѣлить по другимъ командамъ; типографію и книжную лавку отдѣлить въ особливой корпусъ и учредить надъ нимъ особливую директорію; правленіе нашей академіи препоручаемъ президенту и вице-президенту обще съ академическимъ профессорскимъ со-

Digitized by Google

браніемъ; и ради того повелѣваемъ академическую канцелярію уничтожить» (672).

Такимъ образомъ Ломоносовъ составленнымъ имъ новымъ и послѣднимъ регламентомъ достигалъ той цѣли, къ которой онъ стремился въ продолженіе всей своей академической службы. Новый регламентъ былъ послѣднимъ его словомъ, послѣднимъ завѣщаніемъ академическому начальству и русскому обществу, указывалъ на единственное средство исправить академію и привести ее въ состояніе, соотвѣтствующее ея прямому назначенію. Противъ дѣйствительности этихъ средствъ едва-ли можно сказать что-нибудь даже тому, кто хотѣлъ бы объяснять весь длинный рядъ усилій Ломоносова, обращенныхъ на регламентацію академіи, одними личными побужденіями, одной враждой къ нѣмецкой академической канцеляріи.

Что же касается до положительной стороны новаго регламента, до организаціи ученаго сословія, опредѣленія обязанностей и круга дѣятельности академиковъ, то, для оцѣнки его съ этой стороны, даже странно было бы обращаться къ прошедшему, напр. къ сравненію его съ уставомъ 1747 года, недостатки котораго такъ вѣрно опредѣлены самимъ Ломоносовымъ и который такъ и остался безъ регламента: для сравнительной оцѣнки его необходимо обращаться къ отдаленному для Ломоносова будущему. Только академическому уставу нашего вѣка суждено было привести въ исполненіе нѣкоторыя радикальныя средства къ исправленію академіи, предлагаемыя проектомъ Ломоносова: должность вице-президента именно въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ее Ломоносовъ, дѣйствительно утверждена уставомъ близкаго къ намъ времени; обязанности секретаря академическаго собранія, заправляющаго по новому регламенту всѣми дѣлами академіи, почти тѣ-же, что и обязанности нынѣшняго непре-

Digitized by Google

мѣннаго секретаря; обязанности и кругъ дѣятельности академиковъ опредѣляются въ сущности такъ-же, какъ и въ обсуждаемомъ въ настоящія минуты послѣднемъ проектѣ академіи наукъ 1865 года. Но за-то мысль о преимущественномъ направленіи всѣхъ занятій академиковъ къ изученію Россіи недостаточно и только въ общихъ выраженіяхъ указана въ проектѣ 1865 года; завѣтное желаніе Ломоносова видѣть академію, состоящую изъ природныхъ русскихъ, также неудовлетворяемое послѣднимъ проектомъ, удерживающимъ прежній космополитическій характеръ, а равно мысль о значеніи почетныхъ (безжалованныхъ) членовъ и корреспондентовъ академіи — еще ждутъ своего осуществленія. На празднествахъ, совершенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, по поводу столѣтняго юбилея Ломоносова, высказана была, между прочимъ, мысль, что многіе ученые труды его опередили на цѣлое столѣтіе современное ему состояніе науки: о его новомъ регламентѣ академіи, по всей справедливости, должно сказать то-же самое.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія, мы позволимъ себѣ повторить не одинъ разъ сдѣланныя прежде замѣчанія, что изданный теперь академіей сборникъ матеріаловъ о Ломоносовѣ ни по полнотѣ, ни по выбору, нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ; что дѣятельность Ломоносова такъ широко и глубоко вторгалась во внутреннюю и внѣшнюю жизнь академіи и такъ цѣльно охватывала ту и другую, что принятый, въ настоящемъ случаѣ, способъ изданія, по которому выписывались большею частью только тѣ оффиціальные документы, или только тѣ мѣста изъ нихъ, въ которыхъ упоминается имя Ломоносова, или говорится о его непосредственномъ участіи въ дѣлѣ, рѣшительно должно признать несостоятельнымъ; что будущему біографу Ломоносова предстоитъ

Digitized by Google

очень много работы въ академическихъ архивахъ. Русское общество, сто лѣтъ ждавшее отъ академіи новыхъ матеріаловъ о Ломоносовѣ, разумѣется, должно быть благодарно за изданные теперь сборники, но ему въ то-же время именно изъ этихъ сборниковъ становится совершенно яснымъ, что изданные теперь Матеріалы должны послужить только началомъ работъ этого рода что академическіе архивы для біографіи Ломоносова, или, что то-же, для исторіи академіи наукъ его времени, должны подвергнуться полной и систематической разработкѣ. Приготовляемая теперь, какъ извѣстно, исторія академіи наукъ лучше всего докажетъ справедливость нашей мысли.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google